Царица Пальмиры

Бертрис Смолл

Бертрис Смолл

Царица Пальмиры

«АСТ»

1983

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Смолл Б.

Царица Пальмиры / Б. Смолл — «АСТ», 1983

ISBN 978-5-17-089698-1

Действие романа разворачивается в III веке в Римской империи. Красавица Зенобия, царица Пальмиры, властительница Востока, борется за власть с римским императором Аврелианом и, побежденная, вынуждена покориться ему. Развратный император преследует ее своей жестокой и мстительной любовью. Пройдя сквозь страшные испытания, многое пережив, Зенобия находит счастье с Марком Александром Британом, своей давней и единственной любовью.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-089698-1

© Смолл Б., 1983
© АСТ, 1983

Содержание

Пролог 6
Часть I. Девочка 10
Глава 1 10
Глава 2 31
Глава 3 55
Глава 4 76
Конец ознакомительного фрагмента. 84

Бертрис Смолл
Царица Пальмиры

© Bertrice Small, 1983
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Пролог

Ночь была черная и жаркая. Даже самый легчайший ветерок не шевелил листья великолепных высоких финиковых пальм. Небо цвета оникса было усыпано звездами, сверкавшими подобно бриллиантам. Вокруг стояла тишина, словно сама земля в нерешительности чего-то ждала. В предместье великого города-оазиса Пальмиры[1] стоял на отшибе дом известного военачальника племени бедави, Забаая бен Селима. Там, внутри, мучилась в родах женщина, пытаясь произвести на свет ребенка.

Ее стройное белое тело, мокрое от пота из-за огромных усилий и непереносимой летней жары, напряглось в родовых муках. Она переносила мучения молча и не кричала. Ведь кричать, по ее мнению, значило бы проявить слабость характера, а ведь она покорила Забаая вовсе не слабостью.

В полубредовом состоянии она вспомнила тот день, когда впервые увидела его. В тот раз он приехал в дом ее отца в Александрии и по ошибке забрел в сад на женской половине дворца. Их взгляды встретились, и ее прелестные серо-голубые глаза широко раскрылись под неистовым взором его черных глаз. Ее нежные розовые губы чуть приоткрылись от неожиданности, а юная грудь, вздымавшаяся от нахлынувших на нее чувств, о существовании которых она прежде и не подозревала, возбуждала его страсть. Ни слова не было сказано между ними. Он даже не спросил, как ее зовут. Он стал действовать: нашел выход из сада, разыскал ее отца и попросил ее руки. Это было величайшей дерзостью с его стороны, ведь ее отец – не только один из богатейших людей Александрии, но и прямой потомок последней великой царицы Египта, Клеопатры.

Симон Тит в свойственной римлянам манере дал своей дочери свободу выбора. Он спросил, чего она желает. А она желала Забаая бен Селима, этого человека из пустыни, с его ястребиным лицом и пронзительными черными глазами, который за один лишь миг пленил ее душу. Ну и пусть он старше ее на двадцать два года, пусть у него есть уже законная жена и несколько наложниц. Ей нет дела до того, что ребенок, которого она подарит ему, будет занимать менее важное положение по линии наследства. Ничто не имело для нее значения, кроме любви к этому удивительному человеку. Поэтому Симон Тит нехотя дал свое согласие.

Через месяц они поженились, и она покинула александрийский дом своего отца с его утонченным комфортом, чтобы вести жизнь, которая вынуждала ее первую половину года скитаться по сирийским пустыням, а следующую половину отдыхать в прекрасной Пальмире. Таков обычай бедави – проводить жаркое лето в Пальмире. Частью приданого стал изящный дом с садом на окраине города.

Ужасающая боль, никогда ранее не испытываемая, пронзила все тело, и она прикусила губу. Скоро все кончится, ее дитя наконец появится на свет.

Старшая жена Забаая, Тамар, велела ей тужиться, и она так и делала.

– Тужься, Ирис! Тужься, тужься! – подбадривала ее Тамар.

– А-и-и-и-й-и-й! – в один голос крикнули остальные женщины, когда ребенок показался между ног матери.

– Тужься!

– А я что делаю? – огрызнулась на старшую жену Ирис.

– Тогда тужься сильнее! – не давала ей снисхождения Тамар. – Ведь ребенок вышел только наполовину, Ирис. Ты снова должна поднатужиться.

---

[1] Пальмира (Пальмовый город) – крупный центр караванной торговли в Северо-Восточной Сирии. С I в. находилась в сфере римского владычества. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Скрипя зубами, Ирис стала неистово тужиться и вдруг почувствовала, как что-то влажное и теплое выскальзывает из ее тела, словно опустошая его, и боль каким-то сверхъестественным образом начинает утихать.

Тамар подхватила ребенка и, подняв его, объявила:

– Это девочка!

Потом передала малышку другой женщине и толкнула Ирис обратно на родильный стул.

– Должен выйти послед. Только тогда все закончится. Поднатужься еще один раз – и он выйдет.

– Я хочу видеть свою дочь!

– Пусть сначала Ребекка обмоет ее. Ты, как всегда, слишком нетерпелива, – бранила ее Тамар.

В то же время Тамар понимала, что чувствует мать в первый раз – и не только в первый раз, но и всегда.

Через несколько минут Ирис обтерли губкой, смоченной прохладной розовой водой, и надели на нее простую белую ночную рубашку. Малышку, которая громко закричала сразу после рождения, аккуратно запеленали и вручили матери.

Тамар взглянула на одну из женщин и резко скомандовала:

– Приведите моего господина Забаая!

Ей повиновались, как главной жене, и относились к ней со страхом и почтением. Именно ее сын, Акбар, должен в будущем принять на себя руководство всем племенем.

Глядя сверху вниз на Ирис, Тамар думала о том, как она прекрасна со своей молочно-белой кожей, светло-пепельными волосами и серо-голубыми глазами! Она так не похожа на других! Эту женщину Забаай не только любил, он, кроме того, мог подолгу разговаривать с ней.

Забаай вошел в комнату. Это был мужчина среднего роста и крепкого телосложения. Темные яркие глаза, черные волосы и бороду еще не тронула седина, несмотря на то что ему минуло уже сорок три года, прекрасное лицо с резкими чертами, будто высеченными из мрамора, с высокими скулами и ястребиным носом, губы полные и чувственные – Забаай был красивым мужчиной.

Его появление заставило всех женщин, кроме Тамар и Ирис, броситься на колени. Он взглянул на двух своих жен, и выражение его черных глаз смягчилось. Он любил их обеих – Тамар, спутницу своей молодости, и Ирис, утешение в старости. Другие женщины давали ему разнообразие и преходящие удовольствия, но этих двух он ценил.

– Боги осчастливили тебя дочерью, мой господин! – сказала Тамар.

– Дочерью?

Он удивился.

– Да, мой господин, дочерью!

Стоявшие на коленях женщины с лукавством посмотрели друг на друга, а те из них, что были злобны и ревнивы, с трудом сдерживались, чтобы не выдать свою радость. Они – матери сыновей, а единственное, на что способна эта александрийская сука, – всего лишь произвести на свет дочь! Они ожидали справедливого гнева своего господина и полагали, что он откажется от этого отродья и прикажет бросить ее на произвол судьбы.

Но на его лице появилась улыбка, и он расхохотался.

– Ирис! Ирис! – воскликнул он, и его глубокий голос потеплел, выражая одобрение. – Ты снова сделала то, чего от тебя не ожидали, и подарила дочь! Спасибо тебе, моя прекрасная жена! Спасибо тебе!

Преклонившие колени женщины были ошеломлены. Ее похвалили за то, что она родила дочь! Но ведь все мужчины хотели иметь сыновей, и чем больше, тем лучше. И Забаай не исключение. Он гордился своими тридцатью пятью сыновьями, даже помнил имя и возраст

каждого из них. Однако женщины все поняли: он так любит ее и поэтому готов простить ей все. Они смиренно вздохнули.

Ирис засмеялась, и ее тихий смех был полон озорного веселья.

– А разве я когда-нибудь делала то, чего от меня ждали, мой господин? – спросила она.

Его черные глаза смеялись ей в ответ. Бросив взгляд на остальных женщин, Забаай коротко приказал:

– Оставьте нас!

– Но только не Тамар, мой господин!

Ирис не хотела обижать Тамар, которая так добра к ней. Она не забывала: если Забаай умрет, то ее судьба и судьба ее дочери будут в руках старшего сына Тамар, Акбара.

Забаай наклонился, чтобы взглянуть на свою новорожденную дочь. Привыкший к крупным младенцам – мальчикам, он испытал нечто вроде благоговения при виде нежной крошечной девочки, отцом которой он был. Младенец спал, но изящные томные ресницы слегка трепетали на бледно-золотистой коже. Темные волосы девочки казались маленьким пучком пуха над ее красиво очерченной головой. Несмотря на дремоту, ее крошечные ручки двигались с трепетной неугомонностью, а тоненькие пальчики очаровывали его своими прозрачными миниатюрными ноготками. Он прекрасно знал, как нужно вести себя с сыном, но не знал наверняка, как следует обращаться с дочерью. Этот ребенок – единственный из всех его детей, рожденный от великой любви, которую он испытывал к его матери.

Подняв глаза, он заметил:

– Она очень маленькая!

Ирис и Тамар рассмеялись.

– Девочки при рождении обычно бывают меньше мальчиков, мой господин, – сказала Тамар.

– Ох!

Он чувствовал, что ведет себя немного глупо, но ведь это его первая дочь!

– Где халдей? – спросил он, внезапно вспомнив о чем-то.

– Здесь, господин!

Из темного угла комнаты неожиданно появилась сгорбленная фигура старца с острыми глазками и длинной белой, как снег, бородой. Он был одет в темную, струящуюся мантию, украшенную звездами и лунами, вышитыми серебряной нитью. Старик низко поклонился, и у Ирис захватило дыхание. Ей показалось, что сидевший на его голове немного набок тюрбан вот-вот упадет прямо на подол ее рубашки. Но он так и не упал.

– Отметил ли ты на небесах точный момент рождения этого ребенка, халдей?

– Да, отметил, мой господин Забаай! В тот самый момент, когда дочь выскользнула из лона своей матери, небесные тела Венера и Марс встретились и соединились. Никогда еще не видел я столь благоприятных знаков. Это предвещает для нее великие события!

– Какие великие события, халдей?

– Все откроется в полном гороскопе ее рождения, мой господин, а сейчас могу лишь сказать, что твоя дочь добьется успеха и в любви, и на войне, ибо боги, как я вижу, уже возлюбили ее.

Забаай удовлетворенно кивнул. Халдей был самым уважаемым астрологом на Востоке. Он славился не только точностью своих предсказаний, но также и честностью.

Когда старик, пятясь, вышел из комнаты, Забаай взглянул на молодую жену с огромной любовью.

– Как же мне вознаградить тебя, моя любовь, за это изумительное дитя? – спросил он.

– Позволь мне дать ей имя, мой господин! – ответила Ирис.

– Очень хорошо! – согласился он, довольный.

Другая женщина на ее месте попросила бы у него драгоценности. Тамар не смогла сдержать любопытство:

– Как же ты назовешь ее?

– Зенобия, – последовал ответ. – Та, которой дал жизнь Юпитер.

– Зенобия… – размышлял Забаай. – Это хорошее имя!

– А теперь ты должна отдохнуть. – Тамар забрала у Ирис младенца. – Пусть твоя Баб присмотрит за Зенобией, пока ты будешь спать.

Ирис кивнула. Теперь, когда возбуждение, вызванное родами, уже позади, она начинала чувствовать сонливость. Забаай поднялся, наклонившись на мгновение, чтобы поцеловать свою молодую жену, а потом вместе с Тамар вышел из комнаты.

Оставшись в одиночестве, Ирис вздохнула и очень осторожно потянулась, чтобы найти более удобную позу. Как прекрасно ее дитя! Завтра она принесет в жертву ягненка в храме Юпитера, чтобы поблагодарить его за дочь. Ее заинтересовали предсказания халдея, но она не до конца поняла их. Потом, когда ее начал охватывать сон, беспокойство постепенно исчезло. Какое все это имеет значение, раз Зенобия благословенна и находится под покровительством?

– Пусть боги будут благосклонны к тебе на протяжении всей твоей жизни, доченька моя! – нежно прошептала Ирис и заснула.

Часть I. Девочка

Глава 1

– С днем рождения, Зенобия!

Зенобия бат Забаай, которой исполнялось шесть лет, счастливо засмеялась в ответ на поздравление своей семьи. Она была прелестным ребенком – высокая для своего возраста, с длинными непокорными темными волосами, которые ее мать уложила красивыми локонами ради такого торжественного случая, и блестящими серебристо-серыми глазами. Ее незамысловато задрапированная белая туника с поясом из голубого шелкового шнура оттеняла ее светло-золотистую кожу.

Забаай бен Селим подхватил свою единственную дочь на руки и поцеловал.

– Разве ты не хочешь узнать, какие подарки тебе приготовили, моя драгоценность?

Зенобия хихикнула и с озорным выражением взглянула на своего обожаемого отца.

– Конечно, хочу, папа, но мама сказала, что я не должна спрашивать, пока мне их не предложат.

Забаай бен Селим не смог удержаться.

– Али! – взревел он. – Веди сюда подарок ко дню рождения моей дочери.

В открытый внутренний двор вошел любимый раб отца Зенобии, ведя за собой изящную, горячую, гарцующую серую кобылу в уздечке из красной кожи с позвякивающими на ней медными бубенчиками. На ней было маленькое седло, подходящее по размерам для девочки.

Зенобия онемела от изумления и восторга. Ничего ей так не хотелось иметь, как свою собственную красивую арабскую лошадь. Последние шесть месяцев она много раз довольно прозрачно намекала на это своему отцу.

– Ах, папа! – наконец прошептала она.

– Значит, она тебе нравится? – поддразнивал свою единственную любимую дочь Забаай бен Селим.

– О да! Да, папа! Да!

– Забаай, но ведь ты ничего не сказал мне! Лошадь? Но ведь девочка еще совсем маленькая! – Ирис казалась обеспокоенной.

– Не беспокойся, любовь моя! Эту кобылу вырастили послушной. Обещаю, все будет хорошо.

Тамар положила свою нежную руку на плечо Ирис и тихим голосом произнесла:

– Не оберегай ее чрезмерно, Ирис! Вряд ли такое воспитание пойдет ей на пользу. Женщин племени бедави воспитывают сильными и независимыми!

– Я хочу покататься на ней сейчас же! – воскликнула Зенобия.

Забаай поднял дочь и посадил ее на спину кобылы. Она сидела горделиво, словно была рождена для того, чтобы сидеть в седле.

– Поехали, Акбар! Я буду соревноваться с тобой! – бросила Зенобия вызов наследнику отца.

– Я должен звать свою лошадь! – запротестовал он, изумленный.

– Ну так поспеши! – поддразнила она и быстро выехала через ворота внутреннего двора.

В тот год, когда Зенобии исполнилось одиннадцать лет, она решила, что не отправится со своей семьей в традиционные зимние скитания. Пальмира вдруг стала для нее необычайно притягательным местом. Как она любила этот город с его улицами, огромными храмами, широкими, вымощенными мрамором аллеями, с его великолепными, богатыми рынками! У каждого

из этих рынков был свой, непохожий на другие и неповторимый запах: дубящейся кожи, духов, мокрой шерсти, которую подготавливают для прядения и крашения, чанов для окрашивания шелка, скота; пряностей и всевозможной экзотической пищи. Зенобия просто не смогла бы вынести нового расставания с этим городом!

С упрямой решимостью она спряталась и теперь радостно поздравляла себя, убежденная, что ее не найдут.

– Зенобия! – Голос Тамар эхом отдавался по пустому дому.

– Зе-но-би-я! Где ты, дитя? Ну, иди же, сколько можно прятаться от нас! Путешествие уже началось!

– Зенобия, ты ведешь себя глупо! – Голос Ирис все больше наполнялся раздражением.

– Иди сейчас же к нам!

Тихонько посмеиваясь, девочка скорчилась под огромной кроватью в спальне своего отца. Нет, в этом году она не хочет проводить зиму в этой проклятой пустыне! Только одни боги знают, как она ненавидит ее! Мили, мили и мили бесконечного песка! Длинные, скучные дни, голубое небо, безоблачное и неподвижное, словно каша. Она даже фыркнула от отвращения.

И эти козы! В то время как лучшая ее подруга Юлия Туллио проводила восхитительный зимний сезон в Пальмире, ходила в театры и на игры, она, Зенобия бат Забаай, вынуждена пасти этих бессловесных, вонючих коз! Это просто возмутительно! Бедави измеряли богатство человека количеством скота, которым он владел, а у ее отца было очень много стад. Но как же невыносимо всю зиму гоняться за этими глупыми, норовистыми козами!

Лишь ночи в пустыне очень интересные. Она любила то время, когда небо темнело и покрывалось звездами. Некоторые из них были такие яркие и большие, что казалось, до них можно дотронуться. Отец научил ее читать звезды, и она знала, что, пока есть звезды на небе, она сможет найти обратный путь в Пальмиру даже из подземного царства Гадес.

– А, Зенобия! Так вот ты где!

Тамар протянула руку и вытащила девочку из-под кровати.

– Нет! – яростно сопротивлялась Зенобия. – Я не поеду! Я ненавижу эту пустыню! Ненавижу!

– Не будь глупенькой! – терпеливо отвечала ей Тамар. – Ведь ты – бедави, а пустыня – это наш дом. А теперь поедем, Зенобия! Ты же моя хорошая девочка! – И Тамар подняла ее на руки.

Но дерзкая девчонка вырвалась, и глаза засверкали недобрым огнем.

– Я бедави только наполовину, но даже эта моя половина не любит пустыню!

Тамар рассмеялась. Это правда, и в самом деле ей не в чем обвинять Зенобию. Она еще такая юная, и город манит ее к себе. Подошла Ирис, и Зенобия бросилась к своей прелестной матушке.

– Я не хочу ехать, мама! Почему мы не можем остаться здесь? Мы обе? Папа не будет возражать. Театральный сезон как раз начинается, и Юлия говорит, что этой зимой выступает прекрасная труппа танцоров и актеров из Рима.

– Наше место – рядом с твоим отцом, Зенобия!

Ирис никогда не повышала голос, но тон его не оставлял сомнений в безусловности повиновения. Она погладила темную головку своего ребенка. Какой красавицей становится эта крошка, и как сильно она, Ирис, любит ее!

– А нельзя ли мне остаться с Юлией? Ее мама согласна. Неужели так необходимо, чтобы я пасла коз! – сделала Зенобия последнюю отчаянную попытку.

– Да, Зенобия! – последовал твердый и спокойный ответ.

Однако едва заметная улыбка задрожала в уголках губ Ирис. «Бедная Зенобия», – подумала она. Теперь она знает, что чувствует ее дочь. Надо молчать, ведь сочувствие лишь подталкивает к бунту. Ирис тоже ненавидела пустыню, но за все эти годы она ни разу не призна-

лась в этом вслух. Пустыня – часть жизни ее мужа, и, выйдя за него замуж, она приняла ее. Она протянула дочери руку.

– А теперь пойдем, моя дорогая! Пойдем без дальнейших препирательств. Караван уже успел далеко уйти, а ведь ты знаешь, как я не люблю скакать галопом на верблюде! Ты же не хочешь, чтобы меня стало тошнить от тряски. Ну, пойдем же!

– Да, мама. – Зенобия вздохнула, побежденная.

Они направились к двери, как вдруг услышали на лестнице за дверью спальни звуки чьих-то шагов. Тамар окаменела, почувствовав опасность. Потом, оттащив Зенобию от матери, толкнула девочку под кровать с ярко-красными атласными занавесями.

– Оставайся здесь! – торопливо прошипела она. – И что бы ни случилось, не вылезай отсюда, пока я не скажу! Ты поняла меня? Не вылезай, пока я не позову тебя!

Прежде чем Зенобия могла выразить протест, дверь спальни рывком распахнулась. Из своего укромного места она не могла видеть, как в комнату ворвался отряд римских солдат.

Тамар быстро выступила вперед и сказала:

– Доброе утро, центурион![2] Чем я могу быть вам полезна?

Центурион дерзко рассматривал ее, думая, что у этой женщины красивая фигура и большие мягкие груди, она выглядит чистой и здоровой.

– Чей это дом? – спросил он.

Тамар поняла его взгляд. Она молилась о том, чтобы ей удалось сохранить спокойствие.

– Это дом Забаая бен Селима, военачальника племени бедави, центурион. Разрешите мне представиться – Тамар бат Хаммид, старшая жена Забаая бен Селима, а эта, другая госпожа, – вторая жена моего господина, Ирис бат Симон.

– Почему вы одни? Где слуги? – Голос центуриона звучал высокомерно.

– Я вижу, вы недавно в Пальмире, центурион. Бедави проводят в Пальмире лишь половину года. Другую же половину мы кочуем в пустыне. Мой муж уехал всего несколько минут назад.

Мы с Ирис проверяем, все ли в порядке. Ведь нельзя полагаться на рабов.

На минуту она сделала паузу, надеясь, что центурион удовлетворится и позволит им уйти. Однако, видя, что его намерения все еще не изменились, она решилась перейти в атаку.

– Могу ли я спросить, почему вы вошли в этот дом, центурион? Это не в обычаях римской армии – входить в частные дома в дружественном городе. Мой муж – глубокоуважаемый гражданин этого города, почитаемый всеми, кто его знает. У него есть римское гражданство, центурион, и он лично знаком с губернатором. Я также скажу вам, что Забаай бен Селим приходится двоюродным братом правителю этого города, князю Оденату.

Центурион сказал, не глядя на нее:

– Когда мы проезжали мимо, ворота были широко распахнуты, и так как мы увидели, что дом пуст, то решили проверить, не грабят ли разбойники собственность римского гражданина.

Он лгал, и оба они знали это. Когда Забаай уехал, он крепко запер за собой ворота. Тамар стало страшно, но она знала, что если покажет свой страх, то этим только побудит этих людей совершить то злодейство, которое они задумали.

– Римляне, как всегда, хранители мира. Я расскажу моему господину Забааю о вашей заботе, центурион. Ему будет очень приятно услышать это, – сказала Тамар, и ее голос звучал твердо и искренне.

Она повернулась к Ирис, которая, нервничая, стояла позади нее.

– Пойдем, Ирис! Мы должны поспешить, чтобы встретиться с нашим господином Забааем. Верблюды стоят в стойлах, центурион. Не будет ли один из ваших людей так добр привести их?

---

[2] Центурион – командующий центурией, подразделением римского войска, состоявшим из ста или менее воинов.

– А откуда мне знать, что вы действительно те, за кого себя выдаете? – сказал центурион. – Может быть, вы воровки, и тогда у меня и у моего командира будут неприятности.

Кольцо мужчин все теснее смыкалось вокруг них.

– Мой господин Забаай, его жены и вся его семья хорошо известны римскому губернатору города! – угрожающе повторила Тамар.

Теперь она не на шутку испугалась. Тамар поняла, что эти люди не легионеры, а иностранные наемники, варвары, завербованные в галльских и германских племенах, известные своей безжалостностью, лишенные милосердия и уважения к кому бы то ни было, в том числе и к женщинам.

– Я не сомневаюсь в том, что вы обе хорошо известны в городе, – вкрадчиво произнес центурион.

Окружавшие его мужчины засмеялись, и в их глазах загорелось возбуждение. Его взгляд был дерзким и жестоким, он протянул руку и оттолкнул Тамар в сторону.

– А вот тебя я хочу получше разглядеть! – сказал он Ирис, вытащив ее вперед.

Вначале она смотрела на него не дрогнув, и ее серо-голубые глаза выражали презрение. Но сердце так тяжело билось в груди. Ей казалось, что она смотрела в лицо смерти. Центурион не спеша гладил ее пепельно-белокурые волосы. Потом его рука медленно скользнула по ее телу вниз и стала ласкать ее груди.

– Центурион, – сказала она тихим, напряженным голосом, – я не только жена Забаая бен Селима, но и единственная дочь крупного банкира Симона Тита из Александрии. Не допустите, чтобы простая грубость переросла в серьезное преступление!

– Ты лжешь! – нагло ответил он. – Ты – пальмирская проститутка!

– Центурион, не делайте этого! – сказала Ирис, и теперь ее голос дрожал. – Разве у вас нет жены или сестры? Понравилось бы вам, если бы кто-нибудь сделал с ними такое?

Он бесстрастно взглянул на нее, и она не увидела ни жалости, ни сострадания в его синих, как лед, глазах.

– Прошло уже много времени с тех пор, как я в последний раз спал с блондинкой, – сказал он и опрокинул ее на кровать.

Она попыталась вырваться, но он грубо пихнул ее назад. Самообладание покинуло Ирис. Она визжала в страшном испуге. Центурион злобно ударил ее, разорвал на ней платье и задрал его вверх, к животу. Его колено протиснулось между ее ног, а она боролась с ним, царапая ногтями лицо, сходя с ума от страха и испытывая стыд от того, что происходило с ней. Она не знала других мужчин, кроме своего любящего, нежного мужа. Ирис не могла представить себе, что мужчина мог сделать с женщиной такое. Она поняла – бороться бесполезно, но в глубине души отказывалась принимать весь этот ужас. Центурион в ярости от того, что ему мешают, продолжал бить ее, чтобы заставить покориться. Ее глаза распухли и почти закрылись, и тут она почувствовала, что он одолевает ее и, причиняя ей жестокую, жгучую боль, проникает в ее сопротивляющееся тело. Наконец рассудок покинул ее, а он снова и снова бил ее, не думая ни о чем, кроме собственного удовольствия от того, что подчинил себе эту женщину.

– Ей-богу, – проворчал он, – это самая лучшая сука из всех, которых я трахал за многие месяцы!

Под кроватью, скрытая покрывалами, маленькая Зенобия закрыла глаза, плотно сжимая веки. Странные звуки наверху пугали ее. Она дрожала и была смущена, услышав, как ее мать умоляла кого-то таким испуганным голосом. Потом ее мать пронзительно закричала, и больше она не слышала голосов женщин, а только грубый смех мужчин и слова, которых она не понимала.

Ирис не услышала эти слова. Она так и не узнала, что ею овладел не только центурион, но и полдюжины других мужчин, которые терпеливо ждали своей очереди, чтобы изнасиловать ее теперь уже неподвижное тело. В конце центурион изнасиловал ее во второй раз и выругался,

потому что кончил слишком быстро. В раздражении он перерезал ей горло, так, как режут беззащитного ягненка – быстро и бескровно.

Тамар, которую опрокинули на спину на холодный, покрытый плитками пол и задрали платье на голову, пришлось лишь немногим лучше, чем Ирис. Но Тамар не пыталась сопротивляться. Ее, изнасилованную, оставили умирать, даже не потрудившись прикончить ножом. Она лежала, едва дыша, пока солдаты грабили комнату, забирая те немногие вещи, которые в ней еще оставались. Ведь большую часть обстановки, как всегда, Забаай бен Селим увез с собой. Тамар испуганно затаила дыхание, когда они сорвали с кровати занавески вместе с покрывалом. Она молила всех богов, каких только могла вспомнить, о том, чтобы в своей алчности и похотливой торопливости они не заметили маленькую Зенобию. И эти горячие молитвы были услышаны. Ее глаза встретились с испуганными глазами дочери Ирис, и она предупредила девочку, чтобы та не двигалась и была безмолвна, как могила.

Казалось, целую вечность Тамар лежала на животе на холодных плитках пола. Ее изнасилованное тело непереносимо болело. Она не осмеливалась даже стонать из страха, что солдаты поймут, что она жива. Наконец, обыскав все комнаты в поисках ценностей, они покинули дом Забаая бен Селима. Тамар услышала, как их лошади стучали копытами во внутреннем дворе, и удивилась, как это она не слышала их раньше. Возможно, они намеренно бесшумно ввели животных внутрь с тем, чтобы захватить врасплох людей, оставшихся в доме. Теперь по крайней мере она знала, что они кавалеристы и это сузит круг поисков ее мужа, когда он будет искать виновных.

Уверенная в том, что теперь они остались одни, Тамар застонала от боли и попыталась сесть. Зенобия выкарабкалась из-под кровати. Ее личико было мокрым от слез, когда она помогала Тамар. Девочка была бледна и дрожала от страха. Она старалась не смотреть в сторону кровати.

– Моя мама мертва?

Тамар кивнула:

– Не гляди на нее, дитя мое!

– Но почему, Тамар? Почему они сделали это? Ведь вы сказали им, кто вы такие! Почему же они причинили тебе боль? Почему они убили мою маму?

Тамар выплюнула выбитый зуб.

– Этим римлянам и слова нельзя сказать, – презрительно произнесла она.

С помощью Зенобии ей удалось наконец сесть, привалившись спиной к кровати. Вдруг, смутившись от того, в каком беспорядке ее одежда, она одернула юбки, разрезанные, разорванные и испачканные солдатами.

– Думаю, они вряд ли украли наших верблюдов, дитя мое. Иди в конюшню, возьми одного из них и скачи к своему отцу как ветер. Расскажи ему о том, что случилось! Я не могу ехать, Зенобия, мне придется ждать здесь!

– Это моя вина! – воскликнула Зенобия, и из ее ясных глаз хлынули слезы. – Моя мама мертва! Ах, это все мои капризы, уехали бы мы все вместе, не случилось бы этого! – И она горько расплакалась.

Тамар глубоко вздохнула. У нее все болело, и ей хотелось громко крикнуть Зенобии, что действительно это она виновата в том, что задержала их. Но потом женщина взглянула в лицо ребенку, только что потерявшему мать.

– Нет, дитя! – твердо произнесла она и вдруг сама поверила в это. – Ты не должна обвинять себя. Это – судьба, воля богов. А теперь поезжай и приведи сюда своего отца!

– А как же ты? – беспокойно вздохнула Зенобия.

– Принеси мне кувшин воды, и я как-нибудь переживу. А после этого сразу же поезжай. Но будь осторожна!

– Я выеду через задние ворота! – пообещала Зенобия.

Тамар устало кивнула. Она вдруг почувствовала себя очень утомленной и очень, очень старой. Она выживет, хотя бы для того, чтобы увидеть, как покарают тех, кто сделал с ней это и кто так бессмысленно убил Ирис. Она долго сидела в полуденной жаре, бесстрастно наблюдая, как два больших слепня летали, жужжа, вокруг зверски растерзанного тела Ирис.

Зенобия покинула дом, пройдя из сада, располагавшегося рядом с кухней, в конюшни, где ждали три нетерпеливых и норовистых верблюда, жевавших свою жвачку. Она ничего не чувствовала – ни горя, ни гнева, ни страха. Она оцепенела от пережитого потрясения, вспоминая, как ее мать молила о милосердии. Никогда прежде Зенобия не слышала, чтобы голос ее матери звучал так умоляюще и испуганно. Этот голос все еще звучал в ее ушах, и она знала, что не забудет его до конца дней.

Она рассеянно похлопала своего верблюда, необычайно кроткого, со светлой шерстью. Оседлав животное, она направила его через задние ворота дома своего отца, наклонилась, чтобы отодвинуть засов, и выехала на дорогу, ведшую в пустыню. Верблюд двигался быстро, его шаги становились все больше и больше, и наконец он, казалось, полетел над дорогой.

Зенобия сидела на его спине, надежно устроившись в седле из красной кожи. Свой белый льняной хитон она подтянула вверх, чтобы свободно управлять верблюдом, в то время как ум напряженно работал. Почему эти люди убили ее мать? Она не могла понять этого, ведь в своей жизни она видела от людей только добро и снисходительность. Ее отец, старшие братья, их друзья баловали ее. Она знала, что мужчины, случается, бьют своих жен. Однако все это не выходило за рамки приличий. Все говорили, что женщин время от времени необходимо наказывать. Однако ей никогда не приходилось видеть, чтобы ее отец бил своих жен. А ведь ее мать даже не знала мужчин, которые напали на нее. Но раз она не знала их, тогда почему же они так жестоко поступили с ней, почему причинили ей боль, почему убили ее? Она не могла понять этого.

Значит, жестокость – это черта, характерная для одних только римлян? Может быть, их поразила какая-то особая форма сумасшествия, которая заставляла нападать на невинных чужеземцев?

Маленькими пятками она побуждала верблюда бежать еще быстрее, – впереди была видна пыль, которую поднимал караван ее отца. Вскоре она уже проезжала мимо групп семей, входивших в их племя. Все махали ей руками и окликали, приветствуя, когда ее верблюд галопом скакал мимо. Они улыбались ей вслед, любимице всех членов племени. Они любили ее не за то, что она дочь их предводителя. Зенобию бат Забаай – веселого и доброжелательного ребенка – невозможно было не любить. Во главе группы она увидела своего отца и старшего из своих братьев, Акбара. Она принялась махать им и неистово кричать, и ее юный голос глухо отдавался в ушах.

– Привет, малышка! Не хочешь ли ты на этой старой, искусанной блохами кляче соревноваться с моим чемпионом? – воскликнул, поддразнивая ее, Акбар.

Но тут он увидел ее измученное и бледное маленькое личико и, повернувшись к своему отцу, крикнул:

– Отец, что-то случилось!

Караван остановился. Забаай, сойдя с верблюда, спустил на землю свою юную дочь. Вокруг них начала собираться толпа.

– В чем дело, мой цветок? – спросил военачальник бедавийцев. – Где твоя мать и Тамар?

– Римляне… – начала Зенобия, – пришли римляне, и мама мертва, а Тамар тяжело ранена!

– Что?! Что ты говоришь, Зенобия? Ведь римляне – наши друзья!

– Римляне убили мою мать! – пронзительно завизжала Зенобия. Она совершенно потеряла самообладание, и горячие слезы грязными ручейками стекали по ее маленькому личику. – Тамар спрятала меня под кроватью. Я не видела их, но все слышала. Они сделали с моей мамой

что-то такое, что заставило ее пронзительно кричать, плакать и молить их о милосердии. Я еще никогда не слышала, чтобы моя мама кого-нибудь умоляла, но они заставили ее умолять, а потом убили ее! Тамар в таком ужасном состоянии, что не смогла даже подняться с пола. Ты должен ехать домой, отец! Ты должен ехать домой!

Забаай бен Селим почувствовал, что ноги под ним подкашиваются. Он понял, что сделали с его женами, хотя его невинная юная дочь не знала этого. Единственный вопрос, который он задавал себе, – почему? Воя от гнева, боли и горя, он начал рвать на себе бороду и одежду. Потом, когда первая яростная атака боли миновала, он начал отдавать приказы. Караван быстро развернулся. Однако Забаай бен Селим, его старшие сыновья и дочь не стали ждать остальных. Вскочив на верблюдов, они быстро поехали обратно по дороге через пустыню по направлению к предместью Пальмиры, где в лучах яркого полуденного солнца стоял их дом. Они скакали так быстро, что следовавший за ними караван видел на своем пути лишь пыль от их верблюдов, которая все еще клубилась в воздухе, приобретая от жары желтый цвет.

Они нашли Тамар в полубессознательном состоянии. Теперь Зенобия наконец осмелилась взглянуть на оскверненное тело своей матери, и у нее перехватило дыхание от ужаса перед тем, что она увидела. Тело Ирис было распростерто на кровати в нелепой позе, ее бледно-голубое платье и белоснежная нижняя туника разорваны и обнажали ее прелестные груди, покрытые синяками и ранами. Молочно-белые бедра в огромных багряных пятнах. Ее прекрасное милое лицо с серо-голубыми глазами, навеки закрытыми, ее нежный алый рот, злобно и жестоко искусанный – все это узнавалось с трудом. Как же ее изуродовали!

– Мама!

Этот крик вырвался из самой глубины души Зенобии. Она тупо уставилась на тело убитой матери, не в состоянии полностью осознать все происшедшее. Глядя на тело, она не желала верить в то, что Ирис действительно мертва.

– Уведите отсюда ребенка! – лаконично скомандовал Забаай, не обращаясь ни к кому в отдельности. – Ей не следует видеть это! Уведите ее отсюда!

– Нет! – Зенобия увернулась, хотя дрожала от пережитого потрясения и горя. – Я должна запомнить и уже никогда не забыть этого! Я буду помнить о том, что сделали римляне!

Акбар не стал спорить со своей младшей сестрой. Он подхватил и вынес ее, плачущую, из комнаты. Девочка свернулась в его руках калачиком, словно пытаясь скрыться от правды. Ее горькие рыдания разрывали его сердце. Утомившись, он сел на ступеньку лестницы, ведущей на нижний этаж дома, и стал укачивать свою маленькую сестричку.

Ирис была на несколько лет моложе Акбара, когда его отец привез новую жену из Египта. Некоторое время он воображал себя ее любовником. Он подозревал, что Ирис знала об этом, но никогда не смущала его и не заигрывала с ним. Она относилась к нему с уважением. И тяжелые всхлипывания вырвались из его горла.

Воспоминания прервал голос Зенобии:

– Но почему они убили ее, Акбар? Почему?

Теперь она глядела на него снизу вверх, и ее маленькое личико в форме сердечка было грязным и мокрым от слез.

– Они убили ее, потому что они – римские свиньи! – гневно ответил он. – Всех, кто не родился римлянами, они называют варварами, но именно они и есть самые настоящие варвары. Они говорят, что Рим основали два брата – сироты, оставленные на смерть на склоне холма, но спасенные и вскормленные волчицей. И я верю в это! Они так и остались дикими зверями до сегодняшнего дня!

– А что они сделали с моей матерью, Акбар? – боязливо спросила она.

Он заколебался, не уверенный, следует ли ему отвечать. Ведь она еще ребенок. Она могла быть его собственной дочерью. У него сын ее возраста. Он не знал наверняка, насколько она

осведомлена об отношениях между мужчинами и женщинами. Однако из своего прошлого опыта он знал, что от Зенобии так просто не отделаешься.

– Знаешь ли ты, маленький цветок, как происходит зачатие ребенка?

– Да, – тихо ответила она. – Мама рассказывала мне об этом, потому что, говорила она, когда-нибудь я стану женщиной. Когда мужчина занимается с женщиной любовью, то вполне естественным результатом их союза будет ребенок. И моя мама говорила, что это хорошо!

– Это правильно, – ответил он ей.

Ему не пришлось обдумывать свои слова. Она уже понимала достаточно много, чтобы можно было все объяснить ей, и он сказал:

– Римляне принудили твою мать заниматься с ними любовью, Зенобия. Когда женщину принуждают к этому, это называется изнасилованием. Римляне изнасиловали твою мать, тем самым обесчестив ее, обесчестив нашего отца, нашу семью и всех бедавийцев. Затем они перерезали ей горло, чтобы не осталось свидетелей их преступления. Моя мать сказала, что ее сочли убитой и не стали добивать ножом.

На мгновение Зенобия оставалась безмолвной, а потом спросила:

– Значит, Тамар тоже изнасиловали?

– Да, – сказал он напряженным голосом. – Мою мать тоже изнасиловали.

– Значит, поэтому она и спрятала меня, Акбар? – спросила Зенобия. – Она не хотела, чтобы меня тоже изнасиловали?

– Если бы изнасиловали тебя, это было бы самое худшее бесчестье. Ведь ты – девственница, ты никогда не знала мужчины. Часть твоей ценности для твоего будущего жениха как раз и заключается в твоей девственности. Мужчина, женясь на девственнице, не хочет путешествовать по дороге, по которой прошли другие! – торжественно произнес Акбар.

Она снова умолкла и еще крепче прильнула к его коленям. Теперь она понимала, почему ее мать кричала и умоляла римлян. Она пыталась спасти свою добродетель и честь своего мужа. Какие же страшные звери эти римляне! Зенобия жаждала мести!

Из спальни ее отца доносились звуки причитаний. Прибыли другие члены их племени, и женщины, входившие в комнату, всхлипывали, испытывая печаль, сочувствие и стыд. Забаай бен Селим вышел из своей комнаты и коротко сказал старшему сыну:

– Отведи Зенобию в ее комнату, я расспрошу ее.

Акбар поднялся и отнес сестру в ее комнату, находившуюся в женской половине дома. Посадив ее на кровать, он успокаивающе похлопал ее по плечу и чуть-чуть улыбнулся. У самого Забаая лицо было мрачным и угрожающим. Он сурово взглянул на свою юную дочь.

– Я выслушал рассказ Тамар, а теперь хочу услышать это из твоих уст.

Она сглотнула, а потом изложила ему эту историю со своей, детской точки зрения. Она обвиняла себя в том, что стала причиной задержки. Забаай ничего не сказал. Какой бы гнев он ни испытывал, этот гнев таял перед лицом их общего горя.

Римляне заплатят за это! О да, они заплатят! Он уже послал дюжину своих сыновей в город, приказав им привести к нему римского губернатора вместе с молодым правителем Пальмиры князем Оденатом. Только после того как они увидят весь ужас того, что случилось с его женами, он уберет из своей спальни тело Ирис и похоронит его с теми почестями, которые она заслужила.

Он нежно обнял Зенобию.

– Ты не виновата, дитя мое. А теперь отдохни, я пошлю к тебе Баб. Сожалею, но тебе придется повторить свой рассказ в последний раз в присутствии губернатора.

Забаай вышел из комнаты. Гнев огненной лавой залил душу, стучал в висках, не оставляя места грусти. Всю свою жизнь он был гражданином Пальмиры, а кроме того, еще и римским гражданином, как и все жители Пальмиры. Казалось невероятным, что солдаты империи вышли из-под контроля в мирном торговом городе. Ему вдруг захотелось остаться наедине со

своим горем. Но это потом, когда он насытится местью. Сначала он должен потребовать справедливой мести.

Вернувшись в туалетную комнату, он смыл с лица пыль пустыни и переменил одежду. Рабы убрали таз с розовой водой, надушили и расчесали его бороду. Он все еще был красивым мужчиной, среднего роста, с густой черной бородой, в которой уже проглядывала седина. Только темные глаза, потускневшие от страданий, выдавали его чувства.

В комнату вошел его сын.

– Они здесь, отец!

Забаай кивнул и вышел, чтобы приветствовать гостей.

– Мир вам, мой господин князь, и вам также, Антоний Порций. Добро пожаловать в мой дом, хотя теперь это дом скорби!

– Мир и тебе тоже, кузен! – ответил князь.

Но, прежде чем он успел произнести что-нибудь еще, римский губернатор заговорил в раздражении.

– Что за срочность такая? – спросил он, и его хорошие манеры словно испарились из-за жары и головной боли. – Меня буквально стащили с ложа эти бородатые хулиганы, твои сыновья, Забаай бен Селим, и безо всяких объяснений заставили пойти с ними! Напоминаю тебе, вождь бедави, что я – императорский губернатор Пальмиры и ко мне должны относиться с почтением!

– Именно из-за твоего положения, Антоний Порций, я и вызвал тебя сюда!

– Ты? Ты вызвал меня?!

Голос Антония Порция перешел в гневный визг. Его маленький двойной подбородок сердито дрожал.

– Да! – прогремел ему в ответ Забаай. – Я, Забаай бен Селим, военачальник бедави, вызвал тебя! И лучше тебе, мой господин губернатор, внимательно выслушать, о чем я хочу рассказать тебе. В это утро я со своей семьей выехал из Пальмиры в ежегодное зимнее кочевье в пустыню. Как ты хорошо знаешь, каждый год в это время мы уезжаем на сезон дождей в пустыню, чтобы пасти наши стада. Так вот, двое из моих жен были вынуждены остаться, потому что моя единственная дочь Зенобия не выносит наши зимние странствия по пустыне. Со своей детской логикой она решила, что если спрячется, то нам придется оставить ее в Пальмире. Конечно, ее мать и Тамар нашли ее. Когда женщины уже собирались ехать, они услышали на лестнице, ведущей к моей спальне, чьи-то шаги. С невероятной предусмотрительностью Тамар спрятала мою маленькую дочь под кровать. Хвала богам, что она сделала это!

В мой дом ворвались римские солдаты, Антоний Порций! Под предводительством своего центуриона они напали на обеих моих жен и, изнасиловав их, бросили Тамар умирать, а моей несчастной Ирис перерезали горло. И все это время, спрятанная под кроватью, моя бедная маленькая девочка сидела, скорчившись в ужасе!

Эти люди были римскими наемниками, Антоний Порций! Наемники из алы[3]. Для тебя не составит труда выловить их. Я хочу, чтобы они были наказаны! Я согласен только на их смерть, не меньше! Слышишь, императорский губернатор? На смерть, не меньше!

Князь Оденат казался огорченным, услышав слова своего двоюродного брата.

– Твоя прелестная Ирис мертва? Забаай, что я могу сказать тебе? Как могу утешить после такой потери?

И он стал рвать на себе одежду, выражая этим жестом сочувствие.

– А что с ребенком, с твоей дочерью Зенобией? Ее не тронули?

– Нет, хвала богам! Солдаты не подозревали о том, что моя невинная маленькая дочь тоже в комнате. У меня нет ни малейшего сомнения, что если бы они нашли мое драгоценное

[3] Ала – отряд конницы союзников в римском войске.

дитя, то набросились бы и на нее с не меньшей яростью. Как же вы допускаете таких людей в легионы в наши дни, Антоний Порций? Ведь Пальмира – это не какой-нибудь завоеванный город, где римляне могут насиловать и грабить сколько душе угодно. Наши горожане гордятся, что имеют римское гражданство!

Антония Порция потрясло услышанное. Он был справедлив и любил Пальмиру. Ведь губернатор прожил в ней большую часть своей жизни. Но необходимо удостовериться, что бедавиец сказал правду.

– Но откуда мне знать, что ты не выдумал все это? Где, говоришь ты, напали на этих женщин? Смогут ли они опознать тех, кто насиловал и убивал?

– Пойдемте со мной!

Забаай провел их в свою спальню, где все еще лежало тело Ирис, избитой, в разорванной в клочья одежде. Тамар все еще сидела на полу, привалившись спиной к кровати. Взгляд ее был отсутствующим, запах крови в жаркой закрытой комнате стал невыносимым, и мухи, жужжа, летали вокруг мертвого тела.

Римский губернатор, маленький, полный человечек, глядел на Ирис с нескрываемым ужасом. Он несколько раз встречался с ней и помнил ее красивой и любезной женщиной. К горлу его подступала тошнота, и он неловко старался справиться с ней, испытывая перед лицом этой трагедии стыд за весь свой пол.

– Доказательства неопровержимы, – с грустью произнес он. – Рим не находится в состоянии войны с Пальмирой и ее лояльными гражданами. Мы – хранители мира. Те, кто виновен в этом ужасающем происшествии, будут немедленно найдены, подвергнуты суду и наказаны. Суд должен быть скорым.

– Сегодня же! – последовал резкий ответ. – Солнце не успеет зайти, как эти преступники будут наказаны. Душа моей любимой Ирис взывает к справедливости, Антоний Порций!

– Будь благоразумным, Забаай бен Селим! – умолял Антоний Порций.

– Я благоразумен! – гремел в ответ бедавийский вождь. – Я ведь не стал посылать своих людей в город, чтобы они перерезали горло всем римским солдатам, которые им попадутся. Вот что значит быть благоразумным, господин губернатор!

Внезапно лицо Тамар вновь приняло сосредоточенное выражение, и она заговорила:

– Я смогу опознать центуриона и его людей, замешанных в этом, господин губернатор! Я никогда не забуду его злобных дьявольских глаз! Они подобны голубому стеклу! В них совсем нет чувства. Никакого. Они у него пустые. С ним было восемь человек, и их лица будут преследовать меня во сне. Я никогда не забуду их!

Антоний Порций в смущении отвернулся. Ему хотелось всегда выглядеть важным вельможей, но на самом деле это был добрый человек. Доказательства, представшие перед его потрясенным взором, вызывали у него отвращение.

– Госпожа Тамар, – сказал он, вновь повернувшись к сидевшей на полу женщине. – Вы говорите, что эти люди наемники, что они из алы. Откуда вы знаете об этом?

– Они очень высокие, – ответила Тамар, – с желтовато-белокурыми волосами, с глазами, голубыми, как небеса над нами, а их кожа, там, где она еще не стала коричневой от загара, белая, как мрамор. Они говорили с сильным акцентом, видимо, латинский язык не слишком хорошо им знаком. Кроме того, они приехали на лошадях, господин губернатор, и одеты были как легионеры. Я не ошибаюсь и ничего не перепутала, хотя и истерзана. Я все помню! Я всегда буду помнить это!

Он кивнул и еще раз спросил ее мягким голосом:

– Вы совершенно уверены, что они полностью осознавали, кто вы такие?

– Обе мы, и Ирис, и я, объяснили им несколько раз, подробно и медленно. Но они с самого начала настроились на злодейство, мой господин губернатор. Центурион сказал, что Ирис лжет, что она… – И Тамар в ужасе взглянула на своего мужа.

– Что она… Кто? – спросил Забаай бен Селим.

– Пальмирская проститутка! – прошептала Тамар.

Забаай бен Селим взвыл от гнева при этих словах. Антоний Порций содрогнулся.

– Я вынужден задать вам один вопрос, госпожа Тамар, – сказал он извиняющимся тоном, бросив беспокойный взгляд в сторону Забаая бен Селима. – Кто убил госпожу Ирис? Знаете ли вы это, можете ли вспомнить?

Снова задрожав от пережитого, Тамар произнесла:

– Центурион взял Ирис дважды. Именно он убил ее после того, как изнасиловал во второй раз. Я же притворилась мертвой, поэтому они оставили меня в покое.

– А что мог видеть ребенок? – спросил губернатор.

– Она ничего не видела, хвала богам! – ответила Тамар. – Однако слышала все. Покрывало скрыло ее от их похотливых глаз. Я всегда буду помнить смущенное выражение в глазах Зенобии! Эти глаза задавали мне тысячу вопросов, на которые я не могла ответить. Как это отразится на ней, Антоний Порций? Ведь она никогда не знала в этом мире ничего, кроме доброты.

Губернатор повернулся к Забааю бен Селиму:

– Можно ли подготовить госпожу Тамар к поездке? Я распоряжусь, чтобы весь гарнизон выстроился перед городскими стенами. Имея такого свидетеля, нетрудно найти виновных. Только один легион наемников из Галлии; другой – из Африки, и люди из этого легиона черны, как черное дерево.

– Мне нужен центурион! С его людьми можете делать что хотите, но мне нужен центурион! – спокойно произнес Забаай.

Антоний Порций тут же согласился и сказал:

– Только при условии, что вы подвергнете его наказанию и казните в присутствии всего гарнизона. Я хочу преподать всем на его примере суровый урок, чтобы такого больше никогда не случилось. Нам лучше избавиться от таких подонков!

– Согласен! – ответил Забаай бен Селим.

– Я поеду с губернатором в город, мой добрый кузен! – воскликнул молодой князь. – Достаточно ли будет двух часов, чтобы подготовить госпожу Тамар к поездке в поисках справедливости?

Прежде чем Забаай бен Селим успел ответить, Тамар произнесла неожиданно твердым голосом:

– Я буду готова, мой господин князь! Пусть я проживу хотя бы одну минуту после того, как опознаю этих зверей! Это успокоит мою душу!

Князь Оденат обнял своего двоюродного брата, а потом вместе с римским губернатором вышел из комнаты. На полпути им встретилась Зенобия, выходившая из своей комнаты. Следом за ней шла Баб, служанка ее матери.

Оденат остановился и любезно приветствовал Зенобию.

– Ты помнишь меня, моя маленькая кузина?

Ее красота поразила его. Он знал, что ей всего одиннадцать лет, тем не менее она обещала стать неслыханно прекрасной женщиной. Она подросла с тех пор, как он видел ее в последний раз около двух лет назад, однако не оформилась и была ребенком. Ее длинные волосы, распущенные и не стянутые лентами, бархатным пологом струились по плечам.

Оденат протянул руку и погладил ее по голове, как гладил свою любимую охотничью собаку. Его рука приподняла ее овальное личико. Волосы у нее были мягкими, так же как и бледнозолотистая кожа, глаза невероятно прекрасными: миндалевидные, с длинными, густыми черными ресницами, темно-серые, цвета грозовой тучи, однако в их глубине он заметил золотистые искорки, которые теперь потускнели от горя; прямой маленький нос и прелестный ротик. Ему пришлось сдерживать себя, чтобы не наклониться и не поцеловать ее в губы. Он

строго напомнил самому себе, что она еще ребенок, однако в то же время необычайно соблазнительное создание, настоящая нимфа.

– Я помню тебя, мой господин князь, – тихо ответила Зенобия.

– Держись, Зенобия, – беспомощно сказал он.

И тут ее глаза цвета серебристой грозовой тучи сверкнули.

– Почему ты терпишь присутствие в Пальмире этих римских свиней? – в гневе бросила она ему.

– Римляне – наши друзья и были ими всегда, мой цветок! Это просто несчастное стечение обстоятельств, – спокойно произнес он, помня о сопровождавшем его императорском губернаторе.

– Друзья не насилуют и не убивают невинных женщин! – сказала она с презрением. – Ты стал одним из них, мой господин князь! Жеманный и надменный: римский хлыщ! Ненавижу их! Ненавижу их и тебя тоже ненавижу – за то, что ты позволил им надеть на наши шеи ярмо!

Ее глаза наполнились слезами, но прежде чем он успел произнести хоть слово, она отвернулась от него и убежала, а следом засеменила ворчащая служанка.

– Бедная девочка! – грустно произнес князь Оденат. – Единственный ребенок у своей матери! Они были так близки между собой, Антоний Порций. Какой удар для ребенка!

Римский губернатор посмотрел вслед Зенобии.

– Да, – согласился он, а про себя подумал: «У Рима есть дурной обычай наживать себе врагов».

Вернувшись в город, Антоний Порций немедленно призвал к себе командиров легионов и подробно объяснил ситуацию. Затем спросил:

– Поддержат ли нас командиры легионов наемников?

– Я ручаюсь за моих африканцев, – сказал трибун девятого легиона. – Они ненавидят галлов.

Его товарищи кивнули, выражая согласие.

– Не вижу причины, по которой мои галлы могли бы счесть наказание несправедливым, Антоний Порций, – сказал, с трудом переводя дыхание, трибун шестого легиона.

– Тогда соберите весь гарнизон! – приказал губернатор.

Два римских легиона, состоявшие из тысячи двухсот пеших солдат и двухсот сорока кавалеристов, и два подразделения наемников, по численности равных легионам, собрались за главными воротами Пальмиры. Такой сбор не мог не вызвать любопытства. Поскольку слухи о передвижении солдат распространились по всему городу, горожане поспешили выйти за ворота, узнать, что случилось.

На высоком помосте, под тентом, в жаркий послеполуденный час сидел римский губернатор Антоний Порций. Он был великолепен в белой тоге с пурпурным кантом, в венке на лысой голове. Он сидел и ждал вместе с царственным правителем Пальмиры Оденатом Септимием. Князь, двадцатидвухлетний юноша, был предметом мечтаний не одной женщины в Пальмире. Высокий, с красивыми мускулистыми руками и ногами. Короткая юбочка белой туники была вышита золотом. Черные, как полночь, вьющиеся волосы, карие бархатистые глаза, широкий и чувственный рот, высокие скулы – он был красив.

Умный и образованный, Оденат вел с римлянами хитрую политику. Он еще недостаточно силен, чтобы справиться с захватчиками, но у него зреют планы. Брошенные Зенобией гневные обвинения в том, что он стал одним из римлян, доставили ему удовольствие, – это означает, что его уловка удалась. Римляне доверяют ему.

Подняв руку, Оденат поправил на голове корону Пальмиры, отлитую из золота и выполненную в форме венка из пальмовых ветвей. «Однако очень жарко!» – подумал он, вздохнул и смахнул каплю пота, катившуюся по щеке.

Трубачи затрубили в фанфары, и шумная толпа затихла. Антоний Порций встал и подошел к краю помоста. Торжественно, со свойственной политикам склонностью к актерству, он бросил взгляд, полный драматизма, на притихшую толпу. Наконец заговорил, его гнусавый голос оказался на удивление громким:

– Сегодня слава Рима была запятнана. Это сделали те, кому империя столь снисходительно даровала свое гражданство как награду. Рим не потерпит такого! Рим не позволит, чтобы оскорбляли тех, кого мы поклялись защищать! Рим накажет того, кто нарушил его законы и законы Пальмиры!

Он замолчал, чтобы его слова запечатлелись в памяти слушателей, а потом продолжал:

– Сегодня утром супруга Забаая бен Селима, великого вождя племени бедави, была зверски изнасилована и убита в своем собственном доме! Вторая жена этого верноподданного гражданина также подверглась нападению, и ее бросили умирать!

Вслед за всеобщим вздохом изумления собравшихся граждан Пальмиры послышался низкий зловещий ропот. Антоний Порций поднял руки, чтобы успокоить гнев горожан.

– И это еще не все! – громко крикнул он, и толпа снова умолкла. – Оставшаяся в живых женщина отбросила прочь стыдливость и приехала сюда, чтобы опознать тех, кто напал на нее и на несчастную покойницу.

Едва лишь смолкли его слова, как толпа граждан Пальмиры расступилась, чтобы пропустить верблюдов Забаая бен Селима к помосту. Зрелище было одновременно и пугающим, и впечатляющим.

Вождь племени бедави возглавлял отряд, сидя на спине верблюда, следом за ним – сорок его сыновей, начиная с самого старшего, Акбара бен Забаая, и кончая самым младшим, шестилетним мальчиком, который гордо и без страха восседал на верблюде. Позади вождя бедави и его сыновей следовали мужчины его племени в сопровождении идущих пешком женщин, одетых в траурные одежды и причитающих скорбными голосами.

У подножия помоста верблюды остановились и опустились на колени на теплом песке, чтобы дать возможность своим седокам спешиться. Ко всеобщему изумлению, один из сыновей Забаая бен Селима на самом деле оказался его единственной дочерью, его любимицей Зенобией. В сопровождении отца и Акбара бен Забаая, стоявших по обе стороны от нее, она встала, выпрямившись, с холодным выражением глаз перед римским губернатором и князем Оденатом.

– Мы пришли сюда в поисках справедливости, Антоний Порций! – воскликнул Забаай бен Селим.

Его голос четко прозвучал в послеполуденной тишине.

– Рим слышит твое заявление и ответит тебе по справедливости, Забаай бен Селим! – послышался ответ губернатора. – Луций Октавий!

– Да, господин!

Вперед выступил трибун, командовавший шестым легионом.

– Собери свою алу!

– Да, господин, – послышался лаконичный ответ.

Повернувшись, трибун выкрикнул команду:

– Эй, галльская ала, – вперед!

Сто двадцать кавалеристов из галльских провинций медленно выехали вперед. Наконец они остановились и выстроились в десять рядов по двенадцать человек в каждом. Их лошади нервно переступали с ноги на ногу, чувствуя смятение людей. Забаай бен Селим направился туда, где в безмолвии стояли женщины его племени, и вывел вперед старшую жену Тамар. Вместе они пошли вдоль рядов римских всадников, и вскоре послышался громкий голос Тамар. Она указывала на виновных своим коротким коричневым пальцем:

– Вот этот! И этот! И эти двое!

Легионеры шестого легиона стащили обвиняемых с лошадей и поволокли их к губернатору. В самом конце Тамар остановилась, и Забаай почувствовал, что ее охватила сильная дрожь. Посмотрев вверх, он увидел пару холодных голубых глаз и тонкие, жестокие губы, растянутые в насмешливой улыбке.

– Это он, муж мой! Это и есть тот самый центурион, который изнасиловал и убил Ирис!

Забаай, заглянув в пронзительные глаза галла, мгновенно понял, какой ужас и стыд испытывала в свои последние минуты его милая, любимая жена. Бешеный гнев наполнил его грудь, и с диким яростным криком он стащил центуриона с лошади. В мгновение ока он приставил к его шее нож и прочертил им поперек его горла тонкую красную линию. Только настойчивый голос Тамар смог предотвратить немедленную казнь.

– Нет, муж мой! Он должен страдать так же, как страдала наша Ирис! Умоляю, не даруй ему счастливую возможность быстрой смерти! Он не достоин этого!

Сквозь красную пелену гнева Забаай ощутил на своей руке ладонь жены, услышал ее мольбы и опустил нож. Его черные глаза внезапно наполнились слезами, и он отвернулся, чтобы скрыть их. Он утирал рукавом эти доказательства своей слабости, чтобы другие не заметили их.

– Это все, Тамар? – спросил он хриплым голосом.

– Да, мой господин! – тихо ответила она, чувствуя желание обнять и утешить его.

Для нее это было ужасным испытанием, но и для него тоже. Он потерял ту, что была для него дороже всего на свете. Он потерял свою милую Ирис, и Тамар знала, что никогда счастье не коснется его своим свежим дыханием. И это печалило больше всего, ведь она любила его.

Она взяла его за руку, и они вместе направились к подножию помоста. Забаай спокойно произнес:

– Моя жена опознала виновных, Антоний Порций!

Римский губернатор поднялся со своего резного кресла и шагнул вперед, к краю помоста. Его голос зазвучал над толпой:

– Этих людей обвиняет их жертва, которую они бросили на смерть. Может ли кто-нибудь из них отрицать свое участие в этом деле?

Губернатор взглянул на восьмерых обвиняемых, которые стояли, опустив головы, будучи не в силах взглянуть в лицо Тамар и всем остальным.

Антоний Порций снова заговорил:

– Мой приговор окончателен. Эти звери будут распяты. Центурион передается племени бедави для пыток и казни. Римский общественный порядок восторжествовал!

Хор приветственных криков рванулся в небо. Потом несколько легионеров из шестого легиона вытащили вперед деревянные кресты, которые принесли заранее. С виновных сняли военную форму и раздели донага. Потом привязали к крестам. Кресты подняли, и несколько солдат удерживали их в вертикальном положении, в то время как другие вколачивали их в песчаную почву, стоя на специальных лестницах.

В этот послеполуденный час стояла непереносимая жара, но если бы галлам удалось дожить до полудня следующего дня, их мучения стали бы еще сильнее. После того как они проведут утро под жаркими лучами солнца сирийской пустыни, их языки распухнут и почернеют. Влажные ремни из сыромятной кожи, которыми их руки и ноги привяжут к деревянным крестам, высохнут и врежутся в плоть, пережимая кровеносные сосуды и причиняя непереносимую боль. Слабые умрут быстро, а вот физически сильные и выносливые помучаются, прежде чем смерть сжалится над ними.

Крики их центуриона, Винкта Секста, будут преследовать их по пути в ад; он еще поживет, но, оставаясь среди живых, позавидует мертвым. Его уже раздевали под их испуганными взглядами, чтобы начать пытку.

В землю вбили столб, центуриона привязали к нему, поставив лицом к столбу, а спиной – к толпе. Забаай бен Селим, державший в руке тонкий кнут из конского волоса, нанес ему первые пять ударов, не слишком сильных, зато острых, режущих и причиняющих сильнейшую боль. Тамар, которая все еще не совсем пришла в себя, тоже смогла нанести пленнику пять ударов. Потом каждый из сыновей Забаая бен Селима хлестнул римлянина по одному разу. Последние пять ударов ему нанесла Зенобия, которая владела кнутом на удивление хорошо. Пятьдесят пять рубцов пересекли спину Винкта Секста, однако галл был вынослив и ни разу даже не вскрикнул.

Забаай бен Селим мрачно улыбнулся. Еще не пришло время для крика, а этот галл будет молить о милосердии, как молила его жена, его милая Ирис. Пройдет еще много, много часов, прежде чем Винкт Секст испустит дух. Он тысячу раз пожелает смерти, прежде чем смерть наконец придет к нему.

Порка закончилась, центуриона отвязали и поволокли по горячему песку к мраморной колоде. Радом с ней стоял котел, бурливший над скачущими языками пламени. Винкта Секста заставили опуститься на колени, и он с ужасом увидел, как его руки быстро отделили от тела. Крик протеста постепенно затихал в жарком послеполуденном воздухе.

– Только не руки! – пронзительно кричал он. – Ведь я солдат. Мне нужны руки!

Окружавшие его люди лишь насмешливо скалили зубы в ответ, и тогда он понял, что, даже если они оставят его в живых, он будет слишком сильно изувечен и вряд ли когда-нибудь снова сможет сражаться.

Он смотрел словно зачарованный, как кровь из разорванных артерий алой дугой стекала на золотистый песок. Потом его поволокли к кипящему котлу и погрузили в бурлящую смолу обрубки его рук, чтобы не дать ему умереть от потери крови. В этот момент сквозь ряды зрителей прорвался его первый настоящий пронзительный крик от испытываемой им страшной боли. Зрители, все как один, вздохнули с облегчением: наконец-то центурион испытал такую боль, какую заслужил.

Сын Забаая поднял с песка две отрубленные кисти рук с вытянутыми в знак протеста пальцами. Вождь бедави снова улыбнулся.

– Никогда больше эти руки не смогут причинять людям боль, галл! Мы отнесем их в пустыню и скормим шакалам! – сказал он.

Винкт Секст содрогнулся. Самое ужасное для людей его племени – умереть искалеченным. Без рук он станет скитаться в царстве мертвых, и это царство не будет ни землей, ни раем его лесных богов. Он приговорен, хотя все еще продолжал бороться.

Его проволокли по песку обратно и положили на спину, широко распластав на земле. Тут, проталкиваясь сквозь толпу, к Забааю подошли две женщины с улицы – проститутки – и представились ему. Одна из них сказала:

– Мы поможем тебе, вождь бедави, и ничего не попросим взамен. С тех пор как этот человек приехал в Пальмиру, он издевался над женщинами из нашей общины. Мы были беззащитны перед ним.

Одна из женщин, высокая брюнетка, уже вошла в пору зрелости. Другой, искусно накрашенной, прекрасной молодой девушке, которая вышла вперед вместе с ней, не было и четырнадцати лет. Голубоглазая золотоволосая блондинка из северной Греции не стала изображать из себя скромницу, скинула бледно-розовые шелковые одежды и предстала перед толпой обнаженная. Ее юное тело было само совершенство, с дивными белыми грудями шарообразной формы, тонкой талией и пышными бедрами. По толпе пронесся вздох.

С нарочитой медлительностью девушка подошла к Винкту Сексту, встала у него за головой, грациозно опустилась на колени, наклонилась и коснулась его лица сначала одной из своих полных грудей, а потом другой. Центурион застонал от чувства безнадежности, в то время как низкий голос Забаая насмехался над ним:

– Какие великолепные плоды, не правда ли, галл?

Винкт Секст ощутил боль в пальцах и дернулся, чтобы схватить соблазнительную плоть, которая терлась о его лицо. Он инстинктивно изо всех сил пытался пошевелить связанными руками. Слишком поздно он вспомнил, что у него больше нет рук, и проклятия посыпались из его уст.

Теперь отрубленными кистями рук галла завладел самый младший сын Забаая бен Селима, шестилетний Гассан. Он злорадно приплясывал вокруг связанного человека, потрясая своими трофеями. Взяв кисти рук, он положил их на пышные груди проститутки и стал бесстыдно гладить их. Шалости мальчишки вызвали раскаты смеха со стороны толпы. Центурион пронзительно кричал, перейдя на свой родной язык, но все поняли, что он проклинал толпу, свою судьбу и вообще все, что приходило ему в голову.

– Он должен испытывать ужасную боль. Почему же он не корчится от боли? – спросил князя Антоний Порций.

– Кипящую смолу смешали с болеутоляющим наркотиком. Они не желают, чтобы он умер от боли, вот почему облегчили его страдания, – ответил князь.

Губернатор кивнул:

– Они искусные мучители, эти бедави. Если мне когда-нибудь понадобятся такие люди, я приглашу их.

Толпа охала и ахала при каждой новой изощренной пытке. Отцы держали своих детей на плечах, чтобы им было лучше видно. Два римских легиона и наемники стояли безмолвно, в положении «смирно», однако у многих из них лица побелели, в особенности у тех, кто стоял ближе других к злосчастному галлу. Антония Порция стошнило в серебряный тазик, который держал перед ним его слуга.

В качестве завершающей пытки Винкта Секста осторожно выкупали в подогретой воде, подслащенной медом и апельсиновым соком. Потом каждый из сыновей Забаая бен Селима вытряхнул на его беспомощное тело по небольшому блюду, полному черных муравьев. Это было чересчур даже для закаленного галла. Он неистово и пронзительно закричал, умоляя о милосердии и прося убить его немедленно. Его большое тело отчаянно корчилось, силясь стряхнуть крошечных насекомых, впившихся в его тело. Вскоре его крики стали слабеть.

Поняв, что представление окончено, пальмирцы еще довольно долго оставались на месте, глазея, как римские солдаты ломают ноги распятым на крестах, а потом потянулись в город. Следом за ними маршировали легионы. Солдаты из шестого и девятого легионов по возвращении выпили огромное количество вина в усилии забыть о том, что произошло.

Римский губернатор довольно шаткой походкой сошел с помоста и направился туда, где со своими сыновьями и маленькой Зенобией стоял Забаай бен Селим.

– Удовлетворен ли ты римским правосудием, вождь бедави? – спросил он.

– Да, удовлетворен. Я не верну мою милую Ирис, но со смертью этих людей она по крайней мере отомщена.

– Теперь ты отправишься в пустыню?

– Мы останемся здесь до тех пор, пока эти преступники не умрут, – спокойно ответил Забаай. – Только тогда свершится правосудие! Потом мы возьмем их тела с собой в пустыню, где они пойдут на корм шакалам и стервятникам.

– Да будет так! – Антоний Порций почувствовал облегчение от того, что с этим грязным делом наконец-то покончено. «Что ж, – подумал он про себя, – хоть что-то хорошее из всего этого вышло». Эта юная белокурая проститутка – самое прелестное создание, которое ему приходилось видеть за последние месяцы. Он намеревался выкупить ее у хозяев, так как ему уже надоела его любовница, жена богатого пальмирского торговца. Он нетерпеливо подал знак слугам, которые несли его носилки. – Да будут с тобой боги этой зимой, Забаай бен Селим! Мы будем счастливы снова увидеть тебя в Пальмире, когда придет весна.

После этого римский губернатор вскарабкался на носилки и приказал носильщикам поспешить обратно в город.

Князь Оденат наблюдал, как он удалялся, а потом улыбнулся злорадной улыбкой.

– Он прозрачен, как хрустальная ваза, наш римский друг! – сказал он Забааю бен Селиму. – Его страсть к этой блондинкепроститутке совершенно очевидна. Но она не достанется ему! Такая смелая девушка заслуживает лучшего, чем наш жирный римский губернатор.

– Полагаю, она уже на пути во дворец! – весело подхватил Забаай бен Селим.

– Разумеется, кузен! Ложе князя бедави куда предпочтительнее ложа простого римлянина!

Забаай бен Селим не мог не улыбнуться своему молодому кузену. Князь Пальмиры – очаровательный молодой человек. Он обладает не только острым умом, но и тонким чувством юмора. Однако, как и многие в Пальмире, Забаай все же испытывал беспокойство из-за того, что Оденат все еще не женат и у него нет наследника. Ведь, согласно пальмирским законам, внебрачные дети не могли наследовать трон. Он пристально посмотрел на Одената и спросил:

– Когда же ты собираешься вступить в брак, мой князь?

– Ты говоришь точно так же, как мои министры. Этот вопрос они задают мне каждый день. – Он вздохнул. – Сад жизни наполнен множеством прекрасных цветов, мой кузен, однако я должен найти всего лишь один-единственный прекрасный бутон, который настолько привлечет меня, что сможет стать моей княгиней. – Он усмехнулся. – Быть может, я подожду, пока вырастет твоя маленькая Зенобия.

Эти слова были сказаны в шутку, но как только они слетели с уст князя Одената, Забаай бен Селим понял, что это самое лучшее решение проблемы поиска мужа для его дочери. Они с Ирис не раз говорили об этом, ведь никто из молодых мужчин их племени не был подходящим женихом для их дочери. И дело не только в том, что Зенобия отличалась от других девочек. Она не только красивее, чем обычная девочка из племени бедави, но хорошо образованна, бесстрашна и независима.

Она одинаково хорошо держалась в седле на верблюде и на коне. Отец позволял ей упражняться во владении оружием вместе с ее младшими братьями. Она умоляла позволить ей это, и он признавал, что она – лучшая ученица из всех, кого он обучал в течение многих лет. Она превосходила даже брата Акбара. Зенобия обладала природной грацией и особыми способностями в обращении с оружием. Как ни странно, никто особенно не задумывался над тем, насколько необычна дочь Забаая. Но это – Зенобия, и она не похожа на всех других девочек, которых когда-либо производило на свет его племя. И он гордился своей дочерью.

Однако никто из молодых мужчин-бедави не желал иметь жену, которая не только ездит верхом лучше его, но и может превзойти в умении обращаться с мечом, копьем и пращой. Женщинам предназначено готовить пищу, рожать детей, пасти скот и шить одежду. Зенобия определенно не относилась к тому типу женщин, которых мужчина из ее племени мог бы любить и лелеять. Однако Оденат – мужчина совсем другого типа. По отцу он тоже бедави, однако никогда не покидал город, не выезжал в пустыню и предпочитал образованных женщин.

Забаай бен Селим взглянул на своего юного кузена и сказал:

– Ты действительно считаешь, что Зенобия могла бы стать твоей женой, Оденат? Я не думал об этом, но, возможно, ты прав. Лучшей жены тебе не найти! У нее более чем достаточно высокое происхождение, ведь по моей линии у вас общий прадед, а по линии матери она происходит от Клеопатры, последней царицы Египта. Она пока еще не стала женщиной, но через несколько лет вступит в возраст, подходящий для замужества. Однако я отдам ее лишь в качестве жены, а не наложницы, и мы должны условиться между собой, что ее сыновья будут твоими наследниками.

Князь Оденат погрузился в размышления. Это определенно неплохая идея. Этот брак полезен во многих отношениях. Во-первых, Зенобия бат Забаай с династической точки зрения

подходящая пара. Кроме того, она образованная и умная девочка, судя по тому, что он знал о ней. «Если мужчина хочет иметь умных сыновей, он должен жениться на умной женщине», – подумал Оденат. Когда-нибудь она, возможно, станет очень интересной женщиной.

– Как скоро после того, как Зенобия станет женщиной, ты пожелаешь отдать ее мне, Забаай? – спросил он.

– Самое меньшее – через год, – последовал ответ. – Я даже не буду обсуждать с ней этот вопрос прежде, чем у нее начнутся месячные. А после этого ей еще потребуется время, чтобы привыкнуть к мысли о замужестве. Она прожила всю свою жизнь в простом окружении, среди членов своего племени. Но все же моя дочь совсем не такая, как все остальные девушки, Оденат. Она – бесценная жемчужина.

Молодой правитель Пальмиры бросил взгляд туда, где, скрестив ноги, на песке пустыни сидела Зенобия, наблюдая удивительно бесстрастным взглядом за мучениями убийцы ее матери. Она сидела очень прямо и очень спокойно, словно была высечена из камня. Ему приходилось видеть молодых кроликов, которые сидели точно так же. Казалось, она не дышала.

Он удивленно покачал головой. Галл ужасно мучился, однако ребенок не выказывал ни малейших признаков сострадания или хотя бы отвращения. Мужчина сможет зачать сильных сыновей в лоне женщины, в которую когда-нибудь превратится этот ребенок. Однако Оденат почувствовал мимолетное сомнение: признает ли такая женщина своего мужа господином? Может быть, если он возьмет ее в жены достаточно рано и сам сформирует ее женский характер, это станет возможным. Оденат понял, что хочет рискнуть. Он убедился – его необъяснимо влечет к Зенобии, ибо сама сила ее характера чрезвычайно интригует его.

Он улыбнулся про себя. Нет, он не даст Забааю бен Селиму слишком большого преимущества. Поэтому он сказал тоном, который, как надеялся, выражал легкую скуку и пресыщение:

– Брак между Зенобией и мной возможен, кузен. Не обещай ее другому. Вернемся к нашему разговору, когда ребенок превратится в женщину, если только мое сердце к тому времени не займет другая.

Забаай широко улыбнулся.

– Будет так, как ты сказал, господин! – спокойно ответил он.

Его ни на минуту не обманули ни прохладный тон Одената, ни его видимое безразличие. Он заметил искренний интерес в горячих карих глазах молодого человека, когда он так долго, пристально и задумчиво смотрел на Зенобию.

– Ты попрощаешься с моей дочерью, князь? – спросил он. – Мы не вернемся в город до начала лета. Как только эти солдаты умрут, мы отправимся в путь, в пустыню, как и планировали.

Оденат утвердительно кивнул и пожелал Забааю бен Селиму благополучного путешествия. Потом направился к тому месту, где сидела Зенобия. Усевшись рядом с ней, он взял ее маленькую ручку в свою. Ее рука была холодна, и он инстинктивно стремился согреть ее, крепко зажав в своей ладони.

– Этот римлянин умирает достойно, – сказала она, заметив его присутствие. – Но еще рано, и в конце концов он будет взывать к своим богам о милосердии!

– А для тебя так важно, чтобы он молил о милосердии?

– Да!

Она выкрикнула это слово неистово, и он понял, что она снова погружается в свои тягостные размышления. Она испытывала слишком сильную ненависть для столь юной девочки, которая до сегодняшнего дня не знала зла. Этот ребенок все больше и больше очаровывал его.

– Я хочу попрощаться с тобой, Зенобия, – сказал он, снова отвлекая ее.

Зенобия подняла на него взгляд. «Как же он красив, – подумала она. – Если бы только он не уступал римлянам так легко! Если бы только он не был таким слабовольным человеком!»

– Прощайте, мой господин князь! – холодно произнесла она и снова отвернулась, чтобы созерцать умирающего.

– До свидания, Зенобия! – нежно произнес он, легко прикоснувшись рукой к ее мягким темным волосам.

Но она даже не заметила этого. Он поднялся и пошел прочь.

Закатное солнце обагрило белые мраморные башни и портики Пальмиры. Но Зенобия не видела ничего. На песке пустыни вспыхнули бивачные костры, а она все сидела в безмолвии, наблюдая за человеком, который лишил ее матери. Вокруг нее люди из племени бедави занимались своими обычными вечерними делами. Они все понимали и терпеливо ждали, пока ребенок не удовлетворит свою жажду мщения.

Винкт Секст некоторое время лежал без сознания, однако потом начал понемногу приходить в себя, пробужденный волнами боли, которая словно вгрызалась в его тело и душу по мере того, как болеутоляющие средства прекращали свое действие. Его удивило, что он до сих пор еще не в царстве теней. Он медленно, с усилием открыл глаза и увидел стройную девочку, сидевшую возле его головы и созерцавшую его страдания.

– К-кто… ты? – с трудом удалось ему выговорить пересохшими и потрескавшимися губами.

– Я – Зенобия бат Забаай, – ответила ему девочка на латинском языке, гораздо более чистом, чем тот, на котором говорил он. – Та женщина, которую ты зарезал, была моей матерью, свинья!

– Дай… мне попить! – попросил он слабым голосом.

– Здесь, в пустыне, мы не тратим воду понапрасну, римлянин! Ты умираешь. Дать тебе воду – значит потратить ее понапрасну.

Ее глаза напоминали серые камни. Когда они смотрели на него, в них не отражалось никаких чувств.

– У… тебя… нет… милосердия?

Странный человек!

– А ты был милосерден по отношению к моей дорогой маме? – Глаза девочки вспыхнули ненавистью. – Нет, ты не проявил к ней ни малейшего сострадания, и я тоже не проявлю к тебе сострадания, свинья! Ни малейшего!

В ответ ему удалось изобразить лишь пародию звериного оскала, и они поняли друг друга. Он не проявил по отношению к ее матери, белокурой красавице, ни доброты, ни милосердия. «Интересно, – думал он, – теперь, когда я уже знаю свою судьбу, сделал бы я снова то же самое или нет?» И он решил, что да, сделал бы. Смерть есть смерть, и эта блондинка с лихвой заслужила ее. Люди умирали и за меньшее. Он быстро моргнул несколько раз, чтобы рассеять туман, застилавший глаза, и получше разглядеть девочку. У нее красивое лицо, а тело еще детское, плоское и несформировавшееся.

– Все женщины… умоляют… Когда они под мужчиной. Разве… твоя мать… никогда… не говорила тебе… об этом?

Зенобия отвернулась от него и стала смотреть на пустыню, не поняв до конца его слов. Солнце уже село, и быстро наступила ночь. Вокруг нее весело горели золотистые бивачные костры, а звезды глядели вниз в серебристой тишине.

– Ты будешь умирать медленно, римлянин, и я останусь здесь, чтобы увидеть это! – спокойно произнесла она.

Винкт Секст слегка кивнул головой. Конечно, он мог понять ее желание отомстить. Этим ребенком можно гордиться, хотя она всего-навсего девочка.

– Я сделаю все… что в моих силах… чтобы доставить тебе удовольствие… – сказал он с презрительной и вызывающей усмешкой.

После этого впал в беспамятство.

Когда он снова открыл глаза, вокруг уже стояла кромешная тьма, которую рассеивал лишь свет бивачных костров. Девочка все еще сидела возле него, неподвижная и настороженная. Он снова потерял сознание и очнулся, когда наступил рассвет. Его тело терзала мучительная боль. Он знал, что смерть уже близка.

Узкие рубцы на спине ночью загноились. Тысячи муравьиных укусов непереносимо жалили и жгли. Путы из сыромятной кожи на руках и ногах уже высохли и болезненно врезались в его лодыжки и запястья. Горло так пересохло, что даже простое глотание причиняло боль. Солнце поднималось все выше и выше и слепило его даже тогда, когда он закрывал глаза. Он слышал, как те из его висевших на крестах товарищей, которые были еще живы, стонали и взывали к своим богам и матерям.

Он попытался повернуть голову, чтобы взглянуть на них, но это ему не удалось. Он был широко распластан на песке и стянут путами. Даже самое незначительное движение невозможно.

– Пятеро уже мертвы, – злорадно произнесла девочка. – Вы, римляне, не слишком сильны. Бедави жили бы по крайней мере три дня.

Вскоре стоны прекратились, и ребенок объявил:

– Ты остался один, римлянин, но могу сказать – ты недолго протянешь. Твои глаза покрыла молочная пелена, а твое дыхание затруднено.

Он знал, что она говорит правду, он уже чувствовал, что его дух силится покинуть тело. Он устало закрыл глаза и вдруг снова очутился в лесах своей родной Галлии. Высокие зеленые деревья грациозно взмывали в небо, их ветви колебал легкий ветерок. Перед ним расстилалось прекрасное и прохладное голубое озеро. Он чуть было не вскрикнул во весь голос от радости, и его губы прошептали слово «Вода!».

– Нет никакой воды!

Голос девочки безжалостно ворвался в видение, и он открыл глаза, но увидел только жаркое, пылающее солнце. Это уже слишком! Ей-богу, это уже слишком!

Винкт Секст открыл рот и завыл от безнадежного унижения и боли. Звуки победоносного детского смеха – вот последнее, что он услышал. Эти звуки дразнили его, пока его душа летела прямиком в ад, в то время как тело стало частью пустыни.

Зенобия встала, пошатываясь, так как ноги одеревенели. Она просидела возле Винкта Секста более восемнадцати часов, и все это время не ела и не пила. Вдруг ее подхватила и подняла вверх пара сильных рук, и она заглянула в восхищенное лицо своего старшего единокровного брата Акбара. На его коричневом от загара лице сверкали белые зубы.

– Ты – настоящая бедави, – сказал он. – Я горжусь тобой, моя маленькая сестричка! Ты вынослива, как воин. Я готов сражаться бок о бок с тобой в любую минуту!

Его слова приятно ласкали слух, но она только спросила:

– А где отец?

Ее голос неожиданно стал совсем взрослым.

– Наш отец уехал, чтобы похоронить твою мать с тем почетом и достоинством, которые она заслуживает. Ее положат в могилу в саду возле дома.

Зенобия удовлетворенно кивнула и сказала:

– Он умолял, Акбар, в конце он умолял так же, как вынудил умолять мою мать!

Она сделала паузу, словно обдумывая все это, а потом тихо произнесла:

– Я никогда не стану никого умолять, Акбар! Что бы ни случилось со мной в жизни, я никогда никого не буду умолять! Никогда!

Акбар обнял девочку и прижал ее к своей груди.

– Не говори «никогда», Зенобия! – мягко предостерег он. – Жизнь часто играет с нами странные шутки. Ведь боги, как известно, капризны и не всегда добры к нам, смертным.

– Я никогда не буду умолять! – твердо повторила она. Потом нежно улыбнулась своему брату и добавила: – А кроме того, разве я не любима богами, Акбар? Они всегда будут защищать меня!

Глава 2

Оденат, князь Пальмиры, сидел верхом на коне и наблюдал за маневрами военного корпуса бедави, состоявшего из всадников на верблюдах. Воины из этого корпуса были великолепно обучены и под руководством своего предводителя выполняли маневры исключительно хорошо. Князь обернулся и сказал своему гостю:

– Ну, мой кузен Забаай, если все твои войска так же хорошо обучены, командиры столь же умелы, я предвкушаю тот день, когда смогу выгнать римлян из моего города.

– Да исполнят боги твое желание, мой господин князь! Слишком долго уже висит на наших шеях золотое ярмо, и с каждым годом римляне забирают себе все больше и больше из тех богатств, что идут к нам из Индии и Китая. Мы дошли до нищеты, пытаясь насытить их алчный аппетит.

Оденат кивнул в знак согласия и сказал:

– Ты представишь меня командиру твоего корпуса? Мне хотелось бы поздравить его.

Забаай спрятал улыбку.

– Разумеется, мой господин!

Он поднял руку, подавая сигнал, и кавалерия на верблюдах унеслась в пустыню. Потом воины повернули, помчались обратно и остановились как вкопанные перед князем и своим предводителем.

– Князь хотел бы высказать тебе свое удовлетворение, командир! – сказал Забаай.

Командир корпуса соскользнул со своего верблюда и изящно поклонился князю.

– Вы отлично руководите своими людьми, командир! Надеюсь, мы когда-нибудь поездим вместе.

– Это будет для меня честью, господин, хотя я не привыкла делить с кем-нибудь командование.

Тут бурнус взметнулся вверх, и правитель Пальмиры с изумлением обнаружил, что смотрит в лицо прекрасной женщине. Она засмеялась, заметив его удивление, и сказала:

– Ты не узнаешь меня, кузен?

– Зенобия?!

Он был поражен. Неужели это Зенобия! Ведь Зенобия – еще ребенок! Эта статная богиня не может быть тем плоскотелым и длинноногим ребенком, которого он помнит! Три с половиной года прошло с тех пор, как он видел ее в последний раз.

– Ты так пристально смотришь на меня! – рассмеялась она.

– Что?

Он пребывал в полном смущении.

– Ты так пристально смотришь на меня, мой господин! Что-нибудь не так?

– Ты изменилась! – с трудом выдавил он каким-то придушенным голосом.

– Ведь мне уже почти пятнадцать лет, мой господин.

– Пятнадцать… – глупо повторил он.

О боги, какое славное создание!

– Теперь можешь ехать, Зенобия! – произнес, отпуская ее, Забаай. – Мы ждем тебя к вечерней трапезе.

– Да, отец.

Зенобия повернулась и, схватив поводья своего верблюда, снова вскочила в седло. Подав сигнал поднятой рукой, она повела свой корпус прочь, а двое мужчин снова вошли в палатку Забаая бен Селима.

– Разве ты не предлагал мне несколько лет назад брак между твоей дочерью и мной, Забаай? – спросил князь Пальмиры.

– Да, предлагал.

– Девушка должна была стать моей женой через год после того, как станет женщиной. Разве это не так?

– Да, это так, мой господин.

– Но ведь теперь она уже достигла зрелости?

– Да, мой господин.

Забаай бен Селим не мог больше сдерживать смех. Желание Одената было столь неприкрытым, что это даже смущало его.

– Так почему же она все еще не стала моей женой? – послышался мучительный крик.

– Ведь формально ты еще ничего не предлагал мне, мой господин! Раз ты официально не попросил у меня руки моей дочери, я был вынужден сделать вывод, что ты не заинтересован в этом по-настоящему. Кроме того, хорошо известна твоя привязанность к твоей фаворитке Делиции. Ведь она подарила тебе двоих сыновей, не правда ли?

– Делиция – моя наложница! – запротестовал Оденат. – Ее сыновья не являются моими наследниками. Только сыновья моей жены будут пользоваться этой привилегией.

– Но ведь у тебя нет жены! – напомнил ему Забаай бен Селим.

– Не играй со мной, кузен! – воскликнул Оденат. – Ты прекрасно знаешь, что я хочу взять в жены Зенобию. Ты хорошо знал, какое впечатление она произвела на меня. Почему же ты не представил ее мне? К чему вся эта глупая шарада с войском на верблюдах?

– Но это вовсе не шарада, мой господин. У Зенобии есть свой собственный военный корпус, которым она командует вот уже два года. Если я позволю тебе жениться на ней, то при этом будет подразумеваться, что она вольна поступать по-своему. Она – не украшение, которое можно поместить в твой гарем, словно прекрасный драгоценный камень – в шкатулку. Моя дочь ведет свое происхождение от правителей Египта, и она свободна как ветер. Ведь нельзя же запереть ветер, Оденат!

– Я соглашусь на все, что пожелаешь, Забаай, но я желаю Зенобию! – безрассудно пообещал князь.

– Прежде всего я хочу, чтобы вы получше узнали друг друга. Возможно, у Зенобии уже тело женщины, но там, где дело касается мужчин, она еще совсем ребенок.

– Она все еще девственница?

Забаай усмехнулся:

– Нельзя сказать, чтобы молодые люди из моего племени не делали попыток, однако моя дочь – все еще девственница. Очень трудно заниматься любовью с девушкой, которая может побороть тебя. Зенобия, как ты уже, несомненно, заметил, очень высока для девушки. Свой рост она унаследовала от своих греко-египетских предков, а не от бедави. Она по крайней мере с тебя ростом, Оденат, совсем не такая, как твоя Делиция, которая может смотреть на тебя снизу вверх. Зенобия будет смотреть тебе прямо в глаза.

– Почему же ты снова не предлагаешь ее мне, Забаай? Скажи правду, кузен!

Забаай бен Селим вздохнул:

– Потому что я отдам ее тебе без особой охоты, Оденат. Она – моя единственная дочь, дитя Ирис. Она покинет мой дом, который сразу опустеет. Ты найдешь ее общество очень интересным. Она может стать тебе другом, возлюбленной, но никогда не жди от нее покорности, как от женщины из гарема. В достаточной ли степени ты силен и благороден, чтобы принять женщину на таких условиях?

– Да! – без колебаний ответил князь.

– Тогда пусть так и будет! – сказал вождь бедави. – Если у Зенобии не будет возражений, ты сможешь взять ее в жены.

– Можно мне сказать ей об этом? – спросил Оденат.

– Нет, я сам сделаю это, мой кузен, и немедленно, чтобы между вами не было излишнего смущения и сдержанности.

После этого мужчины расстались. Князь вернулся в свою палатку, а военачальник бедави направился в палатку своей дочери. Когда он вошел к ней, она обтиралась губкой, смоченной душистой водой из маленького тазика, и, как обычно, недовольно ворчала по поводу нехватки в пустыне этой драгоценной жидкости. Она старалась не расходовать воду зря и использовала ее по нескольку раз, сливая ее в мешок из козьей шкуры.

– Хвала Юпитеру, скоро вернемся в Пальмиру! – приветствовала она отца. – Ты не представляешь, отец, как я жажду принять настоящую ванну!

Он усмехнулся и сел на ковер, скрестив ноги.

– Оденат хочет жениться на тебе! – сказал он, переходя прямо к делу.

– А разве не этого ты всегда желал для меня, отец?

Она взяла маленькое льняное полотенце и вытерла стол.

– Ты должна, наконец, выйти замуж, Зенобия, но я хочу, чтобы ты была счастлива. Оденат богатый, милый и умный молодой человек. Однако если у тебя есть кто-то, кого ты предпочла бы ему, будет так, как ты пожелаешь, дитя мое.

– Только одно из качеств князя беспокоит меня, – задумчиво сказала она. – Меня огорчает, что он так легко уступает римлянам, и притом без всякой борьбы. Я не понимаю этого.

– Это же совсем просто, Зенобия! – ответил Забаай. – Пальмира, как ты знаешь, была основана Соломоном Великим, царем Израиля. Она всегда существовала как торговое государство. Мы никогда не участвовали в захвате земель наших соседей. Наш единственный интерес – делать деньги, и поскольку все нуждались в нас и в наших талантах и, кроме того, в удобном расположении здесь, в сирийской пустыне, никто нас не тревожил. Мы дружили со всем миром. Однако Рим – государство-завоеватель, и оно испытывает страх перед соседями, свойственный всем завоевателям. Пальмира – это аванпост Рима против Персии, Китая и Индии. Но мы – нация торговцев, а не солдат, поэтому мы никогда не готовились к обороне. В конце концов, мы никогда и не испытывали в этом необходимости. Если Оденат когда-нибудь попытается пойти наперекор Риму, они не раздумывая разрушат наш город. Но он очень мудро поступает – он приветствует их и тем самым спасает всех нас. Не осуждай его слишком резко! Придет время, и мы выгоним их с нашей земли и тогда снова станем хозяевами своей судьбы.

– А если я выйду замуж за князя, будут ли мои дети его наследниками? Ходят слухи, что он очень любит одну из своих наложниц и ее детей. Я не потерплю, чтобы дети другой женщины оттеснили моих детей!

– Твои дети станут его законными наследниками, дочь моя!

– Тогда я выйду за него замуж, отец!

– Подожди, дитя мое! – предостерегал ее Забаай. – Узнай его получше, прежде чем давать согласие на этот брак. Если и после этого ты все же захочешь выйти за него замуж, то так тому и быть.

– Ты сказал, отец, что в конце концов мне придется выйти замуж. Князь попросил моей руки, и я дам свое согласие! Если уж я должна выйти замуж, то пусть это по крайней мере будет человек, который живет в Пальмире, так что я наконец-то освобожусь от твоей пустыни!

Она озорно сверкнула глазами, а Забаай снисходительно усмехнулся. Как он любил этого ребенка!

– Князь красив, – продолжала Зенобия, – он всегда был добр ко мне, я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь говорил о нем плохо. Кажется, чувство злобы у него полностью отсутствует.

Зенобия понимала, что каким бы справедливым по отношению к ней ни хотел быть ее отец, она не может отказать князю. Однако она еще сильнее полюбила Забаая за то, что он хотя бы сделал вид, что выбор за ней.

– Ты ничего не говоришь о любви, дитя мое. Для того чтобы брак был благополучным, между мужчиной и женщиной должна быть любовь. С той самой минуты, как я увидел твою мать много лет назад в Александрии, я понял, что люблю ее, и она тоже поняла, что любит меня. Любовь поддерживает мужчину и женщину в трудные времена.

– Вы с мамой – необычные люди, отец. Тамар рассказывала мне, что любовь – это чувство, которое вырастает между мужчиной и женщиной постепенно. Я верю, что со временем смогу полюбить Одената, а он уже любит меня. Я уверена в этом! Видел ли ты, как глупо он вел себя сегодня? Я не собиралась смеяться над ним, но он казался таким смешным со своим открытым ртом! – И она захихикала при воспоминании об этом.

Забаай подумал, что еще не пришло время объяснить дочери разницу между вожделением и любовью. Пусть думает, что Оденат действительно влюблен в нее. Не помешало бы еще посильнее раздразнить аппетит князя.

– Укрась себя получше, дитя мое, – сказал он и поцеловал Зенобию в щеку, открыто демонстрируя свою любовь к ней, что случалось довольно редко. – В этот вечер ты можешь поужинать с нами, а не с женщинами.

Оставшись одна, Зенобия повернулась к зеркалу и задумчиво всматривалась в него. Все называли ее красавицей и сравнивали с другими девушками. Но сможет ли она конкурировать с пальмирскими женщинами? Сочтет ли ее Оденат достаточно красивой? Ей все известно о его наложнице Делиции, она знала, что ей придется мириться с ее присутствием. О Делиции, девушке-рабыне из северной Греции, говорили, что она очень красивая: белокожая, голубоглазая и золотоволосая.

Зенобия окинула себя критическим взглядом. Бледно-золотистая кожа, овальное лицо, щеки абрикосового оттенка, длинные густые прямые черные волосы, шелковистые на ощупь… Возможно, ему будет приятно прикасаться к ним. Она вспомнила, что при встрече он всегда ласково гладил ее по голове.

Девушка взглянула на себя более пристально. Она слишком высока для женщины и знала это, но тело безупречно, а формы округлые, но не полные, благодаря активной жизни, которую она вела. Она провела тонкими руками под грудью и критически оглядела их: круглые, твердые и полные. Она знала, какое значение мужчины придают этой части тела женщины, и с удовлетворением отметила, что грудь хороша. Талия тонкая, бедра стройные, но приятно округлые.

Пристальный взгляд Зенобии снова переместился вверх, к лицу, и она стала внимательно всматриваться в него.

Скулы высокие, нос – совершенно прямой, классической формы, губы – полные, подбородок – маленький, квадратный и решительный. Самое лучшее, решила она, это глаза. Миндалевидной формы, обрамленные тонкими дугообразными черными бровями и густой бахромой черных ресниц, они были темно-серые с крошечными золотистыми крапинками, напоминавшими листья в зимнем пруду. И становились почти черными, когда она сердилась. В эти глаза невозможно не заглянуть. А заглянув, любой узнал бы все ее секреты.

– Если он не будет считать тебя самой прекрасной женщиной на свете, значит, он слеп на оба глаза, сестренка!

Зенобия отвела глаза от зеркала.

– Из-за кого я беспокоюсь, так это из-за его любимой наложницы, Акбар. Мужчины из пустыни неравнодушны к белокурым женщинам.

– Но он не женился на ней! – последовал ответ.

– Она ведь рабыня, Акбар. Мужчины не женятся на своих рабынях. Они могут любить их, но не женятся на них. А что, если он любит ее, а на мне женится только ради наследников? Всю свою жизнь я была окружена любовью, Акбар. Я зачата в великой любви. Я не могу жить без нее! Что, если он не любит меня?

– Но ты ведь не обязана выходить за него замуж, сестренка. Отец сказал, что не станет принуждать тебя.

– Мне уже почти пятнадцать лет, брат. Большинство девушек моего возраста уже два года как замужем и имеют детей. Я могу и не встретить любовь. Если не за князя Одената, то за кого же мне тогда выходить, Акбар? Кто возьмет в жены образованную женщину? Я часто думаю, не оказали ли мне мать и отец медвежью услугу тем, что учили меня? Возможно, меня стоило учить только тому, что положено знать женщине.

Она вздохнула и бросилась на ложе.

Акбар в изумлении уставился на сестру, а потом рассмеялся:

– Клянусь Юпитером, ты испугалась! Вот уж никогда не думал, что настанет день, когда Зенобия бат Забаай испугается. Но ты действительно испугалась! Ты боишься, что не понравишься Оденату, ты боишься этой голубоглазой, золотоволосой проститутки! Зенобия, сестра моя, бедный князь Пальмиры уже наполовину влюблен в тебя. Если ты будешь благосклонна к нему, он станет твоим преданным рабом на всю оставшуюся жизнь. Единственное, чего он желает, – это хотя бы небольшого поощрения. Что же касается его наложницы Делиции, он, разумеется, любит ее. Она – добродушное создание, так что ты, конечно, не должна испытывать страх перед этой девчонкой.

– Она так… Так женственна, а я лучше управляюсь с оружием, чем с флаконами духов!

– Ты – единственная в своем роде, сестра моя!

– А тебе понравилась бы такая женщина, как я, Акбар?

Озабоченность, отражавшаяся на ее юном личике, была так велика, что ему стало обидно за нее.

– Слишком легкая победа, быть может, и приятна, зато ужасно скучна, сестра моя. Будь с Оденатом такой, какая ты есть на самом деле. Он полюбит тебя! – Акбар приблизился к ней, наклонился и поцеловал в голову. – Хватит размышлять, глупое дитя, лучше приведи себя в порядок для встречи с князем! Скоро я вернусь и сам буду сопровождать тебя в палатку отца на вечернюю трапезу.

Когда она подняла глаза, он уже ушел, а в палатку входила Баб. «Милая Баб, – с нежностью подумала Зенобия, – с какой радостью она вернется в город!» Баб – служанка ее матери и приехала вместе с Ирис из Александрии. Когда Ирис умерла, она перешла по наследству к Зенобии и продолжала выполнять прежние обязанности. Теперь, с годами, она постарела, и ей все труднее стало переносить тяготы скитаний по пустыне. Зенобия наблюдала любящим взглядом, как старая служанка ходит по палатке, приготавливая для своей хозяйки одежду на вечер.

– Ах, как была бы рада этому браку твоя милая матушка! – заметила Баб. – Ведь твой сын станет следующим правителем Пальмиры после Одената!

– По крайней мере, если я выйду за него замуж, – поддразнила ее Зенобия, – ты проведешь свои преклонные годы в городе, а не в пустыне.

На морщинистом и обветренном лице Баб отразилась минутная обида.

– Преклонные годы?! И кто же это в преклонных годах, хотела бы я знать? Я служила твоей матери, служу тебе и ожидаю, что когда-нибудь послужу и твоей дочери. Преклонные годы, гм!

Баб склонилась над кедровым сундуком и достала оттуда мягкую белую хлопковую рубашку и белоснежную тунику.

– Ты наденешь вот это! – сказала она, протягивая одежду Зенобии.

Зенобия кивнула и сбросила с плеч короткий черный хитон. Баб взяла маленькую морскую губку и, погрузив ее в душистое масло, провела ею по обнаженному телу своей хозяйки. Девушка расширила ноздри. Она любила этот пряный гиацинтовый аромат. Она вспомнила, как Ирис подарила ей маленький флакончик этого ароматического масла, когда ей исполнилось

десять лет. Баб надела на Зенобию сначала рубашку, потом тунику из тончайшего полотна, подвязала ее ремешком из тонкой кожи, украшенным серебряным листиком. Под стать ему на стройные ножки Зенобии были надеты серебряные сандалии.

Туника без рукавов ниспадала складками от глубокого выреза горловины, обнажая нежные, безупречные груди Зенобии. Баб усадила девушку и долго расчесывала ее длинные черные волосы. Затем заплела их, уложила петлей на голове и скрепила заколкой для волос, украшенной жемчугом и алмазами. Потом подала своей юной хозяйке маленькую шкатулку с драгоценностями. Несколько минут Зенобия пристально осматривала ее содержимое. Наконец вынула резной серебряный браслет, потом гладкий браслет из слоновой кости, окаймленный серебром, браслет из резной слоновой кости и еще один из полированной синей ляпис-лазури и надела их себе на руки. В уши вдела серьги из серебра и ляпис-лазури, а пальцы украсила кольцами – с большой круглой жемчужиной кремового цвета и с вырезанным из синей ляпис-лазури скарабеем.

Баб кивнула, выразив одобрение по поводу выбора Зенобии, взяла маленькую щеточку и погрузила ее в краску для век. Она осторожно подкрасила глаза девушки, чтобы оттенить их, но губы Зенобии и ее алые щеки не нуждались в краске. Потом девушка достала флакон для духов из слоновой кости и, откупорив его, надушила себя духами с экзотическим гиацинтовым ароматом. Она встала и, взглянув на себя в зеркало, сказала.

– Ну, кажется, я готова, Баб.

Баб захихикала:

– Он придет в восхищение, любимая моя!

Зенобия улыбнулась, но в ее улыбке не было никакого энтузиазма.

Забаай бен Селим любил комфорт. Его палатку установили на невысоком помосте, который для удобства транспортировки разбирался на несколько частей. Пол покрыли толстыми шерстяными коврами красного, синего, золотистого и кремового цветов. Шесты палатки были позолочены, а с потолка свисали изящнейшие латунные и серебряные светильники, в которых горело ароматное масло. Большая палатка была разделена на две части. Меньшая предназначалась для сна и отделялась от основной части тканными шелковыми персидскими коврами. Обстановка была простая, но богатая: низкие столики из дерева и латуни, сундуки из кедра и множество ярких подушек.

Кроме князя и отца Зенобии, в палатке присутствовало еще несколько мужчин. Кроме Акбара, она увидела других братьев: Гуссейна, Хамила и Селима. Все они были родными братьями Акбара, сыновьями Тамар. Они понимающе усмехнулись при виде Зенобии, и ее щеки залила краска смущения. По необъяснимой причине их самодовольство вызвало волну возмущения в ее сердце и мыслях. Как они смеют вести себя так, будто бы все уже решено?

– Входи, дочь моя, и садись между нами! – мягко обратился к ней Забаай.

Он увидел пламя в ее глазах и догадался, что она чем-то недовольна.

Зенобия спокойно села, опустив глаза. Она злилась на себя за робость, которую вдруг почувствовала. Безмолвные рабы начали подавать еду. Принесли зажаренного молодого козленка, блюдо риса с изюмом. Зенобия пришла в восторг, обнаружив в центре стола целую композицию из фруктов, которых не видела с тех пор, как они уехали из Пальмиры шесть месяцев назад: грозди пурпурного и зеленого винограда, инжир и финики, персики и абрикосы. Легкая довольная улыбка изогнула уголки ее губ, и она протянула руку, чтобы взять абрикос.

– Ты должна благодарить Одената за столь щедрый подарок, Зенобия! – сказал ее отец.

– Ты привез эти фрукты из Пальмиры?

Она взглянула на князя снизу вверх своими дивными глазами, и на мгновение он подумал, что вот-вот утонет в их глубине. Наконец ему удалось обрести дар речи.

– Я вспомнил, что ты терпеть не можешь пустыню, и подумал, что ты ужасно соскучилась по свежим фруктам.

– Ты привез их для меня?

Она вновь почувствовала смущение.

– Видишь, как легко угодить ей, Оденат? – поддразнил князя Акбар. – Другая потребовала бы изумрудов и рубинов, а моя сестренка довольствуется абрикосами. Для жены – это восхитительное качество.

– Благодарю тебя за фрукты, мой господин.

Зенобия вновь умолкла.

Забаай выглядел озабоченным. Как это не похоже на Зенобию – тиха, застенчива! Он подумал, уж не заболела ли она, и тут вспомнил, что и князь также очень мало говорил во время трапезы. Оба они, и он и Зенобия, вели себя словно два молодых зверька, впервые посаженные в одну клетку. Они осторожно ходили вокруг друг друга, изучая и не доверяя. Предводитель бедави улыбнулся, вспомнив, как в юные годы вел себя с каждой новой девушкой – с каждой, кроме Ирис. С Ирис все было иначе. Зенобия, казалось, неохотно разговаривала с молодым князем Оденатом, но ведь нужно учитывать, что ее еще никогда прежде не представляли как невесту.

Трапеза завершилась сладкими слоеными лепешками из меда и мелко нарубленных орехов. На протяжении всего ужина подавали чудесное греческое вино, и мужчины расслабились. Зенобия пила очень мало и, казалось, была необычайно чувствительна к поддразниванию своих братьев. Обычно она тоже не оставалась в долгу.

Наконец Забаай произнес, как он полагал, довольно бесцеремонно:

– Дочь моя, сегодня луна взойдет совсем поздно. Звезды прекрасно видны. Возьми с собой Одената и продемонстрируй ему свои познания в астрономии. Вы можете отвезти Зенобию в любое место на этой земле, мой князь, и она сумеет найти дорогу обратно в Пальмиру. Небо укажет ей путь.

– У меня во дворце есть хорошая обсерватория, – ответил Оденат. – Надеюсь, ты когда-нибудь посетишь ее.

Он поднялся и, протянув руку, помог Зенобии встать.

Они вместе вышли из палатки, а в это время позади них Забаай сурово взглянул на своих сыновей и заставил их прекратить свои шуточки. Зенобия и Оденат в молчании прогуливались по лагерю, и девушка украдкой поглядывала на князя из-под длинных ресниц. Она вынуждена была признать, что он действительно очень красив. В отличие от ее отца и братьев, которые носили длинные накидки, Оденат был одет в короткую тунику, раскрашенный кожаный нагрудник и красный военный плащ. Зенобии понравилось его простое и яркое облачение и прочные, практичные сандалии.

Когда они шли, она заметила, что руки у него мозолистые, сухие и крепкие. «Это хороший признак», – подумала она.

– Прямо над нами находится планета Венера, – заговорила Зенобия. – Когда я родилась, Венера и Марс были в наибольшем сближении. Халдейский астроном, присутствовавший при моем рождении, предсказал, что мне будет сопутствовать удача и в любви, и на войне.

– И тебе действительно везло? – спросил он.

– Мои братья и родители всегда любили меня. Что же касается войны, то о ней я ничего не знаю.

– Разве ни один молодой человек не заявлял тебе о своей вечной любви?

Она остановилась и некоторое время размышляла.

– Некоторые молодые люди глупо суетились вокруг меня. Они вели себя точно так же, как поступают молодые козлы, когда пытаются привлечь внимание желанной козы.

– Ты хочешь сказать, что они бодаются? – пошутил Оденат.

Зенобия усмехнулась:

– Они делали все, что угодно, разве что до этого еще не дошли. Однако я не думаю, что это и есть любовь.

– Быть может, ты просто не давала им шанса предложить тебе свою любовь, как отказала в этом шансе и мне сегодня вечером?

Он повернул ее к себе, и они стояли теперь лицом к лицу. Но она застенчиво отвернулась.

– Посмотри на меня, Зенобия! – мягко приказал он ей.

– Не могу! – прошептала она.

– Что? – И он снова стал поддразнивать ее. – Неужели девушка, которая командует отрядом воинов, не может взглянуть на мужчину, который любит ее? Я ведь не съем тебя, Зенобия! По крайней мере до сих пор еще не съел! Взгляни же на меня, мой цветок! Погляди же в глаза князя, который положит свое сердце к твоим ногам!

Он взял ее за подбородок и приподнял голову. Их глаза встретились. Зенобия задрожала, хотя ночь была теплой.

Своими изящными пальцами Оденат с нежностью исследовал ее лицо: очертил контур ее подбородка, коснулся кончиками пальцев высоких скул, провел ими вниз по носу и губам.

– Твоя кожа подобна лепестку розы, мой цветок! – проговорил он глубоким и страстным голосом.

Зенобия уставилась в землю. Она подумала, что вот-вот упадет в обморок. Казалось, она не может отдышаться. Но когда она неуверенно покачнулась, он протянул к ней свои руки и привлек ее к себе. Она и понятия не имела о том, какой соблазнительной казалась князю со своими влажными коралловыми губками, слегка раскрывшимися, и широко открытыми темно-серыми глазами. Ее искренняя наивность мучила его, возбуждала страсть. Однако Оденат сохранял контроль над своими желаниями. «Как легко можно овладеть ею в эту минуту», – подумал он. Как легко опустить ее на песок! Какое наслаждение получил бы он, научив эту прелестную девушку искусству любви! Но какой-то глубокий инстинкт предостерегал его, что время для этого еще не пришло.

Он крепко сжал ее в объятиях и сказал голосом, который, как он надеялся, снова стал спокойным.

– Мы узнаем друг друга, мой маленький цветок! Тебе сказали, что я хочу взять тебя в жены. Но я люблю тебя и хочу, чтобы ты была счастлива. Если ты станешь моей женой и это принесет тебе печаль, то пусть лучше этого не будет! Ты окажешь мне честь, если проведешь это лето в моем дворце. Тогда мы сможем получше узнать друг друга в кругу наших семей и под их покровительством.

– Я… я должна спросить у отца, – мягко ответила она.

– Уверен, Забаай бен Селим согласится.

Он выпустил ее из своих объятий, взял за руку и повернул обратно к лагерю. Проводив ее до палатки, он учтиво поклонился и пожелал ей спокойной ночи.

Смущенная, Зенобия прошла в свое жилище. Ночная пустыня становилась прохладной, и Баб дремала, сидя возле жаровни. При виде ее Зенобия почувствовала облегчение, – у нее не было желания разговаривать, хотелось побыть какое-то время одной в тишине и подумать. Князь Оденат пробудил в ней какое-то чувство, но она не была уверена, что это и есть та самая любовь, которая возникает между мужчиной и женщиной. Да и откуда ей знать это? Ведь она никогда еще не испытывала любви. Зенобия вздохнула так глубоко, что Баб вздрогнула и проснулась.

– Ты вернулась, дитя мое? – Старуха медленно поднялась на ноги. – Позволь мне помочь тебе приготовиться ко сну. Ты провела приятный вечер? Гуляла с князем? Целовал ли он тебя?

Зенобия рассмеялась:

– Как много вопросов, Баб! Да, вечер был приятным, но князь не целовал меня, хотя, думаю, был момент, когда он мог это сделать.

– И ты не ударила его, как поступала с молодыми людьми из своего племени? – беспокойно спросила Баб.

– Нет, я не сделала этого, и даже если бы он попытался поцеловать меня, не стала бы сопротивляться.

Старая женщина удовлетворенно кивнула. Князь, очевидно, старался завоевать расположение ее милой девочки, и это хорошо. Вероятно, он чувствительный мужчина, и это тоже похвально. Зенобию, этого маленького шершня, можно завоевать только медоточивым убеждением. Сила была бы пагубна.

Баб помогла своей юной хозяйке раздеться и уложила ее в постель.

– Спокойной ночи, дитя мое! – сказала она и, наклонившись, поцеловала девушку в лоб.

– Он хочет, чтобы я провела лето у него во дворце, Баб. Как ты думаешь, отец согласится на это?

– Конечно, согласится! А теперь засыпай, моя дорогая, и пусть тебе снятся прекрасные сны о твоем красивом князе!

– Спокойной ночи, Баб, – последовал ответ.

На следующий день к полудню они снялись с лагеря и отправились в обратный путь в великий город-оазис. Князь ехал рядом с Зенобией, которая в седле оказалась куда более разговорчивой, чем накануне вечером. Два дня спустя показался город, и к тому времени они постепенно стали друзьями. Князь расстался с караваном Забаая бен Селима возле его дома и поехал дальше, к своему дворцу, чтобы подготовиться к визиту Зенобии.

Его приветствовала его мать, персидская княжна аль-Зена. Слово «аль-зена» на персидском означало «женщина» – самая женственная женщина, воплощающая красоту, любовь и верность. Изящная мать Одената олицетворяла собой все эти качества. Она была невысокого роста, зато весьма царственна. Ее кожа была бела как снег, а волосы и глаза – черны как ночь. Аль-Зена любила своего сына, свое единственное дитя, больше всего на свете. Но это была женщина с сильной волей, не желавшая иметь серьезных соперников, претендующих на внимание ее сына. Она презирала Пальмиру и всегда сравнивала ее, отнюдь не в ее пользу, со своими любимыми персидскими городами. Вследствие этого она была непопулярна среди жителей Пальмиры, хотя ее сын, который любил и защищал свой город, пользовался любовью граждан.

Она узнала, что Оденат вернулся, прежде, чем он въехал в ворота дворца, но ждала, когда он сам придет к ней. Проходя через прихожую, она бросила взгляд на свое отражение в серебряном зеркале. То, что она увидела, успокоило. Она все еще прекрасна. Лицо гладкое, без морщин, черные, как полночь, волосы не тронула седина, глаза ясные. Она носила одежду по парфянской моде: вишневые шаровары, бледно-розовую блузу без рукавов, вишневую тунику с длинными рукавами, вышитую золотой нитью и украшенную маленькими жемчужинами. На ногах у нее были сандалии из покрытой позолотой кожи. Ее волосы были собраны высоко на голове и образовывали целое сооружение из кос и локонов, украшенное мерцающими гранатами.

Войдя в комнату, она заметила в глазах Одената восхищение, и это было ей приятно.

– Оденат, любимый мой! Мне не хватало тебя! Где же ты был эти дни? – произнесла она своеобразным хрипловатым голосом, являвшим собой разительный контраст с ее женственной внешностью, и обняла сына.

Он улыбнулся и увлек ее за собой на покрытую подушками скамью.

– Я был в пустыне, мама, в лагере моего двоюродного брата, Забаая бен Селима. Я пригласил его дочь Зенобию провести лето здесь, в нашем дворце.

Аль-Зена ощутила неприятный холодок, а ее сын довольно уверенно продолжал:

– Я хотел бы жениться на Зенобии, но она еще молода и колеблется. Я подумал, что если бы она провела лето здесь и получше узнала нас, то не чувствовала бы себя так неуверенно. Хотя ее отец может приказать ей выйти за меня замуж, для меня гораздо предпочтительнее, чтобы она сама захотела этого.

Аль-Зена была не подготовлена к новости, которую сообщил ей сын. Ей нужно время, чтобы подумать. Однако она сказала то, что казалось ей совершенно очевидным:

– Оденат, ведь у тебя впереди еще предостаточно времени, чтобы жениться. К чему такая спешка?

– Но, мама, ведь мне уже двадцать пять лет! Мне нужны наследники!

– А как же дети Делиции?

– Они – мои сыновья, но они не могут быть моими наследниками. Ведь они – дети рабыни, наложницы. Ты же все это знаешь, мама. Знаешь, что когда-нибудь я должен жениться.

– Но ведь не на девушке из племени бедави! Оденат, неужели ты не мог придумать ничего получше?

– Зенобия – только наполовину бедави, как и я сам, мама.

Он улыбнулся ей немного печально. Он прекрасно знал о ее чрезвычайно развитом собственническом чувстве, хотя она считала, что он и не подозревает об этом.

– Ее мать – прямой потомок царицы Клеопатры, а сама Зенобия – прекрасная и умная девушка. Я хочу, чтобы она стала моей женой, и она будет ею!

Аль-Зена попробовала взять другой курс, который дал бы ей время поразмыслить.

– Разумеется, сын мой, я забочусь только о твоем счастье! Несчастная Делиция! Сердце ее будет разбито, когда она узнает, что ей придется уступить другой место в твоем сердце!

– У Делиции нет никаких иллюзий относительно ее места в моей жизни! – резко возразил Оденат. – Ты ведь позаботишься о том, чтобы Зенобию хорошо приняли здесь, не правда ли, мама?

– Раз уж ты так решительно настроен взять ее в жены, сын мой, я буду обращаться с ней как с собственной дочерью, – ответила аль-Зена.

Оденат поднялся и поцеловал мать.

– А больше я ничего и не прошу у тебя! – сказал он и оставил ее, чтобы навестить свою любимую наложницу Делицию.

Как только он ушел, аль-Зена схватила фарфоровую вазу и в припадке ярости швырнула ее на пол. Жена! О боги, она так надеялась, что ей удастся предотвратить это! Наследники! Ему нужны наследники для этого города, этой навозной кучи! Пальмира, как бы она ни хвасталась тем, что ее основал царь Соломон, не может сравниться с ее любимыми древними персидскими городами, царством культуры и знаний. Это место, где она находилась в ссылке на протяжении прошедших двадцати шести лет, не что иное, как навозная куча посреди пустыни! Ну что же, ведь пока он еще не женился! Быть может, если она поработает как следует над этой маленькой дурочкой Делицией… Если Оденат желает девушку-бедави, что ж, пусть соединится с ней! Но взять ее в жены?! Никогда!

Делиция тепло приветствовала своего хозяина. Она прижалась к нему всем телом и подняла лицо для поцелуя.

– Добро пожаловать, мой господин! Мне очень не хватало тебя, и твоим сыновьям – тоже.

Он поцеловал ее нежным, но бесстрастным поцелуем. Она – очень милая девушка, но уже давно наскучила ему.

– Вы все здоровы? – спросил он.

– О да, мой господин! Правда, Берн упал и сильно оцарапал колено. Ты же знаешь, ему обязательно хочется делать все то, что делает его брат Лин, хотя тот старше.

Уткнувшись в его ухо, она увлекла его на ложе и сама опустилась вместе с ним.

– Ночи без тебя так длинны, мой господин!

Его переполнил запах ее духов – запах гортензии, и он вдруг почувствовал, что пресытился им.

Он снял ее пухлые ручки со своей шеи и сел. У него не было желания заниматься с ней любовью. Он с удивлением осознал, что не желает заниматься любовью ни с одной из женщин из своего гарема.

Он сказал:

– Делиция, я скоро женюсь. Через несколько дней Зенобия бат Забаай, единственная дочь моего двоюродного брата, приедет сюда, чтобы погостить в нашем дворце. Она станет моей женой, а ее дети – моими наследниками.

– Ее дети – твоими наследниками? А как же мои сыновья? Ведь они и твои сыновья тоже!

– Ты, разумеется, знала, что дети наложницы не могут наследовать трон Пальмиры.

– Но ведь твоя мать сказала, что мои сыновья – твои наследники!

– Не моей матери это решать! Она – персиянка! Когда она вышла замуж за моего отца, ей следовало бы стать гражданкой Пальмиры, однако она не сделала этого. Она провела здесь всю свою жизнь, всячески принижая мое царство, и ни разу не побеспокоилась о том, чтобы узнать его обычаи. Если бы я последовал ее примеру, она сделала бы из меня самого ненавистного правителя из всех, кто когда-либо правил Пальмирой. Но к счастью, я последовал примеру своего отца, и он предостерегал меня, чтобы я никогда не женился на чужеземке и моих сыновей не учили ненавидеть то, что достанется им в наследство. Закон говорит об этом ясно, Делиция. Дети наложницы не могут получить в наследство царство Пальмиру.

– Но ведь ты можешь изменить закон, мой господин, не правда ли?

– Я не сделаю этого, – спокойно ответил он. – Твои сыновья – хорошие мальчики, но они наполовину греки. А мы с Зенобией оба из племени бедави, и наши сыновья тоже будут бедави.

– Ты ведь наполовину перс! – упрекала его Делиция. – А мать твоей драгоценной невесты, насколько я помню, гречанка из Александрии!

– Но мы выросли здесь, в Пальмире, и прежде всего мы – дети своих отцов. А наши отцы – бедави.

– Но если следовать этой логике, наши с тобой сыновья – тоже бедави! – возразила она.

Оденат испытал одновременно раздражение и грусть.

Ему не хотелось обижать Делицию, но она не оставляла ему выбора. Он молча проклинал свою мать за то, что она осмелилась заронить в женщине напрасные надежды. Теперь он окончательно понял, почему аль-Зена поощряла его связь с бедной Делицией, хотя всегда ненавидела женщин из его гарема – ненавидела и, как он теперь осознал, одновременно боялась. Он вздохнул и спросил:

– Кто были твои родители, Делиция?

– Мои родители? Но какое отношение ко всему этому имеют мои родители?

– Ответь мне! Кто были твои родители? – Его голос теперь звучал резко.

– Не знаю! – раздраженно ответила она. – Я не помню их, потому что была совсем маленькой, когда меня забрали.

– Они были вольноотпущенными?

– Не знаю.

– Расскажи мне о твоих самых ранних воспоминаниях. Подумай и скажи, что прежде всего ты вспоминаешь из своей жизни.

Она наморщила брови и в течение нескольких минут хранила молчание. Потом заговорила:

– Самое первое, что могу припомнить, – это как меня угощали леденцами в публичном доме в Афинах. Я была еще совсем маленькая, года четыре, не больше. Мужчины, бывало, сажали меня к себе на колени, сжимали в объятиях и называли меня своей хорошенькой и прелестной малышкой.

– Когда я купил тебя, ты не была девственницей! – сказал он.

– Конечно, нет! – ответила она. – Мою девственность продали на аукционе в Дамаске, когда мне было одиннадцать лет. Я сделала своего хозяина очень богатым человеком, потому что никогда еще ни за одну девственницу он не получал такую высокую цену.

– Потом ты в течение трех лет была проституткой, и я выкупил тебя у госпожи Раби.

– Да, это так. Но почему ты расспрашиваешь меня об этом? Ведь когда ты купил меня, ты знал, кем я была.

– Да, Делиция, знал. Ты неглупая женщина. Подумай, ты не знаешь своих родителей, не знаешь, кто были твои предки, не знаешь даже, откуда ты родом. Прежде чем я купил тебя, ты была профессиональной проституткой. В тот день, когда я приобрел тебя, ты давала представление перед всей Пальмирой! Как же я могу сделать наследниками сыновей такой женщины, как ты? Законы этого города – это законы самого Соломона! Моя жена должна быть безупречна, а предки моих сыновей должны быть подтверждены документально на сотни поколений назад, и все должны знать и видеть это. У следующего правителя Пальмиры должна быть прекрасная родословная. – Он обнял ее и поцеловал макушку ее золотистой головки. – Я знаю, ты понимаешь меня, Делиция!

– Значит, ты женишься только для того, чтобы иметь законных наследников?

В голосе Делиции послышались нотки надежды, и Оденат почувствовал себя обязанным развеять и эту надежду.

– Я женюсь по любви, Делиция. Я всегда был честен с тобой. Я купил тебя, чтобы расстроить планы римского губернатора, который удовлетворил бы свою страсть к тебе, а потом отослал бы тебя обратно к госпоже Раби, где ты провела бы остаток своей очень недолгой юности, удовлетворяя каждую ночь множество любовников. А вместо этого я купил тебя и сделал своей наложницей. У тебя было в этом мире все, чего ты желала, и даже больше. Ты живешь в почете и безопасности, избавлена от нужды, и так будет всегда, до конца твоих дней, если, конечно, ты не вызовешь мое недовольство. – Его последние слова прозвучали как мягкое предостережение.

– Но что же будет с моими сыновьями? Если они – не твои наследники, то что же будет с ними? – спросила Делиция.

– Их воспитают так, чтобы они служили Пальмире, мне и моему преемнику. Они – повелители в этом городе. Твои сыновья – и мои сыновья тоже, и им ничто не угрожает.

– Даже со стороны Зенобии бат Забаай? – со злостью спросила она.

– С какой стати Зенобия будет желать зла твоим сыновьям? Ты глупа, моя милая, и озлоблена из-за постигшего тебя разочарования. Но вспомни-ка, ведь ни я, ни Зенобия не говорили тебе, что твои сыновья унаследуют мое царство. Если ты злишься, Делиция, то направь свой гнев против той, которая заслужила это. Направь его против моей матери, ведь именно она ввела тебя в заблуждение!

Белая кожа Делиции от ярости покрылась красными пятнами. Оденат прав. Именно аль-Зена заставила ее поверить, что ее дети получат в наследство маленькое царство своего отца. Делиция неглупая женщина и, поразмыслив, пришла к выводу, что ей и в самом деле повезло. Ее не только спасли от жизни бесправной проститутки, но и ее сыновья – гарантия того, что она будет по-прежнему сохранять свое вполне приличное положение. Какой же дурочкой она будет, если разрушит все это только из-за того, что следующими правителями Пальмиры будут еще не рожденные дети другой женщины!

Она чувствовала, что уже надоела своему хозяину. «Что ж, – решила Делиция. – Я в безопасности, и мои сыновья тоже. Я даже подружусь с Зенобией бат Забаай. Это, несомненно, не понравится этой старой кошке аль-Зене».

Делиции улыбнулась. Ее дыхание снова стало ровным. Ее охватило предвкушение того наслаждения, которое она испытает, когда заставит сердиться мать Одената.

– Чему же ты улыбаешься, любимая?

– Я улыбаюсь, потому что ты прав, мой господин, я и вправду совсем глупая. С твоего позволения, я буду приветствовать Зенобию бат Забаай как твою супругу и княжну.

Оденат улыбнулся ей в ответ:

– Я знал, любовь моя, что стоит тебе поразмыслить, и твой ум и врожденное здравомыслие проявят себя.

Он встал и снова поцеловал макушку ее белокурой головки.

– Я увижусь с мальчиками позже, любовь моя. Сейчас мне надо подготовить дворец к приезду Зенобии. Мне так хочется, чтобы ей у нас понравилось.

Изящно приподняв прекрасные брови, Делиция наблюдала, как Оденат уходит из ее апартаментов.

Должно быть, Оденат и вправду влюблен, раз так волнуется из-за всяких мелочей. Наверное, Зенобия бат Забаай уже не похожа на того худенького ребенка с мрачными глазами, который четыре года назад сидел и бесстрастно наблюдал за умирающим человеком. Делиция пожала плечами. Она уйдет в сторону от этих дворцовых интриг! Пусть маленькая бедави сама разбирается!

На следующий день после полудня Зенобия въехала во дворцовый сад на своем верблюде. В этот час большинство граждан дремало в прохладе. У нее не было желания привлекать внимание к своему визиту.

Аль-Зена холодно наблюдала, как Оденат помог закутанной в плащ девушке слезть с верблюда. Она откинула капюшон, и аль-Зена увидела прекрасное лицо.

– Мой господин? – тихо произнесла Зенобия, наклонив голову в знак приветствия.

– Добро пожаловать в мой дом, Зенобия! – сказал он в ответ. – Надеюсь, скоро он станет и твоим домом, мой цветок!

Зенобия смутилась, и ее бледно-золотистая кожа залилась персиковым румянцем.

– Все будет так, как пожелают боги, мой господин.

Князь повернулся к аль-Зене и вывел ее вперед.

– Это моя мать, Зенобия, – сказал он.

– Это большая честь для меня, моя госпожа!

– Добро пожаловать во дворец, моя… – аль-Зена пыталась подыскать нужное слово, – мое дитя! Надеюсь, твое пребывание здесь будет счастливым!

– Спасибо, госпожа! – учтиво ответила Зенобия.

Несколько минут спустя ее устроили в комфортабельных апартаментах вместе с Баб, которая деловито распаковывала вещи и болтала. Баб приехала во дворец на несколько часов раньше Зенобии.

– Вот дворец так дворец! – восторгалась Баб. – Большой, с прекрасным садом, а комнаты какие просторные! Кажется, здесь множество рабов, чтобы прислуживать нам. Надеюсь, кормят здесь прилично.

– Тише, Баб! Даже твое благоразумие не может сдержать твой язык!

Баб усмехнулась и продолжала распаковывать и раскладывать одежду Зенобии.

– Не уверена, что твои наряды достаточно элегантны для этого дворца. Нам следовало бы приехать сюда позже. Тогда у нас было бы время, чтобы сшить для тебя новые туалеты.

– Ты уж слишком беспокоишься, старушка! – поддразнивала ее девушка. – Либо я нравлюсь князю, либо нет. А если не нравлюсь ему, то сколько бы красивых перышек у меня ни было, это мне не поможет!

– Но не сам князь внушает мне беспокойство, а его мать! – Баб понизила голос: – Я слышала, что она очень несчастна из-за того, что он собрался жениться. Она надеялась, что он удовольствуется своей наложницей Делицией. Говорят, что княжна альЗена – очень своевольная и властная женщина.

– Она настроена именно против меня, Баб, или вообще против любой девушки?

– И то и другое, моя малышка! – ответила Баб.

Они с Зенобией всегда были честны друг с другом.

На мгновение Зенобия задумалась, а потом снова заговорила:

– Самый лучший способ найти общий язык с этой госпожой, как я думаю, – это изображать саму сладость. Как сможет она обвинять меня в дурных манерах? – Зенобия усмехнулась.

– А как ты будешь вести себя с его наложницей, дитя мое? Ведь нельзя жить в одном дворце и никогда не встречаться!

– У меня нет сомнений, что мы будем встречаться, но, когда это случится, я подружусь с ней.

– Зенобия! – Баб была потрясена.

– У меня нет выбора, Баб! Если я выйду замуж за Одената, я должна стать ему помощницей, а не помехой. Как же мы сможем успешно править Пальмирой, если в нашем собственном доме разгорится война. Допусти я это, он сначала испытает беспокойство, а потом обидится на меня. Нет, я должна одержать верх над ними обеими – над его матерью и над Делицией. – Она улыбнулась Баб. – Не беспокойся, я не забуду о том, во что меня вовлекли, но сейчас мне хотелось бы принять ванну. Не сомневаюсь, что такая простая вещь доступна мне в таком чудесном месте!

– Конечно, деточка! Все для тебя уже подготовлено! Идем, идем!

Баб взяла свою хозяйку за руку и повела ее в выложенную кафелем купальню, где воздух уже наполнял гиацинтовый аромат духов Зенобии. Полдюжины черных девушек-рабынь ожидали гостью. Зенобия, бросив взгляд на восхитительно глубокий купальный бассейн, в восторге сбросила свои запыленные одежды и вошла в теплую воду. Ее округлые, полные груди и длинные ноги тотчас же были замечены двумя шпионками, которых подослали в ее апартаменты аль-Зена и Делиция.

Когда Зенобия выкупалась, Баб завернула ее в мягкий хлопковый халат. После этого девушка прилегла, чтобы отдохнуть до вечерней трапезы. Ее утомили сборы и волнения. В тот вечер ей предстояло встретиться с аль-Зеной и, может быть, столкнуться лицом к лицу с прекрасной наложницей Делицией. Однако, несмотря на все свои страхи, Зенобия спала глубоким невинным сном юности.

Проснувшись, она прошла через комнату и вышла в открытый портик. Внизу раскинулся окруженный стеной сад, а выше, словно богатая трапеза на столе пустыни, расстилалась Пальмира. Фонари уже зажгли, и синие сумерки быстро переходили в черную ночь. Слабый ветерок доносил запах чего-то столь неуловимого, что даже Зенобия со своим острым обонянием не могла уловить, что это было. Она чувствовала себя расслабленной, но была уверена – в этот вечер она не потеряет контроль над собой.

– Ты уже проснулась?

Зенобия обернулась и вошла в комнату.

– Да, проснулась, Баб.

– Тебе следовало бы позвать меня! – проворчала старуха.

– Мне хотелось побыть минутку одной.

– Гм! – послышалось в ответ.

И все же Баб поняла ее.

Белая туника без рукавов с низким вырезом – совсем простой наряд. Зенобия улыбнулась про себя. Невинностью своего платья она подчеркнет разницу между собой и матерью Одената.

– Оставь волосы распущенными! – попросила она.

Баб кивнула и, расчесав длинные густые локоны Зенобии, закрепила их простой белой ленточкой, вышитой крошечными жемчужинками.

Зенобия взяла свою шкатулку с драгоценностями и достала из нее большую золотисто-кремовую жемчужину в форме слезинки на тоненькой золотой цепочке. Она повесила ее себе на шею, и жемчужина приютилась между юными грудями девушки – один соблазн между двумя соблазнами-близнецами. Дополняя ее, из ушей Зенобии свисали гроздья жемчужин на золотых проволочках. Браслеты из украшенного резьбой розового коралла и тонкие золотые проволочки с нанизанными на них жемчужинами охватывали запястья. Круглая жемчужина, оправленная в золото, украшала ее руку, привлекая внимание к длинным пальцам с отполированными ногтями.

Баб кивнула, выражая одобрение, когда Зенобия надушилась своими любимыми духами.

– Ты – само совершенство, дитя мое! Ты затмишь и эту старую ведьму, и наложницу-гречанку!

Едва эти слова слетели с уст Баб, поспешно вошла одна из чернокожих девушек-рабынь и объявила:

– Пришел евнух, чтобы сопровождать госпожу в трапезную.

Легонько кивнув Баб, Зенобия последовала за девушкой и за евнухом. Они шли по обширному дворцу так быстро, что у нее едва хватало времени, чтобы замечать что-либо по пути. Однако девушка-рабыня выразилась неправильно, так как то место, куда они шли, было не трапезным залом, а скорее семейной столовой. Аль-Зена, одетая в зелено-золотые одежды, была уже там. Она полулежала на диване. Рядом с ней сидела прелестная белокожая блондинка, одетая также по парфянской моде, но ее одежда была небесно-голубого цвета и вышита серебром.

– Зенобия, дитя мое! – замурлыкала аль-Зена. – Это госпожа Делиция!

– Добрый вечер! – ласково ответила Зенобия.

Аль-Зена несколько смутилась, так как девушка не выказала ни огорчения, ни гнева по поводу присутствия Делиции. Либо она абсолютно бесчувственна, либо чрезвычайно глупа, либо очень умна. Аль-Зена не могла определить, что именно, и ей пришлось сделать паузу. Она подозрительно рассматривала Зенобию, пока та усаживалась на место, которое ей указали. Потом Зенобия повернулась к Делиции со словами:

– Я знаю, у вас двое сыновей. Какая вы счастливая! Надеюсь, и я когда-нибудь стану матерью сыновей!

Аль-Зена с трудом проглотила вино, пролив часть его себе на платье. Она послала служанку поскорее принести воду. Зенобия озабоченно заворковала:

– Ах, вы пролили вино! Надеюсь, оно не оставит пятна на вашей тунике!

Делиция разглядывала будущую жену Одената из-под густо накрашенных ресниц и выдавила усмешку. Эта маленькая бедави мудро ведет себя с аль-Зеной и готова вести с ней борьбу! Делиция видела, что аль-Зена еще не составила окончательного мнения о характере и уме девушки. Она воспользовалась возможностью оценить свою соперницу и вздохнула. Девушка просто красавица! Делиция подумала, что рядом с ней она кажется неинтересной.

Рабыня суетливо оттирала тунику аль-Зены, когда в комнату вошел князь Пальмиры. Он окинул взглядом трех женщин и резко спросил:

– Делиция, что ты делаешь здесь?

– А разве ты не пригласил меня, мой господин? Твоя мать сказала мне, что сегодня вечером я должна прийти на ужин.

– Тебя не приглашали! – послышался ледяной ответ. – Пожалуйста, вернись в свои комнаты!

Пораженная, Делиция встала, и Зенобия в то же мгновение поняла – мать Одената использовала эту женщину как пешку в своей игре.

– Пожалуйста, мой господин князь, не отсылай госпожу Делицию прочь! Я получила такое удовольствие от ее общества! – попросила Зенобия.

– Это не огорчает тебя, мой цветок? Я не хочу, чтобы ты чувствовала себя несчастной.

– Мы с Делицией – ровесницы, а скоро станем подругами, я знаю. Пожалуйста, мой господин князь!

И Зенобия положила ладонь на его руку. Под ее взглядом Оденат так и таял. Он чувствовал, как сильно бьется его сердце.

– Что ж, если это приятно тебе, мой цветок, то Делиция может остаться! – грубовато ответил он.

Однако, произнося эти слова, он так хотел, чтобы в комнате не было ни Делиции, ни его матери! Тогда он смог бы поцеловать эти восхитительные губы, которые, казалось, с таким очарованием молили его об этом. Он нетерпеливо подал знак рабу, чтобы тот наполнил вином его бокал.

– Спасибо тебе, господин князь! – мягко произнесла Зенобия.

Аль-Зена чуть зубами не скрежетала от разочарования. Он влюблен! Да будут прокляты боги! Ее сын влюбился и не способен рассуждать! Однако если бы ей удалось показать ему, какое неподходящее для него создание эта девчушка, тогда Оденат, возможно, прислушается к голосу разума. Подумать только, девушка-бедави – княгиня Пальмиры! Никогда!

Трапеза оказалась довольно незамысловатой и началась с артишоков в оливковом масле и эстрагоновом уксусе. За ними последовали ягненок, жареный дрозд на спарже, зеленые бобы и молодая капуста. Завершился ужин персиками и зеленым виноградом. Князь не мог оторвать взгляд от Зенобии, вызывая этим ужас у своей матери и чувство смиренной покорности у Делиции. Зенобия с аппетитом ела превосходно приготовленные блюда, в то время как все остальные почти не притронулись к еде.

После завершающего блюда посуду со стола убрали и вновь наполнили бокалы вином. В зал вошли танцовщицы и менестрели. Делиция видела, как отчаянно желал Оденат остаться наедине с этой красивой девушкой, которую хотел взять в жены. Поэтому, как только танцовщицы выбежали из столовой, она поднялась и сказала:

– Позволь мне удалиться, мой господин. Я очень устала.

Князь благодарно улыбнулся ей и кивнул. Делиция поклонилась аль-Зене и Зенобии и вышла из комнаты. Еще несколько минут они сидели в молчании, откинувшись на свои ложа. Оденат ждал, когда его мать наконец удалится. Когда стало ясно, что она не собирается делать этого, он встал и, протянув Зенобии руку, сказал:

– Идем! Мои сады по праву считаются прекрасными. Ты извинишь нас, мама? Полагаю, теперь ты пожелаешь удалиться, ведь уже совсем поздно.

Зенобия вложила свою руку в руку князя и поднялась.

– Мне очень хотелось бы посмотреть твои сады, мой господин князь!

Даже не обернувшись на аль-Зену, Оденат увлек Зенобию в обширный затемненный сад. Тут и там вдоль дорожек пылали факелы, однако разогнать мрак ночи не могли. Зенобия не удержалась и усмехнулась.

– Надеюсь, ты знаешь, куда идешь! Мне не хотелось бы закончить свою жизнь в пруду с рыбой! – поддразнила она.

Оденат остановился и, повернув ее к себе, заглянул в лицо.

– Я хочу поцеловать тебя! – пылко произнес он.

Какой прекрасной казалась она ему при свете факелов, мерцавших, словно расплавленное золото!

– Что?

Ее сердце бешено застучало, она почувствовала панический страх. Затем робко заглянула в его красивое лицо, и ее глаза слегка расширились от удивления.

– Я хочу поцеловать тебя! – повторил он. – Если бы на твоем месте была какая-нибудь другая девушка, я бы даже не стал спрашивать разрешения!

– Ах! – воскликнула она.

Ее голос вдруг стал совсем слабым, и когда Оденат взглянул на нее, по ее лицу разлилась медленная улыбка.

– Ты – словно свежий ветерок, который проносится через город на закате, мой цветок!

Его рука соскользнула с ее плеча и обвила тонкую талию. Он крепко прижал ее к себе. Другая рука заскользила вверх по шее и лицу и запуталась в черном как смоль шелке ее волос. Он опустил свою темноволосую голову, его губы легко и быстро касались ее губ, распространяя по ее телу быстрые волны дрожи. Она отчаянно боролась сама с собой, пытаясь вернуть контроль над своими чувствами.

– Зенобия!

Его голос ласкал ее слух, и она задрожала. Что он делает с ней? Почему звук его голоса, произносящего ее имя, заставляет ее задыхаться?

– Зенобия!

Она почувствовала, как ослабли ее ноги, и чуть не упала в охватывавшее ее кольцо его рук. В течение короткого мгновения он вглядывался в ее лицо, а потом быстро наклонился, и их губы слились.

Его губы были теплыми, гладкими и твердыми. Зенобия, хотя и была наивна в том, что касалось поцелуев, все же почувствовала его сдержанность. Он поцеловал ее мягко и с величайшей нежностью. Казалось, его губы вытягивали из ее неискушенного тела самую суть ее существа. Она почувствовала, как из самой ее глубины поднимается страстное желание. Она неистово желала чего-то, но сама не знала, чего именно. По прошествии некоторого времени, которое показалось ей вечностью, он наконец оторвался от ее губ, и она пролепетала:

– Еще!

Он взглянул на нее, и его карие глаза стали почти прозрачными от страсти.

– Ах, Зенобия, ты возбудила меня! – тихо сказал он и снова поцеловал ее.

На этот раз его поцелуй был уже не таким мягким, но она не испытывала страха, а только отчаянное желание познать нечто большее. Он разомкнул ее губы, и его язык стал исследовать бархатистую нежность ее рта, словно что-то искал. Она чего-то хотела, сама не зная, чего именно. Она восхитительно дрожала, когда он в течение некоторого времени сосал ее маленький язычок. Потом придвинулась ближе к нему, и ее груди напряглись.

С нетерпеливым стоном он оттолкнул ее от себя.

– Ты еще так молода, мой цветок! – мягко произнес он.

Это звучало почти как упрек.

– Я неприятна тебе? – спросила она.

Она огорчилась, и он заметил это.

– Идем!

Он взял ее за руку, и они снова отправились гулять по темному саду.

– Нет, ты очень нравишься мне. Я еле сдерживаю себя, так мне хочется любить тебя.

– Тогда давай полюбим друг друга! – простодушно ответила она. – Я еще никогда прежде не была с мужчиной, но и Тамар, и Баб говорили, что то, что происходит между мужчиной и женщиной, вполне естественно. Я не боюсь, мой господин князь!

Он улыбнулся ей в темноте:

– Думаю, ни одна женщина не станет заниматься любовью с мужчиной, которого она не любит, к которому не испытывает чувств. Это безнравственно, мой цветок. Я никогда не делал этого с женщиной, которая совсем не любила меня. В этот вечер чувственная сторона твоей натуры едва лишь пробудилась, и ты страстно стремишься познать больше. Но ты еще не знаешь меня, Зенобия. Придет время и для плотских радостей, обещаю тебе!

– Ты заставляешь меня чувствовать себя ребенком!

И она надула губки.

– А ты и есть ребенок! – ответил он. – Но наступит ночь, когда мы с тобой будем любить друг друга, и тогда, Зенобия, я сделаю тебя женщиной, полностью осознающей могущество своей страсти.

Она вздохнула:

– Значит, мне придется довольствоваться твоими суждениями, потому что сама я ничего не знаю о таких вещах.

Оденат тихо засмеялся:

– Полагаю, мне следует наслаждаться твоей покорностью. Я подозреваю, что ты редко уступаешь кому-либо.

– Я знаю, что я не такая, как другие женщины, – сказала она, защищаясь. – Если я действительно нужна тебе, мой господин князь, ты должен принять меня такой, какая я есть. Не знаю, смогу ли я измениться, даже если сама захочу этого.

– Ты мне нужна такая, как есть, несмотря на то что у моего цветка пустыни есть шипы, как я подозреваю. – Он на минуту остановился, повернул ее к себе и снова поцеловал. – Пожалуйста, научись любить меня, Зенобия! Я сгораю от желания любить тебя!

– Любить меня или заниматься со мной любовью? – спросила она.

– И то и другое! – признался он.

В ответ она подарила ему быстрый поцелуй.

– Ты честный человек, – сказала она. – Думаю, мы сможем стать друзьями, а друзья, как мне говорили, становятся самыми лучшими любовниками.

Эти слова доставили Оденату удовольствие. Она совершенно серьезна, и он еще никогда не встречал женщину, которая была бы так восхитительно интересна.

– Почему ты не называешь меня по имени, Зенобия? – спросил он. – Ты называешь меня «мой господин князь», но никогда не произносишь мое имя.

– Ты ведь не давал мне разрешения называть тебя по имени, мой господин князь. Я всего лишь простая девушка из племени бедави, но я знаю, как себя вести.

Она замолчала, и он разглядел в темноте мерцание ее глаз.

– А кроме того, твое имя мне не нравится.

– Не нравится мое имя?! – Он изумился.

– Твое имя звучит слишком торжественно, почти напыщенно, мой господин князь.

– Но если нам предстоит пожениться, ты не можешь продолжать называть меня «мой господин князь»!

– Это ведь еще не решено, что мы поженимся! – спокойно ответила она. – Кроме того, я не могу воспринимать тебя как Одената Септимия, мой господин князь.

В ее голосе ему послышался дразнящий смех, и он оценил ее маленькую игру и ответил в том же духе:

– Мы поженимся, мой цветок, не бойся! Я собираюсь научить тебя любить меня и называть меня по имени. – Он сделал паузу. – Если не можешь называть меня Оденатом, тогда как тебе хочется называть меня?

– На людях я буду называть тебя «мой господин князь», но наедине ты будешь Ястребом, потому что напоминаешь эту птицу своим длинным прямым носом и пронзительным, мрачным, пристальным взглядом.

Оденат был польщен сверх всякой меры, и она поняла, что будет так, как она хочет.

– Итак, я для тебя Ястреб! – Он усмехнулся. – Ты воображаешь себе, что приручаешь эту дикую птицу, мой цветок?

– Никогда не следует приручать дикие существа, мой Ястреб. Нужно завоевать их доверие и уважение, стать их другом, и мы с тобой так и сделаем.

Снова она удивила его, и он усмехнулся про себя.

– Что ж, я буду Ястребом, если это доставит тебе удовольствие, Зенобия. Но сейчас уже поздно. Пойдем, я отведу тебя в дом.

Взяв ее за руку, он двинулся через темный сад с уверенностью верблюда, идущего знакомой тропой. Они вошли во дворец, она последовала за ним вверх по потайной лестнице и оказалась в коридоре, ведущем в ее комнаты. Они остановились перед большими двустворчатыми дверями.

– Умеешь ли ты ездить верхом на лошади? – спросил он.

– Да.

– Тогда будь готова на рассвете! – сказал он и, повернувшись, широкими шагами пошел прочь по коридору.

Она смотрела, как он уходил, а потом его фигура в длинной белой тунике исчезла за углом. Зенобия вздохнула и некоторое время стояла перед своей дверью. Потом один из солдат, охранявших ее апартаменты, поклонился и распахнул перед ней дверь. Залившись румянцем от смущения, она поспешила в свои комнаты и закрыла за собой дверь. Ей навстречу выбежала Баб:

– Ну что, все прошло хорошо, дитя мое?

Впервые в своей жизни Зенобии не хотелось разговаривать со своей любимой служанкой. Ей ни с кем не хотелось делиться тем, что произошло между ней и князем.

– Да, Баб, все прошло хорошо.

– Прекрасно, прекрасно! – одобрительно воскликнула Баб.

Чувствуя, что, если она не расскажет Баб что-нибудь еще, служанка не оставит ее в покое, Зенобия продолжила:

– Завтра на рассвете мне предстоит верховая прогулка вместе с князем.

Ей благополучно удалось отвлечь Баб.

– На рассвете?

– Да.

Зенобия сделала вид, что зевает.

Через несколько минут она была раздета и лежала в постели. К ее восторгу, она осталась одна – Баб разместилась в отдельной маленькой комнатке рядом с передней. Зенобия вытянулась в своей удобной постели и в восторге пошевелила пальцами ног под роскошным шелковым покрывалом. В ее голове одна мысль сменяла другую.

Все говорили, что это она должна принять решение относительно свадьбы. Однако истина заключалась в том, что выбор фактически уже сделан. Брак с князем Пальмиры возвысит ее. Единственное, что от нее требуется, – это произвести на свет следующего правителя Пальмиры. Князь – мягкий человек. Как и ее отец, он, казалось, искренне беспокоился о том, что она чувствует и думает. У нее нет другого варианта. Не было ли все это злым роком? Она без сна ворочалась в постели, вспоминая его поцелуи и то, что они с ней сделали.

В некотором отношении эти поцелуи испугали ее, так как делали ее совершенно беспомощной. Она не знала, чего он ждал от нее. Еще никогда прежде она не позволяла мужчине целовать себя. Юноши из ее племени довольно часто стремились застать ее одну, но ей всегда удавалось избежать их алчущих губ, их нетерпеливых рук. Если необходимо, она применяла насилие, ведь она никогда не была игрушкой мужчин и никогда не будет ею. Оденат же обнимал ее с нежностью и словно пробовал ее губы на вкус. Это возбудило ее любопытство. Она подозревала, что именно это он и намеревался сделать. Он не прикасался к ее телу, но из болтовни Тамар и Баб она знала, что мужчины любят ласкать женское тело. Почему же он не прикасался к ней? Может быть, в ее теле есть что-то дурное или неприятное?

Все еще бодрствующая, Зенобия встала с постели и вышла в портик, возвышавшийся над садом и городом. В течение нескольких минут она рассеянно шагала туда-сюда. Что в ней не так? К ее величайшему удивлению, она чуть не плакала. Где сейчас ее Ястреб? Неужели он

покинул ее только для того, чтобы отправиться в объятия Делиции? Две слезинки скатились по ее щекам, и она яростно смахнула их. Какое ей дело до того, что он делает?

– Зенобия!

В ее ушах зазвучал его голос, и она, пораженная, вскрикнула. Сильные руки обхватили ее, и, к своему ужасу, она разразилась слезами и неистово всхлипывала, прижавшись к его обнаженной груди. Он дал ей выплакаться, а когда ее рыдания наконец начали стихать, поднял ее на руки и понес в спальню. Сидя на краешке ее ложа, он укачивал ее, прижав к себе.

– Почему ты плачешь, мой маленький цветок? Ты тоскуешь по дому?

– Н-нет!

– В чем же тогда дело?

– Я думала, ты пошел к Делиции.

– Я уже несколько месяцев не стремлюсь к Делиции. Я хожу в ее апартаменты только для того, чтобы увидеться с нашими детьми. Но только не наябедничай на меня, Зенобия, иначе ты испортишь мою репутацию.

Он был близок к тому, чтобы рассмеяться, рассмеяться от радости. Она любит его! Любит достаточно сильно, чтобы расплакаться при одной мысли о том, что он с другой женщиной! Однако он не должен прижимать ее к себе слишком сильно, хотя ее тонкая ручка, ласкающая тыльную сторону его шеи, сводит его с ума!

– Откуда ты появился? – спросила она.

– Мои комнаты находятся рядом с твоими, мой цветок, – ответил он. – Этот портик служит и для моих прогулок, и мне тоже было трудно заснуть.

Вдруг она заметила, что его грудь обнажена и на нем ничего нет, кроме куска ткани, обернутого вокруг поясницы. Она заметила также, что и сама она практически обнажена в своей тонкой белой хлопковой сорочке. Это обстоятельство не ускользнуло от внимания князя, и он почувствовал, что символ его мужественности поднялся, отвечая на вызов ее прекрасного тела. Он сделал движение, чтобы отстранить девушку от себя, но ее руки только еще крепче сомкнулись вокруг его шеи.

– Зенобия! – В его голосе слышалась мольба.

– Люби меня хоть немножко! – тихо попросила она.

Он задрожал.

– Зенобия, мой цветок, имей же сострадание! Ведь я всего лишь мужчина!

– Люби меня хоть немножко, Ястреб! – повторила она, и ее тонкая сорочка распахнулась. Она скинула ее с плеч, и сорочка съехала на талию, обнажив ее округлые полные груди.

Это было великолепное зрелище, и Оденат на мгновение закрыл глаза, заклиная богов помочь ему. Он страстно желал обладать этой прелестной девушкой, которая так насмехалась над ним. Его рукам не терпелось приласкать ее, однако он пытался сдерживать себя перед этим невероятным соблазном. Она потянулась вниз, схватила его руку и подняла вверх, к одной из своих грудей.

– Зенобия! – простонал он. – Зенобия!

Но его рука уже отвечала на зов ее нежной и теплой плоти.

– Ах, Ястреб! – прошептала она ему на ухо. – Разве ты не хочешь меня? Хотя бы немножко?

– А ты хочешь меня? – с трудом выговорил он, задыхаясь.

Ее груди, упругие и полные, лежали в его руке, словно молодые гранаты.

– Мне больно, – сказала она. – Где-то внутри мне ужасно больно, и я ничего не понимаю.

– Это желание, которое ты чувствуешь, мой цветок!

Он позволил себе опустить глаза, и у него захватило дыхание, когда он увидел ее груди во всей их красе. Соски у нее были большие и круглые, цвета темного меда. Он испытывал страстное желание вкусить сладость ее плоти, но время еще не пришло. Он был совершенно

серьезен, когда говорил ей, что никогда не занимался любовью с женщиной, если она не любила его.

Она станет его женой, но он даст ей время привыкнуть к нему и научиться любить его. Он желал этой любви, потому что знал, что Зенобия никогда еще не отдавала свое сердце, не говоря уже о своем теле, ни одному мужчине. Она еще ребенок, при всей чувственности ее форм и легкости ума. Это женщина, которую он с нетерпением стремился узнать, женщина, которой он поможет созреть и сформироваться.

Он держал в своих объятиях девочку, ребенка. Теперь ему удалось взять под контроль свои желания, и он нежно ласкал ее, нашептывая слова утешения в ее маленькое ушко. Его нежность подействовала на нее успокаивающе, и она вскоре заснула у него на плече. Когда ее дыхание стало спокойным и ровным, он встал и, осторожно повернувшись, положил ее на постель и накрыл шелковым покрывалом. Долгое время он стоял, глядя на нее сверху вниз и упиваясь ее прелестью, а потом со вздохом сожаления задул светильник и вышел из комнаты.

Он стоял в портике, ухватившись за балюстраду. Его взгляд не замечал ничего вокруг. Он даже не отдавал себе отчета в том, что ночь в пустыне становилась прохладной. Как долго ему придется ждать? Он хочет, чтобы эта девушка была рядом с ним. Ему хотелось разделить с ней всю свою жизнь, как печали, так и радости. Он почему-то верил, что плечи Зенобии достаточно сильны, чтобы нести часть его ноши. Идти по узкой дорожке между римлянами и его восточными воинственными соседями, персами, – нелегкая задача, особенно если учитывать, что ему надо еще удовлетворять интересы своих сограждан. Нужно беспокоиться о безопасности караванов вплоть до самой Пальмиры.

Кроме того, в его жизни была еще одна женщина – его мать. Лицо князя исказила гримаса. Единственное благодеяние, которое оказала ему аль-Зена, заключалось в том, что она дала ему жизнь. Но даже это она сделала неохотно. Он слышал рассказы о своем рождении, о том, как она не желала стать матерью вплоть до самой последней минуты. Говорили, что если бы она способствовала его рождению, то роды были бы легкими. Но она поступила наоборот и причинила вред сама себе, лишив себя возможности иметь в будущем другого ребенка. Его отец никогда не простил ей этого. Его родители не любили друг друга. Их брак был чисто политическим союзом. Говорили, что его мать была влюблена в персидского принца. Говорили также, что в их первую брачную ночь его отец был вынужден взять ее силой. Именно в ту ночь он и был зачат.

Родители любили его, но отец не разрешал ему проводить много времени в обществе аль-Зены. Оденат так и не имел возможности получше узнать ее до самой смерти своего отца. Но к тому времени ему исполнилось уже восемнадцать лет, и он был взрослым человеком. Однако он знал о ее несчастье и видел, какое разрушение может причинить брак без любви. Он поклялся, что никогда не прикоснется к женщине, если она этого не желает.

Он даже попытался стать ей другом, но она начала вести себя по отношению к нему как собственница. Он избрал тактику лицемерия, на словах выражая ей почтение, но помалкивал в ее присутствии о своих делах. Однако он был умен и проявлял по отношению к матери такую очевидную заботу, что она поверила в свою силу. Она постоянно давала ему советы, пытаясь вмешиваться в управление Пальмирой – дело, к которому она была совершенно непригодна. Хуже всего, что ему не с кем было поговорить, не с кем разделить свою ношу.

Внезапно звук водяных часов, каплями отсчитывавших минуты, напомнил ему о том, что час уже поздний. Он повернулся и направился в свою спальню. Он лег и заставил себя заснуть.

Когда в пустыню пришел рассвет, вытянув на песке свои пальцы расплавленного огня и расцвечивая все вокруг абрикосовыми и золотистыми тонами, из города выехали два всадника – черные силуэты на фоне яркого утреннего неба. Оденат сам выбрал для Зенобии горячую арабскую кобылу белой масти, такой же, как и его собственный крупный жеребец. Кобылу лишь недавно объездили. Зенобия стала ее первой хозяйкой.

– Как ее зовут? – спросила девушка, когда они выезжали из Пальмиры.

– У нее еще нет имени, мой цветок. Это твоя задача – дать ей имя, ведь эта кобыла – мой первый подарок тебе.

– Так она моя?! – В ее голосе слышались недоверчивость и восторг.

– Да, она твоя! – повторил он и позволил своему взгляду устремиться на ее длинные обнаженные ноги, выглядывавшие из-под короткого хитона. Он собирался принять какие-нибудь меры в связи с этим, так как не хотел, чтобы другие мужчины могли с нежностью смотреть на эти прелестные ножки.

– Я назову ее «аль-Уля»! – счастливым голосом произнесла Зенобия.

Он улыбнулся, кивком выразив свое одобрение. Слово «аль-уля» на арабском языке означало «первая».

– Это хорошее имя, и ты очень умно поступила, назвав ее так, мой цветок.

– А как зовут твоего жеребца?

– Ашур, воинственный, – ответил он.

– А что, он действительно воинственный?

– Из-за него я не могу держать других жеребцов у себя на конюшне. Он уже убил двоих. Теперь я держу только меринов и кобыл.

– Я буду состязаться с тобой! – бросила ему вызов Зенобия.

– Только не сегодня, мой цветок! Аль-Улю только что объездили, и ей нужно время, чтобы привыкнуть к тебе. Кроме того, мне нужно возвращаться, ведь у меня сегодня напряженный день.

– А можно мне поехать с тобой? Это гораздо интереснее, чем болтать с женщинами. Я не привыкла сидеть и ничего не делать, только красить ногти да мокнуть в лохани с надушенной водой.

Он сочувственно усмехнулся:

– Когда станешь моей женой, сможешь повсюду ездить со мной, Зенобия.

– О, черт!

Она поняла, что ей придется остаться в женских апартаментах, где она окажется между аль-Зеной и Делицией.

Он прочитал ее мысли и стал посмеиваться над ее разочарованием:

– О, мой бедный цветок, оказавшийся между осой и бабочкой!

– Откуда ты знаешь, о чем я подумала? – спросила она.

– Выражение твоего лица яснее любых слов, которые ты могла бы произнести! – ответил он. – Если ты станешь моей женой, Зенобия, я не стану загонять тебя в гарем, обещаю! Ты будешь свободна и сможешь уходить и приходить, когда тебе захочется. Я сделаю для тебя то, что еще ни один князь Пальмиры не делал для своей княгини – я сделаю тебя равной мне.

– Я не хочу жить в женских апартаментах! – вдруг сказала она. – Если я стану твоей женой, я хочу, чтобы во дворце у меня был собственный дом. Я сама буду выбирать себе слуг и покупать рабов. Я не хочу, чтобы у меня в доме были шпионы.

Она остановила свою кобылу. Солнце уже взошло, небо было ярко-голубым и безоблачным, насколько достигал взгляд. Последовав ее примеру, он тоже остановил своего жеребца и повернулся лицом к ней.

– Я не обучена играть в эти игры, Ястреб! – спокойно произнесла она. – Давай будем откровенны друг с другом. Ты хочешь жениться на мне, и мой отец согласился на это. Но как скоро это произойдет, зависит от меня. Вы оба, и ты, и мой отец, знаете, что мне необходимо согласиться на этот брак. Мой отец считает, что ты – подходящий для меня человек. Из-за той великой любви, которую он испытывал к моей матери, он желает, чтобы я была счастлива. Я – счастливица! Немногие люди смогли бы понять мои чувства. Я – счастливица еще и потому, что для меня выбрали такого мужа. Ведь ты тоже понимаешь, что меня нельзя заковать в кандалы.

Я должна остаться свободной! Ты был добр ко мне. Думаю, я уже начинаю любить тебя. То, о чем я тебя попрошу, нетрудно сделать.

– Понимаю тебя. Ты получишь все, что в моей власти! – ответил он.

– Ах, Ястреб, ты даешь слишком опрометчивые обещания! – поддразнила его она. – Никогда не следует соглашаться, пока не узнаешь все условия!

– Значит, ты хочешь учить меня, мой цветок?

– А разве ты не можешь поучиться у женщины? – резко парировала она.

– Ты хоть немножко любишь меня? – спросил он.

– А ты любишь меня, Ястреб?

– Думаю, я влюбился в тебя в тот самый день, когда убили твою мать. Ты была тогда так смущена, обижена и испугана! Мне захотелось протянуть руки и обнять тебя. Но ведь я был князем Пальмиры, а ты – дочерью моего двоюродного брата. Поэтому мне не удалось утешить тебя, хотя я хотел этого, Зенобия.

Эта исповедь удивила ее, а кроме того, была ей приятна. Однако нельзя допускать, чтобы он совершенно уверился в ней. И Тамар, и Баб, обе говорили, что женщина никогда не должна позволять мужчине становиться слишком самонадеянным.

– Надеюсь, ты не хочешь сказать, что провел все эти годы после смерти моей матери, тоскуя обо мне? Ведь я все равно не поверю этому, Ястреб!

– Я совершенно забыл о тебе, мой цветок! – прямо ответил он.

Ее гневный вздох, последовавший за этим утверждением, был ему приятен. Эта маленькая кокетка сделалась вдруг чересчур самоуверенной! Разве его отец не предупреждал его о том, что он никогда не должен позволять женщине становиться слишком самоуверенной?

– Но как же тогда ты можешь говорить, что любишь меня?

– В тот день я полюбил ребенка. Но когда я увидел прелестную девушку, в которую превратился этот ребенок, я снова влюбился. Я никогда не буду лгать тебе, Зенобия! Я люблю тебя! Он взял ее за руку. – О, мой цветок, я и в самом деле люблю тебя! Сжалься же над несчастным князем, который готов положить к твоим ногам свое сердце и свое царство! Когда мы поженимся?

– Скоро! – взмолилась она.

– Я не могу долго ждать, Зенобия. Я одинокий человек и страстно желаю, чтобы ты была рядом со мной, чтобы я мог любить тебя, говорить с тобой, делиться с тобой всем!

Эти его слова были как нельзя лучше рассчитаны на то, чтобы завоевать ее, и ничего лучшего он не мог сказать.

– Я выйду за тебя замуж, как только позволят жрецы, – ответила она.

Он приподнял брови, удивившись ее внезапному решению, и она улыбнулась.

– Я ведь нужна тебе, мой Ястреб? Разве ты сам только что не сказал мне это? Наш брак на самом деле стал фактом с тех пор, как вы с моим отцом пришли к такому соглашению.

Под сомнением оставалась лишь дата свадьбы. Логика подсказывает мне, что если мысль о том, что прошлой ночью ты был с Делицией, огорчила меня, значит, я, должно быть, немножко люблю тебя, хотя все еще не могу признаться в этом даже самой себе.

– Ох, Зенобия, хотел бы я знать, какой же будет та женщина, в которую ты скоро превратишься! – сказал он.

– А почему тебе это так интересно? Ведь ты будешь со мной и все увидишь! – засмеялась она в ответ.

Он тоже рассмеялся:

– Значит, я увижу это, мой цветок! Я увижу! – Потом, повернув лошадь обратно к городу, он сказал: – Пришло время возвращаться, Зенобия. Я не буду состязаться с тобой, но давай поедем галопом, чтобы аль-Уля могла показать тебе свой аллюр.

Прежде чем его слова затихли на ветру, Зенобия развернула кобылу и умчалась. Изумленный – она всегда изумляла его! – он пришпорил Ашура и поскакал следом за ней. Вместе они с шумом помчались по едва заметной дороге, которая вела через пустыню в Пальмиру. Копыта лошадей взметали клубы желтой пыли. Он видел, как она низко пригнулась к спине своей лошади. Пряди ее волос развевались. Какое это великолепное создание, эта девочка-женщина, которая совсем скоро должна стать его женой!

Когда они въехали через главные ворота дворца в обширный внутренний двор, охранники, стоявшие возле ворот, с трудом подавили возгласы восхищения. Легко соскочив с лошади, Зенобия торжествующе вскрикнула:

– Я опередила тебя!

– Но ведь мы не соревновались! – возразил он.

– Разве нет?

Ее взгляд дразнил. Потом она повернулась, снова засмеялась тихим, вызывающим смехом и вбежала в дом.

Он почувствовал, что его чресла охватывает возбуждение, и усмехнулся. Поскорее бы пришел день их свадьбы. Несмотря на то что ему предстоял напряженный день, он намеревался увидеться до захода солнца с Забааем бен Селимом и уладить с ним все детали, касающиеся его помолвки с Зенобией. Публичное оглашение следовало сделать на следующий день, и тогда эта маленькая кокетка примет на себя обязательство. Он целеустремленно, широкими шагами пересек внутренней двор и направился в свою часть дворца. «Скоро, уже совсем скоро, мой цветок, – думал он, – и тогда ни один из нас больше не почувствует себя одиноким, потому что мы будем принадлежать друг другу навсегда. Навсегда!»

Ему нравилось, как звучит это слово.

Глава 3

Пальмира, царица среди городов Восточной империи, лежала почти на полпути между столь же древним городом Багдадом и синим Средиземным морем. Говорили, что Пальмиру основал Соломон, и ее жители чрезвычайно гордились этим. Построенная на территории огромного оазиса, там, где пересекалось большинство караванных путей, пролегавших между Востоком и Западом, Пальмира была городом, через который проходили все богатства мира по пути на запад, в Европу, или на восток, в Персию, Китай и Индию. Греки и римляне, сирийцы и евреи, арабские торговцы из всех племен собирались здесь, строили огромные амбары и склады, чтобы надежно хранить в них шелка, ковры, специи, слоновую кость, драгоценные камни, зерно и финики. Они строили роскошные виллы, в которых селили свои семьи, а также наложниц, потому что в Пальмиру прибывали рабы со всего света.

Городские архитекторы питали особое пристрастие к колоннам, и все самые большие здания в Пальмире украшались ими. Вокруг центрального внутреннего двора одного из храмов возвышалось триста семьдесят грациозных колонн. На постаментах стояли статуи самых известных жителей Пальмиры. Главный проспект города с обеих сторон был окаймлен двумя рядами колонн по семьсот пятьдесят колонн с каждой стороны, а храм Юпитера имел колоннаду длиной в милю, состоявшую из тысячи пятисот коринфских колонн.

Этот город был построен мудрым царем, и теперь, спустя тысячу лет, он все еще находился в центре мировой торговли. Главные деловые и торговые улицы были затенены, так что даже в летнюю полуденную жару люди могли заниматься своими делами в относительном комфорте. Хотя Пальмира нечасто подвергалась нападению – ее защищала пустыня, – вокруг города была возведена стена длиной в семь миль, чтобы сбить самоуверенность с налетчиков из пустыни.

Таково было царство, в котором Зенобии бат Забаай вскоре предстояло царствовать как супруге князя. Забаай бен Селим внезапно и впервые осознал, какую серьезную ответственность он возлагает на плечи своей единственной дочери. Он удобно расположился в личной библиотеке Одената, держа в руке резной алебастровый бокал с тонким киренским вином. Позади него стоял глухонемой чернокожий раб, усердно работая сплетенным из пальмовых листьев веером и создавая легкий ветерок, чтобы облегчить неподвижный послеполуденный зной.

Когда в тот день Забаай бен Селим въехал в город, он посмотрел на него так, словно видел в первый раз в жизни. «Когда человек привыкает к чему-нибудь, он смотрит на это притупившимся взглядом», – думал Забаай. Он родился здесь, в этом оазисе, и этот город всегда был частью его жизни. Сегодня он впервые посмотрел на город по-настоящему внимательно, и то, что он увидел, заставило его задуматься. Не великолепная архитектура города, а его дивные парки, которые оставались зелеными благодаря подземным источникам оазиса, – вот что ошеломило Забаая. Человеческий интеллект, который стоял за созданием этого города, показался ему всеподавляющим.

Он знал, что Зенобия не удовольствуется только ролью украшения и племенной матки. «Интересно, – думал он, – какую роль ей предстоит играть в управлении этим городом?» Княгини Пальмиры славились своей красотой, но отнюдь не деловыми способностями. Забаай утомленно покачал головой. Неужели его честолюбивые устремления в отношении его любимого ребенка взяли верх над здравым смыслом?

– Забаай, мой кузен! – В комнату поспешно вошел Оденат. Его белые одежды развевались. – Прости, что заставил тебя ждать!

– Мне было очень удобно в этом приятном окружении, мой господин князь!

– Я попросил тебя приехать, чтобы мы могли обсудить условия брака, прежде чем я вызову писцов. Что ты дашь в качестве приданого?

– Я дам тысячу породистых коз, пятьсот белых и пятьсот черных, а кроме того – пятьдесят боевых верблюдов и сотню арабских коней. Я уже не упоминаю драгоценности, одежду, предметы домашнего обихода и документы на дом ее матери.

Приданое Зенобии поразило князя. Он даже не подозревал, что оно будет так велико. В то же время ее отец мог с легкостью позволить себе это, так как владел огромными стадами.

Договор о приданом написал писец князя. Его перо зафиксировало все пункты соглашения. Передача имущества от отца невесты к жениху должна была сделать Одената законным господином Зенобии в соответствии с законами племени бедави. Но у князя была примесь эллинской крови, как и у матери Зенобии и у самой невесты тоже. Они должны пожениться в атрии дома Забаая, а точная дата свадьбы зависит от предсказаний, которые жрецы храма должны сделать в этот вечер.

Послали за аль-Зеной, и она вместе с греком, секретарем князя, засвидетельствовала подписание договора о помолвке и те формальные слова, с которыми Оденат обратился к своему будущему тестю:

– Обещаешь ли ты отдать мне в жены свою дочь?

– Да, обещаю, – ответил Забаай.

– Да даруют нам боги свое благословение! – закончил Оденат.

– Итак, ты действительно собираешься сделать это? – в раздражении произнесла аль-Зена.

– А вы не одобряете этот брак, моя княгиня?

– Не обижайтесь, Забаай бен Селим. Ваша дочь – милое дитя, но не вижу необходимости в женитьбе моего сына. Ведь у него уже есть дети.

– Пальмирой еще никогда не правили внебрачные дети! Вы, несомненно, должны знать этот закон! – последовал резкий ответ.

Оденат спрятал улыбку, а его мать в крайнем смущении холодно ответила:

– Вы всегда излишне прямолинейны, Забаай бен Селим! Мне остается только надеяться, что ваша дочь не похожа на вас!

– Зенобия – это Зенобия! Она сделает честь этому городу.

– В самом деле? – огрызнулась аль-Зена.

Она повернулась и стремительно вышла из библиотеки.

Забаай бен Селим мягко улыбнулся князю и сказал:

– Ты, вероятно, пожелаешь увидеться с Зенобией, прежде чем мы с ней уедем!

Это было сказано как утверждение.

– Уедете?! – Князь озадачился.

– Теперь ваша помолвка состоялась официально, мой господин, и Зенобии придется вернуться домой. При данных обстоятельствах она больше не может оставаться здесь, во дворце. Она вернется сюда только в день свадьбы, а до этого вы не должны видеться.

– Но я полагал, что мы сможем провести это время вместе, чтобы лучше узнать друг друга, – разочарованно сказал Оденат.

– Увы, обычаи требуют проявлять сдержанность, – последовал ответ.

– Чьи обычаи? – спросил князь.

– Древние обычаи племени бедави, мой господин! – вкрадчиво ответил Забаай. – После свадьбы у вас с моей дочерью будет предостаточно времени, чтобы лучше узнать друг друга!

– Я прикажу жрецам из храма Юпитера принести сегодня вечером в жертву ягненка, чтобы определить дату свадьбы. Но сначала я пойду к Зенобии и попрощаюсь с ней, – сказал князь.

– Я подожду твоего возвращения, мой господин.

Забаай снова уселся в кресло и протянул свой бокал рабу, а тот наполнил его. Беспокойными темными глазами он наблюдал, как молодой человек поспешно выходил из комнаты. Как он нетерпелив! Недолгая разлука подхлестнет его стремление к этой свадьбе! Аль-Зена может сколько угодно придираться и выражать свое недовольство, но Забаай был готов держать пари с самим собой, что немногочисленные нежные воспоминания о Зенобии будут побуждать Одената с нетерпением ожидать дня их свадьбы.

Оденат не пошел прямиком в апартаменты, где разместилась Зенобия. Сначала он остановился возле своей сокровищницы. Пройдя в подвальную комнату, где хранились его драгоценности, он тщательно выбрал кольцо, которое хотел подарить своей будущей жене по случаю их помолвки. Сделать выбор было нетрудно. Он увидел это кольцо впервые несколько месяцев назад. Казначей Одената обнаружил его в кожаном мешочке, спрятанном на полке. Казначея чрезвычайно взволновала эта находка, он сказал, что это то самое кольцо, которое послала царю Соломону царица Савская в знак своей любви. Оно было внесено в каталог древних сокровищ.

Сделав выбор, князь поспешил разыскать Зенобию. Однако в прихожей его встретила Баб. Старуха оглядела его с головы до ног и одобрительно кивнула:

– Она только что вышла из ванной, ваше высочество. Если соблаговолите подождать всего лишь минутку, моя госпожа примет вас.

– Благодарю тебя, Баб! – вежливо ответил Оденат.

Он испытывал симпатию к этой маленькой кругленькой женщине в простой одежде, с седеющими волосами, спрятанными под покрывалом. Ее лицо иссушило жаркое солнце пустыни, избороздили глубокие морщины, а вокруг глаз и по обе стороны губ лучиками расходились маленькие морщинки.

– Вы будете добры к моей девочке! – сказала старуха со спокойной уверенностью любимой служанки.

– Я уже люблю ее, Баб, и хочу, чтобы она была счастлива.

– Будьте решительным, мой господин! Решительным и в то же время мягким!

– Разве можно быть решительным с Зенобией? – с иронией спросил он.

Она усмехнулась, оценив его шутку. Прежде чем она успела ответить, в комнату вошла Зенобия. Взгляд Одената немедленно обратился на девушку, и он забыл обо всем на свете. Улыбнувшись, Баб выскользнула из комнаты и оставила влюбленных наедине.

Оденат не мог оторвать взгляд от Зенобии, покрасневшей от смущения и порозовевшей от принятой ванны. Слабый гиацинтовый аромат исходил от ее распущенных волос. На ней была простая белая туника. С минуту он стоял, не в силах сдвинуться с места. Потом услышал ее голос:

– Мой господин?

Чары разрушились. Он протянул к ней руки и почти грубо заключил в объятия. Одной рукой он крепко прижимал ее к своему телу, а другой притянул к себе ее голову, запутавшись в ее мягких волосах. Наклонившись, он легко коснулся губами ее губ и был рад, когда почувствовал, что по ее телу пробежала слабая дрожь.

– Ох, Зенобия! – прошептал он, целуя уголки ее губ, ее закрытые трепещущие веки.

Потом его губы встретились с ее губами. Его поцелуи становились все крепче. Ее руки скользнули вверх и обвились вокруг его шеи. Ее гибкое юное тело в страстном томлении прижалось к его телу. Очарованный зарождавшейся в ней страстью, он водил языком по ее губкам, и они инстинктивно раскрылись. Он начал с нежностью исследовать ароматную полость ее рта. Его рука, которая прежде поддерживала ее голову, теперь начала ласкать ее груди.

Страстное желание, которое столь таинственным образом зародилось в ней прошедшей ночью, вновь появилось и стало волновать ее. Взявшись неизвестно откуда, оно охватило ее и оставило задыхающейся и смущенной. Он настойчиво гладил большим пальцем кончики

ее сосков, уже ставших тугими. Ей хотелось кричать от того странного наслаждения, которое давало ей это ощущение. Как это чудесно, это дивное чувство, которое называли любовью!

Прошло время, которое показалось ей вечностью. Он отпустил ее, и некоторое время она неуверенно покачивалась. Но в конце концов в голове у нее прояснилось, и постепенно она снова обрела устойчивость. Она услышала его голос, который доносился до нее, казалось, с большого расстояния, но слова были сказаны четко:

– Мы с твоим отцом подписали официальное соглашение о помолвке, мой цветок. Но Забаай сказал, что ты должна покинуть дворец до завтрашнего дня, когда будет сделано публичное оглашение. Мы не сможем видеться до самого дня нашей свадьбы.

– Но почему же? – взорвалась она, разочарованная.

– Забаай говорит, таков обычай.

На мгновение ее губки плотно сжались, а потом она произнесла:

– Я должна поступить так, как требует мой отец.

Ее покорность понравилась ему.

– Я принес тебе традиционный подарок, – сказал он.

Он поднял вверх ее левую руку и надел ей на средний палец кольцо. Говорили, что нерв от среднего пальца ведет прямо к сердцу.

Зенобия пристально посмотрела на большую круглую черную жемчужину в простой золотой оправе.

– Это… невероятно! – тихо произнесла она. – У меня еще никогда не было такого кольца!

– Мой казначей говорит, что оно упомянуто в перечне подарков, посланных царицей Савской царю Соломону, когда он правил здесь, в Пальмире, и наблюдал за строительством города. Я знал, оно прекрасно пойдет тебе, мой цветок! Оно так и пылает на фоне теплого абрикосового оттенка твоей кожи!

Ему пришлось выпустить ее руку. Он повернул ее и нежно поцеловал ее ладонь, отчего вниз по позвоночнику Зенобии прошла волна сладкой истомы.

Внезапно испугавшись, она выдернула свою руку. Он быстро поцеловал ее.

– Ох, моя Зенобия! – произнес он, и его теплое дыхание коснулось ее уха. – Такая уверенная в себе во всем, за исключением любви! Я научу тебя понимать те чувства, которые обуревают тебя и даже немного пугают. Я научу тебя любить и быть любимой. В отношениях между нами не останется места страху, колебаниям, мой цветок! Мы будем доверять друг другу! – Его губы снова легко коснулись ее губ. – Я люблю тебя, Зенобия. Я люблю тебя!

За всю свою жизнь она еще никогда не была так близка к обмороку. Вцепившись в него, словно ребенок, она прошептала, задыхаясь:

– Я тоже люблю тебя, мой Ястреб! Я люблю тебя!

Она произнесла эти слова, и это, казалось, принесло ей какое-то странное облегчение. Ни один из них не услышал, как дверь в переднюю приоткрылась.

– Готова ли ты к отъезду, дочь моя?

У двери стоял Забаай бен Селим, великодушно улыбаясь.

С виноватым видом они отскочили друг от друга. Залившись краской, Зенобия сказала:

– Я должна переодеться, отец.

– Нет! – возразил Оденат. – Я верну тебя в твой дом на носилках. Я не хочу, чтобы ты ехала, выставляя на всеобщее обозрение голые ноги.

К удивлению Забаая бен Селима, Зенобия наклонила голову в знак согласия и подошла к нему.

– Тогда я готова, отец.

Военачальнику бедави осталось только сказать:

– Баб приедет позже вместе с твоими вещами, дочь моя.

Но Зенобия уже прошла мимо него и вышла за дверь.

– Сегодня поздно вечером я пошлю тебе известие относительно даты свадьбы, мой кузен, – сказал князь.

Военачальник бедави кивком выразил свое согласие и вышел из комнаты следом за своей дочерью.

Перед самым закатом в храме Юпитера высший жрец зарезал чистокровного белого ягненка. Пристально осмотрев дымящиеся внутренности, он объявил, что наиболее благоприятное время для свадьбы наступит через десять дней. Получив это известие от княжеского посланника, Забаай бен Селим улыбнулся про себя. Он подумал о том, какие обильные дары, должно быть, преподнес храму Оденат, чтобы получить столь желанное заключение по поводу даты своей женитьбы.

На следующий день о предстоящем торжестве объявили публично, и граждане Пальмиры восприняли это известие с восторгом.

Однако во дворце римского губернатора Антоний Порций Бланд, который все еще был представителем империи, принял эту новость не столь радостно.

– О, черт! – сказал он своему посетителю раздраженным голосом. – Я надеялся, что он так и будет довольствоваться своей маленькой наложницей-гречанкой. Если бы он умер, не имея законного наследника, Рим мог бы полностью и беспрепятственно завладеть этим городом.

– Но ведь мы и так владеем им! – возразил губернатору его посетитель.

– До тех пор пока у Пальмиры есть законный правитель, всегда будет существовать возможность восстания, – возразил Антоний Порций.

– Я пришел к выводу, что Оденат абсолютно лоялен по отношению к Риму, – последовал ответ.

– Ах, он-то лоялен! Его невеста – вот кого я боюсь! Что за мегеру он выбрал, Марк Александр! Это Зенобия бат Забаай, наполовину александрийская гречанка и египтянка, а наполовину – дикарка-бедави. Один галльский наемник четыре года назад убил ее мать, и с тех пор она страстно возненавидела римлян.

– Ничего удивительного! – пробормотал его собеседник.

– Ты не знаешь эту девицу! – возразил губернатор. – Она сидела рядом с негодяями, виновными в этом преступлении, и больше восемнадцати часов наблюдала, как они умирали. Она ведь была еще совсем ребенком и при этом сидела, неподвижная и холодная, словно статуя. У нее не было ни капли жалости! Влюбленный мужчина – непостоянное создание, а Оденат, как мне говорили, влюбился в нее по уши. Она может настроить его против нас.

– Думаю, ты придаешь слишком большое значение свадьбе мелкого князька и девчонки-полукровки, Антоний Порций. Ни одна девчонка не в состоянии победить и разрушить империю. Уже были мужчины, которые пытались это сделать, но еще никому из них это не удалось. Рим непобедим и навсегда останется таким!

Губернатор вздохнул. Почему римляне так глупы? Антоний Порций с горечью подумал: «Уж я-то знаю Восток и его людей! Хотя любовь и смягчила душу этой девочки с решительным взглядом, которая запечатлелась в моей памяти, она всегда будет настороже».

После этого Антоний Порций переключил свое внимание на гостя, который приехал к обеду. Это был Марк Александр Бритайн, богатый сын римского патриция и его жены-британки. Луций Александр Бритайн был римским губернатором в Британии и женился на дочери одного влиятельного местного вождя. Марк Александр был их старшим сыном. Младший сын, Аул, уже унаследовал имущество и положение своего деда по материнской линии в Британии. У Марка были также две сестры, Луция и Эвзебия, замужние матроны.

Марк Александр оставался холостяком. Он уже служил в армии, а теперь приехал в Пальмиру, чтобы основать торговое дело и доставлять товары с Востока в Британию, где его младший брат будет заниматься их сбытом. Странное занятие для сына выдающегося римлянина! Патрициев обычно не влекла торговля. Однако в прежние времена римляне отличались боль-

шим трудолюбием. Губернатор не удержался и подумал о том, не будет ли Марк Александр, в дополнение к своему делу, служить правительству Рима в качестве неофициальных ушей и глаз.

Они заговорили о том, можно ли позволить князю Оденату править Пальмирой самому от имени Рима, когда Антоний Порций через несколько лет уйдет в отставку. Хотя князь до сих пор формально правил городом, на самом деле, за исключением некоторых незначительных судебных дел, все делалось под руководством губернатора. «Молодой правитель Пальмиры проявил себя исключительно дружественным и заслуживающим доверия человеком, так почему бы и нет», – думал Антоний Порций. Римские легионы удерживали персов в районе залива. Однако Рим не был склонен позволять Оденату царствовать без имперского надзора. Наверняка они пришлют кого-нибудь, чтобы следить за ним, и губернатор подозревал, что этим человеком как раз и был Марк Александр. К тому времени когда Оденату формально отдадут власть, Марк Александр станет неотъемлемой частью жизни Пальмиры, и никто ни в чем не будет подозревать его. Еще никогда на протяжении всей истории Рима – был ли он республикой или империей – члены рода Александров не были замешаны в делах, дающих повод подозревать их в нелояльности. Прежде всего и при любых обстоятельствах они оставались римлянами.

Марк – привлекательный мужчина, он унаследовал от своей матери-британки рост, цвет глаз и волос. Он высок по любым меркам, волосы блестящие, теплого каштанового цвета, а глаза – поразительно ярко-голубые, окаймленные чрезвычайно густыми ресницами. У него крепкое тело с хорошо развитой мускулатурой, под стать его огромному росту. Очевидно, он не относился к тем мужчинам, которые любят лениво восседать за пиршественным столом и чье единственное физическое упражнение заключается в поднятии бокала с вином. Антоний Порций не мог не обратить внимания на кисти рук Марка Александра: большие, квадратной формы, однако пальцы тонкие и суживались к кончикам. Эти руки свидетельствовали о его мощи и в то же время о мягкости.

Губернатор ни минуты не сомневался в том, что женщины Пальмиры толпой повалят в постель Марка Александра. Его мощное тело венчала голова с красивым и классически изящным лицом, овальной формы с квадратным подбородком, высоким лбом и чисто римским орлиным носом. Пронизывающие голубые глаза широко расставлены. Рот большой, чувственный, однако губы тонкие, а их выражение – чуть насмешливое.

И вот эти губы произнесли:

– Что ты так пристально рассматриваешь меня, Антоний Порций? Что-нибудь не так?

– Что? Нет, нет, Марк Александр! Все в порядке! Я просто думал, как черты твоего лица напоминают мне твоего отца. Я некоторое время служил вместе с ним в Британии. Ну и ужасный же там климат, в Британии! Я там все время мерз.

– Держу пари, что здесь, в Пальмире, тебе никогда не удается почувствовать прохладу! – последовал насмешливый ответ.

Губернатор холодно усмехнулся:

– Мои старые кости предпочитают жару Востока сырости Британии и Галлии.

Марк Александр налил в свой бокал фалернского вина.

– Ты действительно считаешь, что этот брак представляет опасность для Рима? – Он сделал паузу, а затем быстро произнес: – Может быть, следует уничтожить эту девушку, прежде чем состоится свадьба?

Антоний Порций почувствовал, как по его телу пробежала ледяная дрожь. Он сказал, тщательно выбирая слова:

– Зенобия бат Забаай не любит Рим и римлян, это правда. Но я сомневаюсь в твоей правоте. Она всего лишь девочка-подросток. Какой реальный вред может она причинить империи? Ей предстоит услаждать мужа в постели и растить детей. Потом она будет женить детей

и заниматься внуками. Так и пройдет ее жизнь. Вряд ли ей удастся найти время, чтобы отомстить Риму за смерть своей матери. Я старею, Марк Александр, и иногда мне являются тени прошлого. И хотя я губернатор, я, разумеется, не желаю, чтобы смерть этой девушки легла на мою совесть.

– Уж лучше быть чрезмерно осторожным, чем недостаточно осмотрительным. Ты собираешься пойти на их свадьбу?

– О да! Пальмирцы уже давно эллинизированы. В атрии дома Забаая бен Селима состоится традиционная церемония, а после застолья свадебная процессия двинется через весь город к новому дому невесты во дворце князя. Церемония ничем не отличается от римской!

– Возможно, я буду стоять вместе с толпой возле дома невесты, чтобы увидеть ее, когда она будет выезжать, – сказал Марк Александр.

– Она очень красива! – воскликнул губернатор.

– Вероятно, по восточным меркам. Лично я предпочитаю блондинок, – сказал Марк Александр.

– Оденат тоже предпочитал блондинок, пока не увидел Зенобию! – ответил Антоний Порций.

– В самом деле? – Гость губернатора задумался. – Я определенно желаю увидеть невесту! Правда, девушки в день своей свадьбы распространяют вокруг себя какое-то сияние, которое делает красивыми даже самых непривлекательных.

– Тогда посмотри на нее прежде, чем наступит день свадьбы! – с озорством предложил губернатор. – Она вернулась в дом своего отца, и у нее есть привычка каждое утро на рассвете выезжать на прогулку в пустыню. Если ты тоже отправишься туда достаточно рано, то, возможно, увидишь ее.

Марк Александр отличался любопытством и поэтому на следующее утро поднялся до рассвета и отправился в пустыню. Он остановился за дюной и стал ждать, наблюдая, как солнце окрашивает небо и отражается от огромного песчаного моря. Наконец его терпение было вознаграждено. Он насторожился, уловив стук копыт. В поле его зрения показалась великолепная белая арабская лошадь, во весь опор скакавшая галопом по дороге. На спине лошади, низко склонившись и почти слившись с ней в единое целое, сидела всадница. Вскоре она остановила вспотевшее животное и выпрямилась.

У Марка Александра перехватило дыхание. Это была молодая девушка, но что за красавица! Длинные обнаженные ноги, полные груди, прекрасное лицо, он не видел ничего прекраснее в мире. Он и представить себе не мог, что женщина может быть столь прелестной. Он направил свою лошадь вперед. Когда он показался из-за дюны, девушка медленно повернулась к нему и стала пристально и надменно разглядывать его.

– Доброе утро! – произнес он.

Зенобия медленно кивнула этому гиганту, который так неожиданно появился перед ней.

– Меня зовут Марк Александр Бритайн. Я недавно приехал в Пальмиру.

– А я – Зенобия бат Забаай.

– Вы всегда ездите верхом в одиночестве, Зенобия бат Забаай?

– А вы – нет, Марк Александр? – смущенно спросила девушка.

– Но ведь я – мужчина.

– Это я заметила. Что ж, прощайте, Марк Александр! – И она послала свою лошадь вперед.

– Подождите!

Он схватил белую кобылицу под уздцы, но Зенобия оказалась проворнее его и рывком отвернула голову лошади, заставив животное встать на дыбы.

Успокоив животное, Зенобия обратила все свое внимание на человека, которого видела перед собой. Ее серые глаза почти почернели от ярости, а голос звенел от гнева, хотя она и старалась сдержать его.

– Никогда больше не прикасайтесь к животному, на котором я еду, Марк Александр! Никогда! Вы приветствовали меня, и правила вежливости требуют, чтобы я сделала то же самое в ответ. Но я не люблю римлян. Четыре года назад голубоглазые римляне убили мою мать, после того как вломились в наш дом и использовали ее для своего удовольствия. Я езжу одна, потому что мне так нравится! А теперь уйдите с моей дороги! Я хочу ехать дальше!

– Прошу прощения, Зенобия бат Забаай! Мне очень жаль, что моя внешность вызывает у вас мучительные воспоминания. Я не хотел обидеть вас. Но я новичок в Пальмире. Должен признаться, я очень люблю верховую езду, но боюсь заблудиться в вашей пустыне. Я просто хотел покататься вместе с вами.

Она почувствовала себя виноватой, однако не собиралась сдавать свои позиции и дать римлянину понять, что она чувствует укол совести.

– Не надо ездить по пустыне без сопровождения, Марк Александр! Здесь повсюду бродят грабители-персы либо изменники-бедави, которые ищут глупого путешественника, чтобы ограбить и убить его. Они не отличают римлян от всех остальных. Им безразлично, чье горло перерезать и чей кошелек украсть.

Она сидела на лошади, холодно и горделиво глядя на него, а между тем в голове у нее пронеслась мысль о том, что он весьма привлекательный мужчина, возможно, даже самый красивый из всех, кого ей приходилось видеть. На мгновение она почувствовала раскаяние. Нет, самый красивый мужчина на свете – ее Ястреб!

Марк Александр испытывал невероятно сильное желание снять Зенобию с лошади и целовать этот презрительный ротик до тех пор, пока он не смягчится. Однако он не стал делать этого. Он не мог подвергать опасности свое положение в Пальмире, а заниматься любовью с нареченной князя, несомненно, означало бы крах карьеры. Поэтому он только кивнул и сказал:

– Возможно, вы правы, Зенобия бат Забаай. Мне лучше вернуться в город. – Он не смог удержаться и прибавил: – Судя по всему, вы – одна из тех женщин, которые завлекают ничего не подозревающих путников и ведут их к гибели.

Отъезжая прочь, он испытал большое удовлетворение, видя ее гнев.

«Прекрасная девушка, – подумал он, – прекрасная и слишком резкая». Но кто может обвинить ее в этом? Антоний Порций сказал, что мать Зенобии убили римские легионеры, но не упомянул об изнасиловании. Несчастная девушка! Нет, это определенно неподходящий момент, чтобы объяснять ей разницу между галлами-изменниками и полуримлянами-полубританцами, как он.

Марк Александр проехал некоторое расстояние, обернулся и бросил взгляд назад. Девушка хлестнула лошадь, заставила ее скакать галопом и помчалась по пустыне с невероятной скоростью. Марк Александр усмехнулся про себя. Ему нравились по-настоящему смелые женщины.

В течение следующих нескольких дней он много работал над руководством для своего бывшего раба, который должен стать его правой рукой. Севера приставили учить его, когда он был еще ребенком. Когда отец Марка Бритайна предложил этому человеку свободу, тот попросил оставить его на службе у семьи Александров. В такой просьбе они не могли ему отказать, и с того дня Север начал учиться у Луция Александра основам коммерции. Он прибыл в Пальмиру на два месяца раньше Марка Александра, чтобы приобрести для него виллу и склад.

Теперь Марку Александру предстояло взять бразды правления в свои руки. Он старался сосредоточиться, но его мысли постоянно прерывались возникавшим перед ним видением: длинноногая девушка, такая же норовистая, как белая кобыла, на которой она сидела. Он понял, что желает ее, и для него это было чем-то вроде шока. Ведь он знал, что она не может

принадлежать ему. Марк Александр, сын Луция, богатый, красивый, которому с самого рождения никогда и ни в чем – в пределах разумного – не отказывали, серьезно влюбился впервые за свои двадцать пять лет.

По мере того как приближался день свадьбы, возбуждение в доме Забаая бен Селима все усиливалось, пока не превратилось в настоящую лихорадку. Хотя ни одна из жен Забаая, за исключением Тамар, никогда не обращала на Зенобию ни малейшего внимания, теперь все они хотели помочь ей и занять место матери невесты. Женщины давали девушке бесконечные советы, каждая хотела сама выбрать для нее одежду и горько негодовала по поводу вмешательства остальных. Зенобия стала чем-то вроде отборного куска мяса, из-за которого торгуются женщины на рынке. В конце концов она попросила отца утихомирить своих жен и оставить с ней только Тамар. Тамар всегда была рядом с ней, поэтому она займет место матери невесты – она, и никто другой. После этого Зенобию наконец оставили в покое.

Вечером, накануне свадьбы, Зенобия взяла маленький медальон, который надела на нее мать при ее рождении, и положила его на алтарь домашних богов. «Эти боги защищали меня в детстве, – думала она, – но завтра детству придет конец, и оно никогда больше не вернется». Она мысленно положила на алтарь в торжественном жертвоприношении последнее напоминание о своих детских годах. Если бы она была моложе, то принесла бы сюда свои игрушки. Но они уже давно выброшены. Она тихо стояла в маленьком семейном садике, который окружал алтарь, молилась за свою мать и желала, чтобы каким-нибудь чудесным образом, известным одним только богам, Ирис оказалась бы завтра рядом с ней.

Тамар и Баб так добры к ней, она чувствовала себя почти виноватой. И все же впервые за многие месяцы ей ужасно не хватало матери. Она вспоминала не столько красоту золотоволосой Ирис, сколько сладкий аромат ее духов, нежное прикосновение ее руки, шорох длинных юбок, когда она по ночам выходила из комнаты Зенобии. Она вспоминала эту прекрасную женщину, которая всегда находила время, чтобы поговорить с ней, которая обнимала ее легко и нежно, которая счастливо смеялась, видя, как ее дочь и муж играют вместе. Слезинка скатилась по щеке Зенобии, потом другая, пока лицо ее не стало мокрым от слез печали.

Баб бросила на девушку взгляд и увидела, что ее плечи дрожат от горя. Она хотела подойти к ней, но Тамар удержала ее.

– Не надо! – сказала жена Забаая бен Селима. – Со времени смерти Ирис она еще ни разу по-настоящему не плакала, и это ей необходимо. Пусть ее печаль останется позади вместе с тем, что осталось от ее детства.

Баб кивнула:

– Ты, конечно, права, но я не могу видеть, как она страдает.

Если бы я только могла, я бы заслонила ее собой от всего зла, какое только есть в жизни.

– Этим ты не окажешь ей услуги, Баб. Зенобия сама должна встретиться лицом к лицу со всем, что ей суждено испытать на своем пути. Если она не будет знать, что такое зло, то как же она сможет бороться с ним?

– Знаю, знаю! И вообще я болтаю глупости. Разве кому-нибудь удавалось от чего-то заслонить Зенобию? – ответила Баб.

– Давай войдем в дом! – сказала Тамар. – Скоро наша девочка придет, чтобы примерить на счастье свой свадебный наряд. Она не должна знать, что мы наблюдали за ней в такие минуты.

Женщины вернулись в свои комнаты и стали ждать девушку. Обе любили ее и хотели по традиции разделить с ней те минуты, которые не могла разделить с ней ее родная мать. И все же обе верили, что Ирис наблюдает за ними из рая, где находятся после смерти праведники.

В ту ночь сон ускользал от Зенобии. Как и всякая невеста, она была одновременно испугана и возбуждена в связи с теми событиями, которые должны произойти на следующий день. Те мучительные минуты, которые она пережила с князем две недели назад, только усилили ее

любопытство. Едва лишь она задремала, как тут же, вздрогнув, пробудилась и вспомнила свой беспорядочный и запутанный сон. Во сне она видела римлянина, и он смотрел на нее насмешливыми голубыми глазами. Зенобия села в постели, вся дрожа, и подумала, что это, должно быть, ей явилась тень убийцы ее матери в ночь перед свадьбой. Потом она вспомнила другого римлянина, Марка Александра Британна, который повстречался ей в пустыне несколько дней назад. Именно он и был тем мужчиной, которого она увидела во сне. Она в замешательстве гадала, почему это он вдруг приснился ей. Смущенно покачав головой, она снова легла и заснула легким сном.

В предрассветный час пришел прорицатель. В жертву принесли молодую овцу. Предзнаменования сочли в высшей степени благоприятными. Дом Забаая бен Селима украсили множеством цветов, пальмовыми ветвями, красочными полосками шерстяной ткани, которыми обвили колонны, изысканными гобеленами, висевшими повсюду в атрии, где должна была состояться церемония. Еще до восхода солнца начали съезжаться гости.

Зенобия с помощью Тамар и Баб завершала в своей спальне последние приготовления. Она уже выкупалась и вымыла свои прекрасные черные волосы. Теперь с помощью гребня в форме копья их разделили на шесть прядей. Таков был древний обычай, который вел свое начало от тех времен, когда свадьба, сопряженная с захватам невесты в плен, была скорее правилом, чем исключением. Потом пряди аккуратно свернули в спирали и закрепили с помощью лент.

Свадебный наряд Зенобии представлял собой белую тунику из тончайшего, как паутинка, шелка, который собственноручно соткали Тамар и Баб. Прямая туника была сшита из одного куска ткани и ниспадала к ногам Зенобии, обутым в серебряные сандалии. Тунику стянули на талии шерстяной лентой, завязанной геркулесовым узлом. Именно Геркулес считался хранителем супружеской жизни. Только став мужем Зенобии, Оденат получал привилегию развязать этот узел. На тунику невесты накинули покрывало цвета пламени. На голову возложили венок из душистых белых цветов фрезии.

Прибыл жених вместе с матерью и друзьями. Он был одет в окаймленную серебром белую тогу, и ему тоже дали венок из белых цветов фрезии под стать венку невесты. Он надел его на голову. Прорицатель официально объявил, что предзнаменования были благоприятными и что все готово для начала свадебной церемонии.

Тамар, которая должна была исполнять во время церемонии роль пронубы[4], вывела Зенобию вперед. Потом жена Забаая соединила в присутствии гостей руки жениха и невесты. Зенобия выразила словами свое согласие на этот брак. Она произнесла эти слова трижды: первый раз на латинском языке, второй – на греческом и третий – на арамейском, языке своего племени, чтобы каждый из присутствовавших в зале мог понять ее.

– Если ты – Гай, то я – Гая! – сказала она.

Потом верховный жрец из храма Юпитера подвел пару к домашнему алтарю с левой стороны. Их посадили лицом к алтарю на табуреты, покрытые кожей овцы, которую недавно принесли в жертву. Верховный жрец сделал Юпитеру бескровное подношение – пшеничную лепешку. Вторую лепешку съели жених и невеста. После этого жрец прочел молитвы Юноне, богине супружества, а также местным божествам. Утварь, необходимую для совершения подношения, принес в закрытой корзине мальчик. Его называли камиллом, и оба его родителя должны были быть живы. Для этой важной роли Зенобия избрала своего юного племянника Забаая бен Акбара.

Когда церемония завершилась, гости закричали «Feliciter!», что означало пожелание удачи и счастья. Оденат повернул Зенобию лицом к себе. Она увидела его в первый раз после того, как покинула его дворец почти две недели назад, почувствовала смущение и покраснела.

[4] Пронуба – подружка невесты в древнеримской свадебной церемонии.

Со стороны тех, кто стоял достаточно близко к ней, чтобы заметить это, послышался гул одобрения.

Он нежно поцеловал ее в лоб.

– Мне не хватало тебя, мой цветок! – сказал он так тихо, что только она одна могла его услышать.

– И мне не хватало тебя, Ястреб!

Это был единственный момент, когда им удалось побыть наедине по прошествии многих часов. Роскошный свадебный пир должен был продолжаться до самого вечера. Зенобия знала, чего от нее ожидали. Она взяла своего супруга за руку, и вместе они повели гостей в великолепный пиршественный зал Забаая, находившийся на открытом воздухе в саду позади виллы. Там по вымощенному плиткой двору расставили обеденные столы и ложа. В центре двора бил фонтан, испускавший водяные струи из пасти золотого морского дракона. Жених и невеста сели рядом на одно ложе за центральный стол. Гостей усадили в зависимости от того, насколько важное положение они занимали.

Трапеза состояла из трех частей. На закуску подали спаржу в масле и уксусе, тунца, нарезанные тонкими ломтиками яйца, уложенные на листья салата-латука, устриц, которых доставляли, уложив их в снег, и дроздов, зажаренных до золотисто-коричневого цвета и уложенных на кресс-салат. Все это было подано на больших блюдах, украшенных абрикосами и спелыми маслинами. На второе предложили филейную часть козла, ножки ягнят, жареных цыплят, уток, как домашних, так и диких, зайцев, огромные миски с овощами – зелеными бобами, молодой капустой, цветной капустой, которая ввозилась из Европы, салатом-латуком, луком, редисом, огурцами, зелеными и спелыми маслинами. Подали также караваи хлеба, круглые и горячие, прямо из печи.

Когда основные кушанья убрали, на всех столах расставили хрустальные вазы с миндалем и фисташками и блюда с зелеными и золотистыми грушами, алыми и пурпурными сливами, персиками, абрикосами, вишнями, гранатами, а также черным, розовым и зеленым виноградом. Принесли липкие медовые лепешки в форме бабочек, обсыпанные измельченными орехами и маком. Был подан также свадебный пирог с начинкой из изюма и смородины, и куски этого пирога раздали всем гостям, чтобы они взяли их домой на счастье.

На протяжении всей трапезы подавали вино, разбавленное водой. Но на десерт предложили крепкое, неразбавленное красное вино. Его вновь и вновь наливали в бокалы жаждущих гостей. Когда пирующие напились и наелись, началось представление: борцы, фокусники с дрессированными собаками и девушки-танцовщицы. Их очень хорошо принимали. Утро постепенно перешло в день, а потом внезапно наступил вечер. Вот-вот должна была начаться самая важная часть свадебной церемонии. Для законности брака необходимо, чтобы публика сопровождала невесту до дома жениха с величайшей торжественностью.

В течение всего дня возле дома Забаая бен Селима, а также вдоль дороги, по которой молодая чета должна была возвращаться во дворец князя, стояли толпы людей. Пришли те, кто должен был нести факелы и играть на флейтах. Процессия начала выстраиваться. Баб уже ушла вперед, во дворец. Зенобия попрощалась с семейством своего отца. Все гости запели свадебный гимн. Оденат сделал вид, будто силой вырывает Зенобию из объятий защищавшей ее Тамар. После этого невеста заняла свое почетное место в процессии. Ее сопровождали трое ее самых младших братьев. Двое из них шли рядом с ней, держа ее за руки, а старший шел впереди, освещая путь свадебным факелом из боярышника.

Прежде чем процессия вышла на улицу, Забаай бен Селим тихо сказал дочери:

– Помни, мы – твоя семья. Если мы понадобимся тебе, Зенобия, нужно только дать знак!

Она улыбнулась ему сияющей улыбкой:

– Я буду помнить об этом и молить богов, чтобы у меня никогда не возникла необходимость воспользоваться твоим предложением, отец!

– Самое лучшее – быть готовой ко всему! – предупредил Забаай.

– Идем же, мой цветок!

Рядом с ней стоял Оденат и улыбался. Она радостно вернула ему улыбку, и процессия тронулась. На улице в толпе доброжелателей стоял Марк Александр и смотрел, как уходила Зенобия. Она была такой же прекрасной, какой запомнилась ему, и впервые в своей жизни он почувствовал зависть к другому мужчине, к князю Пальмиры, который должен развязать геркулесов узел на свадебном одеянии Зенобии, а потом провести остаток ночи, занимаясь любовью с этим прелестным созданием. Будет ли он нежен с ней или же набросится на нее как зверь и испугает ее? Марк Александр вздохнул. Он был бы нежен! Он стал бы ласкать ее кожу, которая мягче шелка! Марк Александр каким-то образом догадался, что кожа у Зенобии мягкая. Он ласкал бы ее до тех пор, пока внутри ее прекрасного тела не начал бы бушевать огонь, пламенное желание.

Заметив выражение страстного желания на лице Марка Александра, Север был потрясен. Он понял, что его хозяин влюбился в новую княгиню Пальмиры.

Но размышлять об этом было некогда, потому что толпа уже присоединилась к процессии и начала распевать песни, полные грубых шуток и двусмысленных выражений. Все пошли провожать невесту через город к ее новому дому. «Повсюду это происходит одинаково», – подумал Север. Это вовсе не удивляло его. Княгиню, патрицианку или простую женщину – всех провожали с одними и теми же вульгарными песнями. На первом перекрестке, к которому они подошли, Зенобия бросила монету, чтобы сделать подношение местным божествам. Вторую монету она подарила Оденату, как символ приданого, которое она принесла ему, а третью сохранила, чтобы положить ее на алтарь богов своего нового дома. Процессия продвигалась вперед, и в толпе то и дело устраивали свалку, чтобы схватить леденцы, лепешки из кунжута и орехи, которые князь рассыпал по дороге, произнося традиционную молитву о том, чтобы его жена была плодовитой.

Казалось, к тому времени когда они достигли дворца, к процессии присоединился уже весь город. У главных ворот Зенобия остановилась и обвила столбы ворот шерстью. Это символизировало ее обязанности в качестве хозяйки дома. Потом она смазала ворота маслом и салом: символами изобилия. Оденат поднял ее, осторожно перенес через порог и бережно поставил на ноги в огромном атрии дворца. Зенобия в последний раз произнесла традиционные слова:

– Если ты – Гай, то я – Гая!

После этого двери закрылись.

В присутствии приглашенных на свадьбу гостей Оденат предложил Зенобии огонь и воду в знак их новой совместной жизни. Приняв у него из рук свадебный факел, Зенобия положила его в кучу дров, лежавших в очаге атрия, а потом бросила уже потухший факел в толпу гостей. Гости устроили свалку в борьбе за этот символ счастья. Потом она прочла молитву богам, поблагодарив их за свою счастливую судьбу. Она молила их о том, чтобы они подарили ей много детей. Тамар, которая все еще исполняла в церемонии главную роль, повела Зенобию к брачному ложу. Это ложе выполняло чисто декоративную функцию. Его всегда устанавливали в атрии в ночь после свадьбы и оставляли там в последующие дни. Это послужило сигналом для гостей. Они ушли, и вскоре молодая супружеская чета осталась наедине.

В течение нескольких минут они стояли в молчании. Потом князь спросил:

– Ты устала, мой цветок?

– Да.

– Тогда давай ляжем в постель!

– Здесь?

В ее голосе он услышал испуг. Она окинула пристальным взглядом большой открытый атрий. Наконец ее взгляд остановился на большом, покрытом позолотой супружеском ложе.

– Нет, не здесь, Зенобия! – Он хотел успокоить ее и старался, чтобы его голос звучал твердо и ровно. – В саду дворца у тебя есть собственный дом. Сейчас мы отправимся туда. Именно там мы с тобой будем жить.

– А Баб уже там?

– Только не в эту ночь, мой цветок. Эту ночь мы проведем вдвоем.

– Ах! – Ее голос был очень тихим, а рука – очень холодной.

– Надеюсь, ты будешь довольна своим домом, мой цветок. Он не слишком велик. Не думаю, что тебе хочется иметь большой дом. Все рабочие, мастера и ремесленники, какие только есть в городе, трудились здесь в течение двух последних недель, чтобы построить для тебя этот дом.

– Значит, он совсем новый? Ох, Ястреб! Я не хотела доставлять тебе столько хлопот.

– Мне хотелось, чтобы у тебя был дом – твой собственный дом, моя любовь. Это здание построено из высушенного на солнце кирпича и облицовано снаружи белым мрамором. Дом совсем простой, но в нем два этажа. Спереди находится атрий. Там ты сможешь принимать гостей; есть и библиотека, в которой я смогу работать, столовая, выходящая на юг, которой мы будем пользоваться в зимнее время, и другая столовая, выходящая на север, в которой мы будем обедать летом. Нам не понадобится пиршественный зал, потому что в главном дворце есть несколько таких залов. Кроме того, имеются кухня и одна большая комната, которую, я полагаю, ты с удовольствием возьмешь себе. Есть также удобная комната для Баб. Я подумал, что она будет рада жить на первом этаже. Ей не нужно будет слишком часто подниматься по лестнице. Спальни вместе с ванными комнатами находятся на втором этаже. Я выбрал лишь минимальное количество самой необходимой мебели. Я подумал, что ты, должно быть, получишь удовольствие, если сама сможешь выбрать для себя вещи. Что же касается рабов, то их ты тоже выберешь сама. Но в течение следующих нескольких дней нам понадобится только одна Баб. Она и будет обслуживать нас.

Они вышли из главного дворца и пошли по обширному саду, залитому лунным светом и заполненному ночными шорохами. Затем свернули на посыпанную гравием дорожку, по обеим сторонам которой росли пальмы. Пройдя по дорожке до конца, они увидели прелестный маленький дворец. Когда они дошли до его открытых дверей, Оденат снова поднял ее и перенес через порог. Но, оказавшись внутри, он не стал опускать ее на пол. Вместо этого прошел через атрий, по коридору, за которым скрывались ступеньки, и понес ее вверх по лестнице, в спальню. Только там он поставил ее на пол посреди комнаты.

– Помоги мне справиться с этой проклятой тогой! – спокойно попросил он.

Удивленная, она повиновалась.

– Терпеть не могу эти тоги, но такие события, как это, и мое высокое положение требуют, чтобы я надевал их.

Она молча взяла одежду и осторожно повесила ее на стул – она не знала, где находятся сундуки для хранения одежды. Оденат сел и наклонился, чтобы расшнуровать сандалии. Она поспешила к нему и склонилась над его ногами, чтобы помочь. Сняв с него сандалии, она любовалась его грациозными ступнями. Ощутив на своей голове прикосновение его руки, она вздрогнула.

– Ты не должна снимать с меня сандалии, мой цветок!

– Но я хочу! – возразила она. – Я не всегда буду именно такой женой, какую ты хочешь, мой Ястреб. Но такие мелочи, как эта, я, конечно, буду делать для тебя, и пока я делаю это, ты будешь знать, что я люблю тебя.

Он протянул руку, взял ее за подбородок и приподнял ее голову. Он долго и пристально смотрел в ее прекрасные, спокойные серые глаза. Потом его губы слегка коснулись ее губ, распространяя по всему ее телу легкий трепет. Она в смущении опустила глаза и вдруг заметила, что на нем в тот момент была только короткая нижняя туника. Зенобия как зачарованная

рассматривала мускулистые и стройные ноги своего мужа, длинные, гладкие и загорелые. Он некоторое время наблюдал за ней, и ему стало весело. Он чувствовал, как ей хотелось прикоснуться к нему. Но пока она еще боялась сделать это.

Он встал и привлек ее к себе. Его руки потянулись к геркулесову узлу, который был завязан на ее свадебном платье. Несколько минут он возился с ним, но разгадка тайны этого узла ускользала от него. Он прошептал:

– Кто, черт побери, завязал этот узел?

Зенобия рассмеялась:

– Тамар.

– Очевидно, она хотела, чтобы мне вообще никогда не удалось развязать его. Ах, вот как!

Он потянул шерстяную ленту и снял ее. Теперь туника Зенобии висела свободно. Он снял ее через голову девушки и повесил на тот же стул, на котором висела его тога. Туда же он повесил и свою нижнюю тунику – еще прежде, чем Зенобия заметила, что он снял ее. Она стояла ошеломленная, а он опустился на колени и снял ее серебряные сандалии. Потом встал и осторожно развязал ленты, скреплявшие ее длинные локоны. Протянув руку, он взял щетку, лежавшую на виду на стоявшем рядом столике, повернул Зенобию и стал медленно расчесывать ее волосы, уже освободившиеся от сложной и вычурной прически. Он восхищался их блеском и длиной – они доходили ей до бедер.

Он снова повернул ее лицом к себе и стоял, созерцая ее обнаженную красоту. Его уверенные действия удивили ее. Она была потрясена, обнаружив, что стоит обнаженная перед мужчиной. Несколько долгих минут Зенобия стояла неподвижно под его изучающим взглядом. Она не имела ни малейшего понятия о том, чего он ждал от нее – если он, конечно, вообще ждал чего-нибудь, кроме покорности. Основательно изучив ее спереди, князь медленно обошел вокруг и осмотрел свою юную жену под всевозможными углами.

– Чего ты хочешь от меня, мой господин? – немного испуганно прошептала Зенобия.

Выведенный из своего мечтательного состояния, он понял, как неловко она себя чувствует. Он нежно привлек ее к себе и обнял.

– Зенобия! – произнес он с нежностью, но его голос показался ей необычайно хриплым. – За свою жизнь я повидал немало красивых женщин, но никогда еще я не встречал женщины столь совершенной, столь безупречной, как ты, мой цветок!

– Значит, ты хочешь меня?

– Хочу тебя?! – произнес он, задыхаясь. – Да я хочу тебя уже много недель, моя маленькая дурочка!

– Думаю, я тоже хочу тебя! – ответила она с нежностью.

Он рассмеялся:

– Откуда же ты можешь знать, что хочешь меня, моя маленькая целомудренная невеста? Ведь я – единственный мужчина, который когда-либо прикасался к тебе! Но тебе это понравилось, Зенобия! О да, мой цветок, тебе это понравилось! Только что, когда ты опустилась на колени, чтобы снять мои сандалии, ты испытывала желание прикоснуться ко мне.

Она залилась краской.

– Откуда ты знаешь об этом?

– Потому что я мужчина, и я знаю женщин.

Он провел рукой вниз по ее спине под волосами и стал гладить и ласкать ее ягодицы. В изумлении она отскочила от него, но он прошептал ей на ухо:

– Нет, мой цветок, не надо бояться! Я знаю, как ты невинна, поэтому мы будем продвигаться вперед медленно. В отношениях между мужчиной и женщиной не должно быть спешки, а только время для наслаждений!

Он приподнял ее голову и с нежностью поцеловал ее.

– Я люблю тебя, Зенобия, княгиня Пальмиры! – Он поцеловал ее в кончик носа. – Я люблю твою гордость и независимость! – Он поцеловал ее веки, закрывшиеся при его первом нежном натиске. – Я люблю твою красоту и твою невинность! Но больше всего я люблю тебя саму, мой маленький цветок пустыни! Я не женился бы на тебе, если бы не любил тебя.

Он чуть-чуть нагнулся, поднял ее, пронес через комнату и положил на супружеское ложе.

Неистовое биение ее сердца отдавалось у нее в ушах. Глаза ее были плотно закрыты, но она слышала его голос, который насмешливо говорил:

– Я очень внимательно изучил тебя, моя дорогая, и теперь предоставляю тебе возможность сделать то же самое.

Она услышала шелест ткани.

– Открой глаза, Зенобия! – приказал он ей, и в его голосе слышался смех. – В теле мужчины нет ничего такого, чего следовало бы бояться. Может быть, в нем есть что-то смешное. Ведь у него нет той красоты форм, какая есть в женском теле. Все же полагаю, я достаточно красив, по крайней мере настолько, насколько может быть красив мужчина.

У нее вырвался тихий смех, но глаза оставались закрытыми.

– Зенобия! – В его голосе слышалась и насмешка, и строгость. – Открой же глаза! Приказываю тебе!

Она открыла глаза и села.

– Мне нельзя приказывать, Ястреб! – Потом ее серые глаза расширились, и она произнесла, задыхаясь: – О-о-ох!

Глядя на нее, он озорно усмехнулся:

– Разве я не привлекателен на твой взгляд, мой цветок? – И он встал в позу, пародируя атлетов на арене.

Она была не в состоянии оторвать взгляд от его тела. Он был немного выше ее, сложен прекрасно: ноги длинные, икры и бедра крепкие и красиво очерченные, узкая талия, переходившая в широкую грудь и еще более широкие плечи; руки длинные и мускулистые, а кисти тонкие, с длинными пальцами. Его тело было загорелое и гладкое, и теперь, когда она глядела на него, ее снова переполняло желание ласкать его так же, как он ласкал ее две недели назад. Она осторожно отводила взгляд от символа его пола. Однако теперь ее взгляд скользнул вниз, и, когда она отважилась сделать это, краска смущения разлилась по ее щекам. К ее удивлению, тот страшный зверь, перед которым она испытывала страх, оказался всего лишь нежным созданием, маленьким и мягким, угнездившимся на своем ложе, покрытом темными волосами.

И снова он угадал ее мысли.

– Он становится большим только тогда, когда я желаю тебя.

– Но ведь ты же сказал, что хочешь меня! – упрекнула она его.

– Я действительно хочу тебя, мой цветок, но хотеть и желать – это разные вещи. Я хочу тебя разумом и сердцем, а желание исходит из моего тела. – Он вытянулся в постели рядом с ней. – Сегодня у меня не было времени для желания. – Протянув руки, он привлек ее к себе. – Не было времени до настоящего момента, Зенобия.

Его губы нашли ее губы. Он завладел ими и пробовал их вкус до тех пор, пока она, охваченная сильной дрожью, не отдалась его вспыхнувшей страсти.

Она не ожидала, что губы мужчины могут быть такими нежными. Он мягко приказал ей разомкнуть губы, и она повиновалась, пропуская внутрь его бархатистый язык. Он ласкал ее язык, и неожиданно она почувствовала, что внутри у нее начинает полыхать пламя. Она откинула голову назад и несколько раз вдохнула воздух, чтобы унять головокружение, но он только засмеялся и снова завладел ее губами в горячем поцелуе. Наконец, удовлетворившись тем, что ее нежные губки покорно приняли свои обязанности, он проложил своим обжигающим ртом тропинку вниз. Его тонкие пальцы гладили ее стройную шею. Запечатлев жаркий поцелуй на ее ушке, он прошептал:

– Ты чувствуешь, как в тебе зарождается желание, любовь моя?

И он нежно укусил ее за мочку уха, а потом двинулся дальше по мягкой шелковистой выпуклости ее шеи.

Зенобия задрожала. Когда руки мужа отыскали ее округлые полные груди, она нежно вздохнула в страстном томлении. Она желала его прикосновений! Она жаждала их, потому что ей казалось, что тогда растает и исчезнет это ужасное, непереносимое томление, переполнявшее все ее существо. Он с благоговением ласкал ее груди, эти мягкие шары. Потом без предупреждения опустил голову вниз, и его теплый рот захватил трепещущий и напрягшийся сосок. Он набросился на ее девственную грудь со страстью, и она вскрикнула, удивившись не только его действиям, но и чувству напряжения, которое возникло в ответ на эти действия в укромном местечке между ее ногами.

Он поднял голову, и звук его голоса успокоил ее:

– Не бойся, мой цветок! Разве это неприятно тебе?

В ответ она снова притянула его голову к своей груди, и он возобновил эти приятные развлечения. Однако вскоре он продолжил свои исследования. Одной рукой он обвил ее талию, а другой легко прикасался к ее животу, который неистово трепетал под его прикосновениями. Он опустил голову и стал раздражать языком ее пупок, заставляя ее корчиться и извиваться под ним. Его рука опустилась еще ниже, к ее гладко выщипанному бугру Венеры. Теперь он чувствовал, что она начала сопротивляться ему. Ее тело напрягалось под его пальцами, а в звуке ее голоса послышалась нервозность.

– Пожалуйста, Ястреб! Пожалуйста, не надо!

– Почему ты вдруг стала так бояться меня?

Он попытался снова прикоснуться к ней, но она, защищаясь, схватила его за руку.

– Пожалуйста!

Тут ему пришло в голову, что она, может быть, даже не знает о том, что может произойти между мужчиной и женщиной.

– Рассказывала ли тебе Тамар о том, что должно произойти между нами, между мужем и женой? – спросил он.

– Нет, – ответила она, – но я знаю, что все должно быть так же, как это происходит у животных. Самец залезает на самку. Разве не так?

– Но ведь люди – не животные, Зенобия. Животные чувствуют потребность и удовлетворяют эту потребность без всяких раздумий. А мужчина и женщина – это совсем другое дело, мой цветок. – Он решительно убрал ее руки и стал нежно ласкать ее. – Я всегда считал, что боги создали женщину для того, чтобы ее возлюбленный поклонялся ей. Когда я прикасаюсь к тебе с любовью, я поклоняюсь твоему совершенству. Ты не должна бояться меня и моих прикосновений!

– Но еще никто и никогда не прикасался ко мне там! – тихо произнесла она, дрожа под его пальцами.

В ответ он снова поцеловал ее и прошептал:

– Не бойся, моя дорогая! Не бойся!

И она почувствовала, что он с величайшей осторожностью начал исследовать сокровенные уголки ее тела. Странное томление охватило ее, руки и ноги сделались слабыми и беспомощными. Он – ее муж, но неужели он может трогать ее вот так? Его палец мягко проник в ее тело, и она вскрикнула, сопротивляясь и пытаясь увернуться от него. Но князь быстро перевернул ее, и теперь она лежала под ним. Лежа сверху, он шептал ей на ухо нежные слова любви:

– Не надо, Зенобия, не надо, моя дорогая! Не бойся! Не сопротивляйся мне, мой цветок!

Она ощущала каждую частичку его тела. Его гладкая грудь давила на ее полные груди, его плоский живот нажимал на ее слегка округлый живот. Его бедра касались ее бедер и передавали им свое тепло, которое исторгало стон из ее губ.

До сих пор она не пыталась прикоснуться к нему, но теперь не стала подавлять неистовое желание, которое проснулось в ней. Он зарылся лицом в ее волосы. Его поцелуи казались бесконечными. Ее руки обвились вокруг его шеи. Потом она стала гладить его спину, заканчивая свои поглаживания там, где ее ладони встречались с его твердыми ягодицами, и мягко пощипывая их.

– Ах, Ястреб, твоя кожа такая нежная! – прошептала она.

– А что ты знаешь о мужчинах, Зенобия? – спросил он.

Его голос звучал необычайно резко, а губы обжигали нежную кожу ее шеи.

– Я не знаю ничего, кроме того, чему ты научишь меня, муж мой! – тихо ответила она.

Ее руки снова заскользили вверх по его спине и обняли его за шею.

– Я научу тебя быть женщиной, мой цветок! Но хватит ли у тебя смелости для этого? – спросил он, и взгляд его темных глаз впился в ее глаза.

Она дрожала, прижавшись к нему, но в ее взгляде не было колебаний, когда она произнесла в ответ:

– Да, мой Ястреб, да, теперь у меня хватит смелости!

Его рот накрыл ее губы в нежном поцелуе, и она почувствовала, что его руки скользнули вниз, под нее, и немного приподняли ее бедра. Кровь неистово бежала по ее венам, и ей никак не удавалось унять дрожь. Тут она вдруг почувствовала, как что-то твердое настойчиво пытается проникнуть между ее дрожащих бедер.

– Ястреб! О мой господин, я хочу стать женщиной, но снова боюсь!

Она увернулась от него и сжалась в углу кровати.

Князь застонал от разочарования. Еще никогда в своей жизни он не желал женщину так отчаянно. Он поддался искушению силой заставить ее лечь и добиться от нее того, чего он так страстно желал. «Потом она простит мне это», – подумал он. Но когда он поднял голову, то увидел, что она расширенными от ужаса глазами пристально смотрит на его мужское естество.

– Ты не должен делать этого! – закричала она. – Ты же разорвешь мне внутренности!

С минуту он молчал, наслаждаясь ее наивностью.

– Ведь ты будешь рожать наших детей, моя дорогая? – терпеливо объяснил он ей. – Если там может пройти целый ребенок, то и я смогу!

Она безмолвно покачала головой в знак несогласия. Но он решительно заключил ее в объятия, нежно целовал и гладил ее до тех пор, пока огненная стихия снова не начала бушевать в ней.

Она чувствовала себя очень необычно, как никогда прежде. Ее тело казалось ей сладким пламенем, и это пламя разгоралось под его прикосновениями. Это было приятно и в то же время мучительно. Наконец она почувствовала, что больше не в силах выносить эту сладкую муку.

Он ощутил, что ее тело расслабилось, и в то же мгновение его плоть вошла в ворота ее женственности и мягко проникла в ее невероятно напряженное лоно. Ее девственная плева была туго натянута, и на мгновение он остановился, поцеловал ее закрытые веки и убрал с ее лба прядь волос. Она застонала, и в ее голосе слышались одновременно и страсть, и испуг. Он чувствовал, как сильно стучит ее сердце под его грудью.

Зенобии казалось, что он разрывает ее на части. Его мужское естество заполняло ее всю, жадно поглощало ее, и она испытывала жестокую боль. Она старалась лежать неподвижно, с плотно закрытыми глазами, чтобы он не узнал о ее боли и его удовольствие не было испорчено. Когда он на мгновение остановился и попытался успокоить ее, она почувствовала некоторое облегчение. Но затем он возобновил свои движения и быстро прорвался через ее девственную преграду. Она пронзительно вскрикнула от боли и попыталась увернуться от него, но он твердо держал ее и продолжал проникать в ее сопротивляющуюся сладость.

– Нет, нет! – всхлипывала она, и на глазах ее показались слезы.

Тут вдруг она осознала, что его мужское естество, которое всего лишь несколько минут назад казалось ей раскаленной докрасна кочергой, внезапно сделалось источником самого дивного наслаждения. Однако боль все усиливалась. Ей казалось, что она больше не в состоянии сопротивляться ему. Он двигался вперед и назад в ее теле, и казалось, что весь мир вокруг нее пульсировал и кружился в мириадах ощущений. Зенобия не представляла себе, что может существовать что-нибудь столь же великолепное, как это слияние тел. Она словно бы растворилась в нем, а он – в ней. Наслаждение все усиливалось, и наконец боль исчезла без следа, а она все падала и падала в теплую и приятную темноту.

Она вцепилась в князя, потерявшись в мире своих чувств, и он был восхищен ее откликом на его страсть. Он с нежностью заключил ее в объятия, чтобы, вновь придя в себя, она почувствовала, что он нежно любит ее. Ведь так оно и было на самом деле. Покрывая ее лицо нежными легкими поцелуями, он ободряюще прошептал ей:

– Я люблю тебя, моя дорогая! Моя обожаемая жена, я так люблю тебя!

Он повторял эти слова снова и снова, пока она наконец не открыла глаза и не взглянула на него:

– О мой Ястреб, я тоже люблю тебя! Я хочу доставить тебе удовольствие, но неужели каждый раз мне будет так же больно, как сейчас?

– Нет, больше никогда! – пообещал он. – Тебе было больно только потому, что ты девственница, Зенобия. Не могу понять, почему Тамар не сказала тебе об этом!

– Ведь у Тамар только сыновья. Кроме того, она, возможно, не хотела пугать меня, – ответила Зенобия.

– Тогда почему же твоя Баб не сказала?

– Это не дело Баб – рассказывать мне о таких вещах, – объяснила она.

Оденат раздраженно вздохнул:

– В таком случае, полагаю, это мое дело – учить тебя, мой цветок.

– Да, мой господин, – ответила она с притворной сдержанностью.

Он почувствовал, что желание снова растет в нем, и думал, осмелится ли он еще раз овладеть ею или нет. В ее девственной преграде образовалось болезненное отверстие, и у него не было сомнений, что она испытывает боль.

– Я снова хочу тебя, мой Ястреб!

Она подчеркнула свои слова, повернув голову и нежно укусив его за предплечье.

По его телу пробежала дрожь. Он понял, что его супруга – страстная женщина. Протянув руку, он стал тереть ее сосок, пока он не сделался упругим и не встал, словно стойкий маленький солдатик, стоящий на холме ее восхитительной груди. Она притянула его голову к себе, стала целовать его в губы и шептать:

– Возьми же меня, мой дорогой! Я вся горю!

Он лег на нее и проскользнул в ее нежное лоно, чувствуя, что она чуть-чуть вздрагивает от боли. Он медленно продвигался вперед в ее теле, проникая все глубже, а потом вышел наружу, но только для того, чтобы потом вновь стремительно погрузиться в ее пылающее страстью тело. Он почувствовал, что ее ноготки скребут его спину, и услышал ее крик:

– Нет! Я хочу получить наслаждение, мой Ястреб! Не отказывай мне в этом!

Он засмеялся и сел между ее широко раздвинутыми ногами.

– Не спеши, мой цветок! Можно получить еще большее удовольствие, если не торопить события.

И он начал совершать мучительно медленные движения, которые доводили ее до грани безумия.

Зенобия оказалась совершенно беспомощной перед теми восхитительными ощущениями, которые начали одолевать ее. В первый раз она испытывала боль, но потом все пошло хорошо, и это ей понравилось. Теперь, хотя она и испытала минутное неудобство, когда он

начал все сначала, ей по-прежнему было приятно. Она не верила, что может быть еще лучше, однако каждая минута приносила все новые восторги, и наконец она закружилась, совершенно потеряв ощущение времени, но ничуть не беспокоясь об этом. Единственная мысль пронеслась в голове – какая она была дурочка, когда боялась его. Князь, лежа на ней, застонал от испытываемого им наслаждения и упал на ее грудь.

Оба они погрузились в глубокий сон. Зенобия, с ее способностью быстро восстанавливать силы, свойственной молодым здоровым животным, проспала несколько часов и проснулась. Стояла полночь, черная и очень тихая. Светильники все еще горели, так как ни она, ни князь не позаботились о том, чтобы погасить их. По портику гулял легкий ветерок, и светильники мерцали, отбрасывая на стену причудливые золотисто-красные тени. Она лежала на спине и спокойно осматривала комнату, в которой недавно стала женщиной. Она сразу поняла, что эта комната предназначалась для женщины. Это ее комната, комната, в которой она будет делить со своим Ястребом нежную, сладкую близость; комната, в которой она будет рожать детей, комната, в которой она, быть может, испустит свой последний вздох, будучи уже старухой.

«Здесь все просто», – думала она, пока ее взгляд медленно перемещался по помещению. Но ведь Оденат говорил, что специально не стал украшать комнату, оставив за ней право выбора. В этом было что-то новое и приятное.

– Ты уже проснулась?

Его голос нарушил тишину.

– Да.

– О чем же ты размышляешь, мой цветок?

Искренний ответ уже был готов сорваться с ее губ, но она сдержалась. Едва ли ему покажется лестным, что в ночь после свадьбы она думает о том, как бы получше украсить их дом.

– Я думала о тебе, Ястреб, – сказала она.

– И что же ты думала?

– Что люблю тебя! – ответила она.

Он приподнялся на локте и, улыбаясь, заглянул ей в лицо.

– Мы будем и друзьями, и любовниками, и супругами! Ох, Зенобия, я так счастлив, у меня есть ты! Я был так одинок после смерти моего отца! Ни моя мать, ни Делиция не могли быть моими друзьями, они не понимают меня. Но ведь ты понимаешь, мой цветок, не правда ли? Пальмира – великий город, и мы сделаем его еще более великим. Тогда наш сын станет даже более великим господином, чем его отец и дед!

– Но как же мы сможем стать великими, если нами правят римляне? – спросила она.

– Вскоре Антоний Порций уйдет в отставку, – объяснил он. – Он говорил, что император никого не пришлет на его место. Римляне доверяют нам, Зенобия. Вскоре я буду по праву править этим городом, как правили до меня все князья Пальмиры.

– Но как ты сможешь править Пальмирой, если римляне все еще держат в городе гарнизон? – спросила Зенобия.

– В качестве свадебного подарка император передал мне командование войском, моя прекрасная женушка!

Она села, изумленная.

– Ты будешь командовать римским войском?

– Да, буду. Ну, что ты думаешь теперь, мой цветок?

– Думаю, почему после стольких лет оккупации римляне вдруг решили позволить тебе править самому, без римского губернатора? Почему они поручили тебе командовать своим войском?

– Потому что римляне знают – мне можно доверять, Зенобия.

– И как только ты получишь полную власть, ты свергнешь римлян? – Ее серые глаза засветились гордостью.

– Нет, Зенобия. Мне необходимо присутствие римских солдат в Пальмире. Мир теперь уже не тот, что раньше. Нас подстерегают опасности, которые даже не снились во времена моего деда. Армия нужна, чтобы защищать наш город.

– Но почему именно римляне?

– Рим – это главная держава в мире. Если я буду использовать ее войска, мне не придется заставлять идти на военную службу свой собственный народ. Римские войска ничего не стоят мне. Дань, которую мы платим империи, поступает от караванов, а не от моего народа.

– Не могу поверить, что ты склонил шею под их ярмом! – воскликнула она. – Скажи мне, что ты всего лишь пошутил со мной, мой Ястреб!

– Зенобия, ты еще ребенок и не разбираешься в таких вопросах, – мягко произнес он. – Когда ты узнаешь, как осуществляется управление, откуда берутся деньги в казне, ты поймешь, почему сотрудничество с Римом необходимо нам. Но, мой цветок, почему мы обсуждаем такие важные проблемы среди ночи, нашей первой брачной ночи?

Он наклонился и поцеловал ее в губы. Но она отодвинулась от него. Выражение ее серых глаз стало серьезным.

– Однажды ты обещал мне разделить со мной свою ответственность, Ястреб. Разве ты уже передумал?

– Я не даю обещаний, которые не собираюсь выполнять, мой цветок. Однако всему свое время, и сейчас неподходящий момент, чтобы обсуждать политические вопросы.

– А когда же для этого наступит подходящий момент? – спросила она. – Неужели мне придется специально договариваться о встрече с тобой, как это делают твои министры? Или я должна буду утром сообщить твоему секретарю, что княгиня Пальмиры желает встретиться с князем Пальмиры, чтобы обсудить с ним вопросы его правления?

– О боги! – воскликнул он. – Вот и наш первый спор, Зенобия!

Он протянул руку и погладил ее плечо. Как прекрасна она с ее черными, как полночь, волосами, вьющимися вокруг плеч!

– Ты должен делиться со мной и хорошим, и плохим! – проворчала она, с трудом успокаиваясь. Ее потрясло, что она поссорилась с ним.

– Я буду делить с тобой все, моя дорогая, – пообещал он. – Но ведь мы только что поженились. Сейчас у нас медовый месяц, и я не желаю в данный момент говорить о политике или финансах. Какая новобрачная предпочла бы эти вещи любви в супружеской постели?

Ее сопротивление начало слабеть. Он протянул к ней руки и заключил в объятия.

– О Ястреб, мне еще так многому надо научиться, что я проявляю нетерпение! – прошептала она.

– Как раз об этом я и говорил тебе, мой цветок. Во многих отношениях ты еще ребенок, но я научу тебя!

Он покусывал уголки ее губ, и восхитительное возбуждающее покалывание побежало по ее телу. Князь улыбнулся, глядя на нее, а потом его губы полностью завладели ее губами. На этот раз в его поцелуе не было нежности, а только неистовое и пламенное требование, на которое Зенобия не могла не ответить. Она со страстью возвращала ему его поцелуи, пока ее губы не стали болеть. Но к его удивлению, она не уступала ему. Его руки стали ласкать ее дивные груди, а губы спустились от ее губ вниз по ее мягкой, ароматной плоти, дрожавшей под его прикосновениями.

На этот раз она уже знала, чего ей следует ожидать, или по крайней мере думала, что знала. Но движения его теплого, нежно дышащего рта, который шептал ей на ухо слова любви, его губ, которые, дразня ее, двигались по шее и погрузились в нежную ямочку на ее плече, потрясли ее до основания. Он всего лишь на мгновение задержался в этом укромном уголке, а потом двинулся дальше, покрывая быстрыми поцелуями выпуклые вершины ее грудей. Потом бросился на штурм ее сосков, которые уже стояли по стойке «смирно», ожидая его.

– Зенобия! – прошептал он, и его язык начал совершать медленные, дразняще-нежные круговые движения вокруг ее соска.

Его язык все скользил и скользил по кругу, распространяя по венам волны тепла до тех пор, пока ей не захотелось кричать. Она слабела и задыхалась от наслаждения. Вдруг ей пришло в голову, что он пытается отвлечь ее внимание от дискуссии, которую она пыталась вести с ним. Первой ее реакцией на эту мысль был гнев из-за того, что он так несерьезно воспринял ее мнение. Но потом, когда его губы прильнули к ее соску и он начал сосать ее чувствительную грудь, все мысли исчезли, и она отдалась восторгам любви.

– О, мой Ястреб! – прошептала она, опасаясь разрушить восхитительные чары, которые, казалось, окружали их. – Я люблю тебя!

Он медленно поднял голову и взглянул на ее прекрасное лицо. На мгновение Зенобии показалось, что она вот-вот утонет в темном омуте его глаз. В его голосе слышалась необычайная сила, и это давало ей сверхъестественное ощущение, что он способен предугадывать самые сокровенные ее мысли.

– И я люблю тебя, моя прелестная жена! И буду делить с тобой все, любовь моя! Перед нами лежит целая вечность, и мы пойдем рядом!

Глава 4

Марк Бритайн оторвался от описи товаров и поднял глаза.

– Да, Север, в чем дело?

– Пришла княгиня Пальмиры, господин!

– Ко мне?

Его сердце подпрыгнуло в груди. Потом он подумал, что она, может быть, уже не помнит его.

– Она желает купить мебель и взглянуть на наши ткани.

– Так помоги же ей, Север! – И он снова опустил голову и занялся списками.

Голос Севера стал строгим:

– Марк Бритайн! Вы не можете уклоняться от встречи с княгиней Зенобией! Если вы будете продолжать избегать ее, то ее очарование в ваших глазах будет расти до тех пор, пока никакая другая женщина не сможет сравниться с той, которую создало ваше воображение. Ведь она – супруга правителя Пальмиры! Вы просто обязаны поприветствовать ее!

– Наверное, и стариком ты будешь опекать и давать мне советы! – проворчал Марк.

– В каждом мужчине есть что-то от мальчика, Марк Бритайн! – невозмутимо ответил Север.

Марк вышел из своей конторы и на мгновение остановился, чтобы собраться с мыслями. Она здесь! Неужели она искала его? Глупец! Его практичная натура возвысила свой голос. Да с какой стати, именем всех богов, она должна помнить о нем? Ведь она ненавидит голубоглазых римлян. Кроме того, из всего, что он слышал, следовало, что ее брак с Оденатом был браком по любви. Покачав головой при мысли о собственной глупости, он расправил складки тогипуры и твердыми шагами вошел в атрий товарного склада.

Зенобия поднялась со скамьи, на которой сидела. Она смотрела на него, пока он шел к ней. Это был тот самый голубоглазый римлянин! Ну конечно! Она смутно припоминала, что он представился ей при их короткой первой встрече. «Считалось, что торговцы – это старики, – с раздражением подумала она, – но этот человек определенно не был старцем». Ростом он выше нее по крайней мере на полголовы, а Зенобия знала лишь немногих мужчин, на которых ей приходилось глядеть снизу вверх. Это внушало ей какое-то смутное ощущение неудобства и заставляло чувствовать себя рядом с ним в невыгодном положении. Вокруг нее хихикали ее служанки, отпуская довольно колкие и вызывающие замечания по поводу красавца купца. Зенобия почувствовала, что ее щеки слегка покраснели. Лишь совсем недавно пробужденная к чувственности, она не могла удержаться, чтобы не смотреть на Марка Александра глазами женщины. Она считала это в какой-то степени предательством по отношению к ее Ястребу.

Подойдя к ней, Марк Александр преклонил колени и засвидетельствовал ей свое почтение:

– Ваше высочество!

– Встаньте, Марк Александр Бритайн! – сказала она. Потом, прежде чем она успела осознать, у нее вырвались слова: – Почему вы такой высокий? Вы что, великан?

– Нет, ваше высочество! – ответил он. Его голос был ровным, хотя ему хотелось смеяться. – Свой рост я унаследовал от племени добунни, к которому принадлежала моя мать. Мой дед был их князем. – Он улыбнулся, глядя на нее сверху вниз. – Да позволено мне будет сказать, что вы тоже слишком высоки для женщины, ваше высочество!

– Я тоже унаследовала свой рост от матери, Марк Александр Бритайн. Моя мать – гречанка из Александрии и происходила от царицы Клеопатры. – Зенобия не скрывала своей гордости.

– Как удачно получилось, что прекрасной юной девушке, которая является потомком царицы Клеопатры, суждено стать княгиней Пальмиры, ваше высочество! – последовал ответ.

Зенобия подняла взгляд на римлянина, но в его глубоких голубых глазах не было и следа насмешки, а лишь глубочайшее уважение.

– Теперь вы гораздо учтивее, Марк Александр Бритайн! – сказала она.

Он с радостью отметил, что она помнит об их первой встрече.

– Север сообщил, что вы желаете приобрести мебель, ваше высочество. Однако, как я слышал, ваш дворец прекрасно обставлен.

– Пальмирский дворец действительно обставлен прекрасно, но дом, который находится в саду возле дворца и который я делю со своим мужем, построили совсем недавно.

– Мои склады полны, ваше высочество, и я сам хочу сопровождать вас.

– Оставайтесь здесь! – приказала Зенобия служанкам.

Тут он заметил сопровождавших ее женщин, этих порхающих бабочек. Все они открыто восхищались им.

– Следуйте, пожалуйста, за мной, ваше высочество! – сказал он, вывел ее из залитого солнечным светом атрия, повел по коридору и, наконец, провел в огромный зал, заставленный всевозможной мебелью, заполненный рулонами разноцветного шелка, льна, шерсти и самыми разнообразными предметами внутреннего убранства дома.

Ошеломленная, Зенобия стояла и смотрела на все это богатство. А он любовался ее совершенной красотой. Она даже прекраснее, чем он ее запомнил. Она вся светилась, наверное, эта женщина действительно любима. Его зависть к Оденату немного смешивалась с грустью. На ней была стола бледно-лилового цвета без рукавов, с низким вырезом, подпоясанная на талии тремя узенькими ремешками из позолоченной кожи. Ее длинные темные волосы были разделены пробором, уложены тяжелым кольцом на затылке и скреплены золотыми гребнями, украшенными аметистами.

– У меня глаза разбегаются!

Ее мелодичный голос вывел его из мечтательной задумчивости.

– Эта партия товара прибыла только вчера, – ответил он.

– Я посещала и другие склады, Марк Александр Бритайн, но они не могут сравниться с вашими. – Она на мгновение умолкла, а потом подняла на него глаза. – Марк Александр Бритайн, мне нужна ваша помощь!

– Моя помощь? – Он почувствовал, как забилось его сердце.

– Умеете ли вы хранить тайну! Я вас очень прошу, ведь я умру от смущения, если кто-нибудь узнает об этом. Я почему-то доверяю вам, несмотря на то что вы римлянин, и к тому же голубоглазый римлянин. Все же интуиция подсказывает мне, что вам можно доверять. Вы сохраните мою тайну?

Он кивнул.

– Благодарю вас. – Она глубоко вздохнула. – Я совсем не умею обставлять дом, Марк Александр Бритайн. Видите ли, всю свою жизнь я провела либо в палатке, которую мы устанавливали во время кочевья по пустыне, либо в доме моей матери здесь, в Пальмире. Дом матери был частью ее приданого, и она обставила его еще до моего рождения. У нее никогда не было необходимости покупать новые вещи, и она умерла прежде, чем успела научить меня всему тому, что должна знать хорошая жена. Можете ли вы помочь мне? Скажите, что надо сделать, какие вещи приобрести.

Он понимал, чего ей стоило это признание, ведь она очень горда. Им овладело почти неудержимое желание протянуть руки и заключить ее в объятия. Но он овладел собой и спокойно произнес:

– Я польщен вашим доверием, княгиня. Постараюсь не подвести вас.

– Оказывается, вы не только деловой человек, но еще и дипломат, Марк Александр Бритайн! – Ее серые глаза внимательно рассматривали его. – Империя потеряла в вашем лице ценного служащего.

– Искусство быть деловым человеком включает в себя также умение быть дипломатом, – спокойно ответил он. – Ну как, начнем с кушеток?

Зенобия засмеялась и кивнула.

– Конечно, давайте начнем с кушеток! – согласилась она.

Он провел ее в ту часть склада, которая была полностью заставлена кушетками, аккуратно расставленными бок о бок, ряд за рядом. Они были изготовлены из хорошего дерева и великолепно украшены. Подлокотники и ножки – резные, с инкрустацией из панциря черепахи, слоновой кости и даже драгоценных металлов. У некоторых кушеток каркас был из серебра, а ножки инкрустированы драгоценными камнями или украшены рельефной резьбой, изображающей сцены с богами. На одной из кушеток был живописно изображен Юпитер в образе лебедя, соблазняющего девушку Леду. Марк заметил, что как только Зенобия увидела эту кушетку, то сразу же отвернулась от нее. Ее скромность почему-то умилила его.

– А у вас нет диванных подушек и чехлов для кушеток? – спросила она.

– У большинства купцов кушетки продаются в готовом виде, вместе со всеми этими принадлежностями. Однако я предпочитаю дать моим покупателям возможность самим выбрать ткань. Мне было бы очень неприятно упустить возможность продать вам мебель только потому, что вам не понравился цвет обивки.

– Это очень благоразумно с вашей стороны, Марк Александр Бритайн.

Он в восторге рассмеялся, так как комплимент этой девушки был ему очень приятен. Он спокойно выслушал, что ей нужно, а потом предложил несколько вариантов. Каждый раз он объяснял ей, почему предпочитает одну кушетку другой, чтобы она могла чему-то научиться. Однако окончательное решение оставалось за ней.

Потом они перешли к стульям и выбрали понравившиеся. Столы были сделаны из дерева твердых пород и облицованы шпоном или тонкими пластинками из золота или серебра. Самым красивым и самым дорогим на всем складе был круглый стол, изготовленный из распиленного поперек ствола африканского кедра, прекрасно подобранного и великолепно обработанного. Зенобия с благоговением потерла рукой поверхность стола, чуть не мурлыкая от удовольствия.

– Даже и не говорите! Вы обязательно должны приобрести его! – подзадоривал ее Марк.

– А не ошибусь ли я, если выберу его? – нерешительно спросила она.

– Нет, не ошибетесь! Это замечательная вещь. На самом деле, по моему мнению, это очень хороший стол. Но он обойдется вам ужасно дорого, ваше высочество!

Ее брови, похожие на крылья, слегка приподнялись.

– Я не спрашиваю о цене, Марк Александр Бритайн!

Лишь слабая тень улыбки тронула уголки его губ.

– Может быть, перейдем к сундукам и шкафам, ваше высочество?

Зенобия последовала за ним в другое отделение склада. Она надеялась, что ее походка выглядела достаточно величественной. Там с помощью Марка она выбрала несколько деревянных шкафов, великолепно украшенных, один лучше другого. Шкафы были разделены на секции, но не имели ни выдвижных ящиков, ни замков, ни петель. Она выбрала также несколько окованных железом деревянных сундуков с украшенными орнаментом замками и петлями из темной бронзы. Потом приобрела печи на ножках, которые ставились на пол и топились древесным углем. Они будут обогревать комнаты длинными зимними вечерами.

После этого Зенобия купила светильники. Она не удержалась от восторга при виде огромного разнообразия представленных светильников. Последовав совету Марка, она выбирала только металлические светильники. Он уверял ее, что они будут служить ей всю жизнь. Там были светильники с ручками, которые можно переносить из комнаты в комнату; светильники,

которые подвешивались на цепях к потолку, и другие, которые устанавливали на подставки или треножники. Эти светильники были изящны по форме и прекрасно отделаны драгоценными и поделочными камнями, оправленными в золото и серебро.

Отбор покупок занял у Зенобии два часа. Теперь ей предстояло еще выбрать ткани для кушеток и подушек.

– Я просто в изнеможении! – пожаловалась она Марку. – Полагаю, мне было бы легче вести свой военный корпус на верблюдах в пустыню на учения, чем совершать покупки.

– Ваш корпус?!

В его голосе слышалось любопытство, однако он постарался, чтобы вопрос прозвучал безразлично.

– Бедави – великие воины, когда им приходится воевать, Марк Александр Бритайн. Когда мне исполнилось тринадцать лет, мой отец начал тренировать меня так же, как и всех моих братьев, в искусстве ведения войны в пустыне. Сейчас он занимается с младшими сыновьями.

– И с кем же вы сражаетесь, моя княгиня?

– У бедави мало врагов, но, как говорил мой отец, мы не должны расслабляться, – ответила она.

– Значит, все ваши братья командуют войсками?

– О нет, Марк Александр Бритайн! Чтобы командовать военным корпусом бедави, нужно иметь талант. Только трое из моих старших братьев и я имеем свои собственные войска. Правда, один из моих младших братьев тоже подает надежды. – Она улыбнулась ему застенчивой улыбкой. – Вы так добры ко мне, Марк Александр Бритайн! А теперь мне нужно выбрать ткани. Ведите меня дальше, пожалуйста!

Беседа закончилась, и он понял, что больше не осмелится возобновить ее. Зенобия молода и неопытна. Он расспросит о ней Антония Порция. Сама мысль о том, что это стройное и утонченное создание может быть воином, очаровала его. Он улыбнулся ей в ответ и произнес:

– Я прикажу, чтобы сюда принесли стул и вы могли сесть, ваше высочество. Рабы покажут вам ткани.

Он отдал несколько приказаний, и вскоре Зенобия уже удобно расположилась на стуле, а в руке у нее оказался алебастровый бокал с прохладным соком. Еще один краткий приказ со стороны Марка Александра Бритайна – и рабы начали подносить ей рулоны ткани. Они развернули несколько отрезов шелка, чтобы Зенобия могла как следует рассмотреть рисунок. Ее глаза широко раскрылись при виде великолепных красок. Они расстилались перед ней, словно тысяча восходов и закатов, слитых воедино: однотонные ткани, парча и шелк, переливающиеся золотыми и серебряными нитями.

Тонкие шерстяные ткани, как местные, так и привозные, имели множество оттенков – от темно-красного до черного. Самые лучшие ткани привозили из Египта, как сообщил ей Марк Александр, а хлопок выращивали только в восточных провинциях.

– Я не знаю, с чего начать! – сказала она.

Он рассказал ей, какие ткани самые лучшие, и показал, как подобрать ткани по цвету и фактуре, чтобы они выглядели привлекательнее. Склонившись над ней, он вдыхал нежный гиацинтовый аромат, который всегда окружал ее. Он мучил себя, бросая быстрые взгляды на ее бледно-золотистые груди, спокойно вздымавшиеся и опускавшиеся над низким вырезом ее столы. Сверхчеловеческим усилием он сдерживал возбуждение; ему так хотелось покрыть эти ароматные полукружия жаркими поцелуями.

– Вы так необыкновенно добры, Марк Александр Бритайн! – Ее голос доносился до него словно за миллионы миль. – До сегодняшнего дня я не подозревала, что римлянин может быть таким добрым и учтивым. Теперь я вижу, что ошибалась.

– У всех народов есть добрые и злые, ваше высочество. Если я научил вас не выносить поспешных суждений, то могу считать это победой для Пальмиры и ее народа.

– Но Пальмирой правит мой муж, а не я.

– Все женщины управляют своими мужьями, ваше высочество. Я имею все основания утверждать это, поскольку вырастили меня мать и сестры.

Зенобия рассмеялась.

– Это упрек мне! – сказала она, поднимаясь со стула. – А теперь скажите, Марк Александр Британ, когда все эти прекрасные вещи, которые я приобрела, будут доставлены во дворец?

– Я пришлю их завтра, ваше высочество. Их могли бы доставить к вам и сегодня, но нам нужно время, чтобы обить тканью ваши кушетки. Если позволите, я провожу вас до носилок.

Он стоял возле склада и наблюдал, как большие носилки, нагруженные до предела Зенобией и ее служанками, удалялись по улице. Их сопровождали не пальмирские солдаты, а воины-бедави. Он ясно понял, что влюбился, и эта изысканная женщина – единственная на всем белом свете. Что бы ни случилось, он должен оставаться рядом с ней. Он еще не знал точно, как ему удастся достичь этого, но как-нибудь он этого добьется!

Казалось, сама Венера узнала о его желании и сжалилась над ним, потому что на следующий день такая возможность представилась сама собой, когда он лично наблюдал за доставкой покупок Зенобии во дворец.

Она весело приветствовала его, а потом принялась указывать рабам, куда поставить мебель. Вскоре к ним присоединился Оденат. Он поцеловал свою молодую жену в щеку и снисходительно улыбнулся, выслушав ее объяснения.

– Я ничего не смогла бы сделать, мой Ястреб, если бы не Марк Александр Британ!

– Значит, мы вам обязаны, Марк Александр Британ! – сказал Оденат. – В самом деле, вы не похожи на наших купцов. Сразу видно, вы получили хорошее образование и родились в семье патрициев.

– Да, мой род древний и знатный, ваше высочество. Род Александров восходит еще к Римскому царству. Мы выжили, и ключ к этому, как я полагаю, заключается в том, что мы никогда не впутывались в политические интриги. Каждое новое поколение учили, что только упорный труд – залог благосостояния. Наше фамильное имение, расположенное на холмах под Римом возле Тибра, было пожаловано нам в самом начале существования республики. Мой дед, который в настоящее время является главой рода Александров, все еще следит за фермой и виноградниками.

– И тем не менее вы сделались торговцем, Марк Александр Британ. Почему же? – спросил князь Пальмиры.

– Мой отец – младший сын, ваше высочество. В отличие от остальных членов своей семьи он предпочел служить правительству. Со временем его направили в Британию губернатором. Там он встретился с моей матерью и женился на ней. Чтобы обеспечить свою растущую семью, он начал приобретать и отправлять в Рим разные редкие и красивые вещи. Когда его в конце концов отозвали обратно в Рим, он обнаружил, что создал небольшое торговое дело с надежными связями. Мой дед позволил отцу заняться торговлей, а тот решил, что жизнь в городе гораздо приятнее деревенской. Мой младший брат Аул живет в Британии, покупает там товары и отправляет их в Италию. Меня послали сюда на закупку великолепных товаров с далекого Востока, а товары из Европы хорошо идут здесь.

Оденат пристально разглядывал рослого римлянина.

– Вы служили в армии?

– Да, ваше высочество, я служил в преторианской гвардии[5] под предводительством юного императора Гордиана в Африке.

Эти слова произвели на Одената большое впечатление.

[5] Преторианцы – императорская гвардия.

– В качестве свадебного подарка император собирается сделать меня командиром римских легионов здесь, в Пальмире.

– Это великолепный подарок, ваше высочество. У меня нет сомнений, что вы принесете славу этому краю! – ответил Марк.

– Полагаю, Марк Александр Бритайн должен остаться с нами на вечернюю трапезу, мой Ястреб! – сказала Зенобия. Она повернулась к Марку: – Вы ведь останетесь, не правда ли?

Князь улыбнулся:

– Боюсь, вы не сможете отказать нам, Марк Александр Бритайн.

У Марка не было никакой возможности вежливо отклонить это предложение. По правде говоря, он и не хотел отказываться. Хотя при виде князя, проявлявшего такую нежность к Зенобии, он испытывал страдание, но по крайней мере у него есть возможность побыть рядом с ней.

Зимняя столовая в маленьком дворце была обращена окнами на юг. Ее стены выложили тонкими плитками бледно-желтого мрамора, деревянные карнизы и плинтусы украсили резьбой и позолотой. Изящные решетки закрывали окна. Восточную и западную стены комнаты украсили великолепными фресками, сверкающими золотыми пластинками, яркими красками и картинами, выполненными в технике мозаики. Одна картина изображала охоту на гиппопотамов и крокодилов на Ниле, а другая – охотников на конях в сопровождении лоснящихся быстроногих собак, преследующих газелей в пустыне. Пол также выстлан мозаикой – крошечными синими, зелеными и желтыми плитками. Вокруг квадратного обеденного стола были расставлены три пиршественных ложа, каждое из которых предназначалось для трех человек.

Князь сел на центральное ложе, Зенобия расположилась слева от него, а Марка усадили справа, на почетное место. Марк ел механически. Он был слишком поглощен ответами на многочисленные вопросы, которыми забрасывала его Зенобия.

Некоторое время он рассуждал о различных философских проблемах. Потом она проницательно взглянула на него и произнесла:

– А вы верите во все это, Марк Александр Бритайн?

Он улыбнулся ей:

– Я – реалист. Я верю только в то, что вижу.

– Я не хотела обидеть вас. Просто я любопытная. На свете так много интересного и все хочется узнать!

– Зенобия – самая прекрасная женщина в Пальмире, но она не удовлетворена тем, что имеет, – заметил князь.

– Быть красивой – это еще не все, мой Ястреб. Если бы ты хотел взять в жены какую-нибудь пушистую кошечку, ты бы уже давно женился.

– Что же вы хотите знать, моя княгиня? Я с радостью поделюсь с вами своими скромными познаниями.

Князь кивнул, и Зенобия с унынием произнесла:

– Марк Александр Бритайн, я ведь даже не знаю, как выглядит море, и это, мой друг римлянин, лишь начало моего невежества.

Марк заговорил. Обладая даром красноречия, он рисовал чудесные картины мира, которые позволяли слушателям словно наяву увидеть море и плывущие по нему корабли. Он рассказывал о Риме, построенном на семи зеленых холмах, о Британии, стране, где он родился, с ее туманной сырой погодой и холмами, еще более зелеными, чем в Риме. Он рассказывал о своей службе в Африке, этой первобытной стране, полной жестоких контрастов. Во время рассказа Зенобия сидела неподвижно и словно губка впитывала каждое его слово. За окнами столовой сгущалась ночь. Слуги убрали фрукты и медовые лепешки с орехами. Бокалы вновь наполнили ароматным красным вином, а Марк все продолжал говорить, пока не заметил уголком глаза, что князь зевает, прикрывшись рукой.

– Уже поздно, а я все бубню, словно школьный учитель! – сказал Марк.

– Но вы ведь только начали рассказывать мне о том, что я так стремлюсь узнать! – произнесла Зенобия.

– В таком случае, может быть, Марк Александр Бритайн еще раз навестит нас и продолжит свой рассказ, – вежливо сказал князь.

– Завтра! – добавила Зенобия.

– Завтра?

Мужчины, казалось, были изумлены.

– Да, завтра! Ты должен приказать ему, мой Ястреб, приходить сюда каждый день хотя бы на час и рассказывать мне о мире, который находится за пределами нашего города.

Раздосадованный Оденат смотрел на римлянина несколько раздраженно.

– Марк Александр Бритайн – занятой человек, мой цветок!

– Неужели он настолько занят, что не может уделить мне один час в день? – запротестовала Зенобия.

Марк заметил, что князь посматривает на него со скрытой ревностью. И все же он испытывал отчаянное желание видеть Зенобию.

– Может быть, вы позволите мне навещать ее высочество дважды в неделю, мой господин? Если я изменю свое расписание, то смогу сделать это, – сказал он, глядя прямо в глаза князя.

Зенобия встала и соблазнительным движением прильнула к мужу.

– Я ведь не прошу у тебя драгоценностей или других безделушек, мой Ястреб! Единственное, к чему я стремлюсь, – это знания. Как же ты можешь возражать против этого? Ты проводишь дни, встречаясь со своими советниками. За домом следят рабы, а меня преследует скука. Конечно, я могла бы беседовать с твоей дорогой матушкой или, быть может, с Делицией. – Она улыбнулась ему с притворной нежностью.

– Я не желаю, чтобы ты проводила время в обществе других мужчин! – проворчал князь.

– Но ведь ты не ревнив, мой Ястреб!

Теперь голос Зенобии перешел в шепот, но Марк, который отличался острым слухом, различал каждое слово. Он вздрогнул, когда услышал то, что она сказала потом.

– Ведь он далеко не молод и годится мне в отцы! Кроме того, со мной будет Баб, а если ты настаиваешь, то и мои служанки тоже. Меня не волнует, сколько человек будет присутствовать при наших беседах! – И она шутливо подула ему в ухо. – Ну пожалуйста!

Марк отвел от них взгляд. Он не мог смотреть, как нежна она с князем. Он глубоко вздохнул и принял безразличный вид. Ведь Зенобия замужем за Оденатом, и они, очевидно, любят друг друга.

– Вы не будете возражать против того, чтобы приходить сюда и учить мою жену, Марк Александр Бритайн?

– Нет, мой господин, я почту это за честь!

Он следил за тем, чтобы его голос и выражение лица оставались серьезными.

– Ну что же, очень хорошо. Пусть так и будет! Благодарю вас, Марк Александр Бритайн!

Римлянин поднялся из-за стола.

– Я злоупотребил вашим гостеприимством. С разрешения вашего высочества, я попрощаюсь с вами.

– Я разрешаю вам это, Марк Александр Бритайн.

Марк поклонился и вышел из комнаты. Он услышал, как Зенобия негромко и ликующе вскрикнула:

– О мой Ястреб, спасибо тебе! Спасибо! Спасибо!

Она бросилась к мужу и поцеловала его. Он слабо запротестовал:

– Зенобия! Мы ведь в столовой!

– Это ложе достаточно велико для нас обоих, мой Ястреб! – прошептала она, развязывая его халат и прижимаясь к его груди.

Он издал стон, и все мысли о римлянине мгновенно улетучились из его головы. Он обвил ее руками и уткнулся лицом в мягкое плечо.

– Зенобия, Зенобия! Ну что мне с тобой делать?

– Давай займемся любовью, мой Ястреб! – дерзко попросила она.

– Прекрасная идея, мой цветок, но только не здесь. А то вдруг какой-нибудь несчастный раб споткнется о нас!

Он запечатлел поцелуй на ее недовольно надувшихся губках и с улыбкой повел ее по дому, а потом вверх по лестнице в их спальню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.